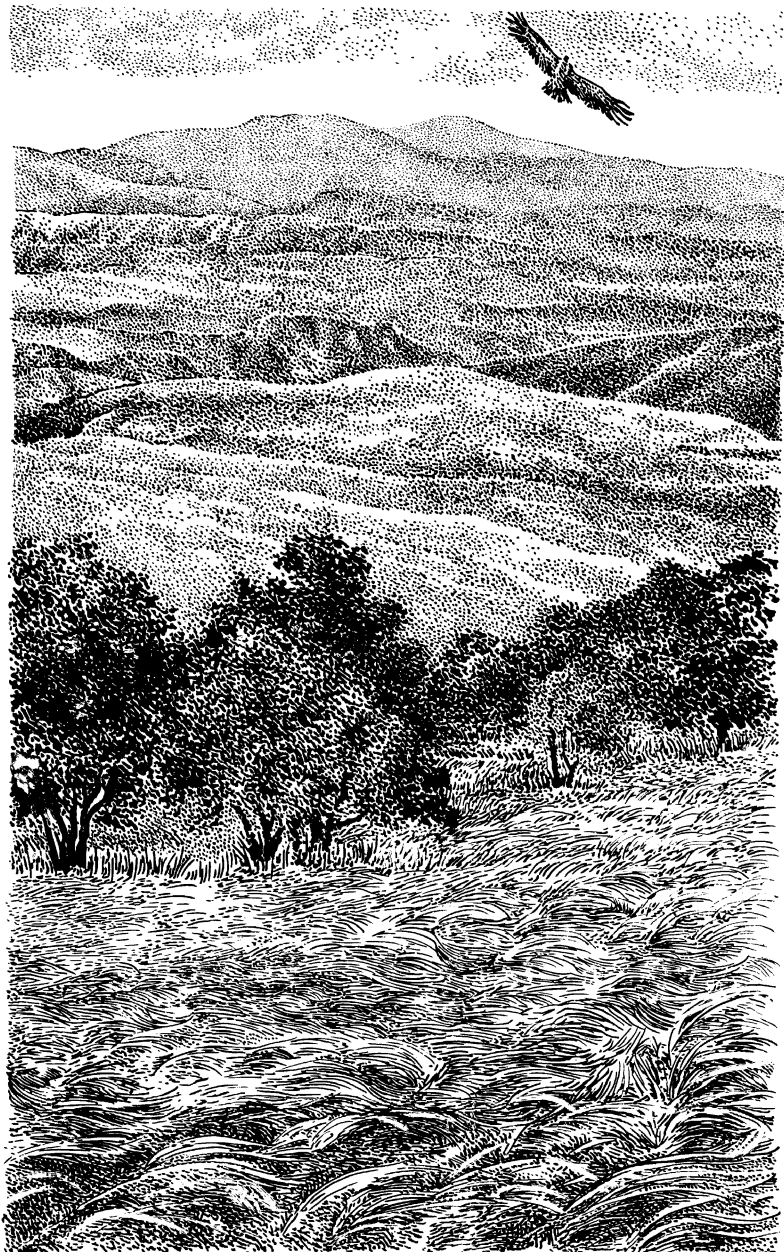

**СЕРГЕЙ
ПОЛОЗОВ**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

СЕРГЕЙ
ПОЛОЗОВ

Срасцайтцс
Ястребиный орел
и другие

Документальная орнитологическая сказка

Москва
Армада-пресс
2001

Серия основана в 1994 году

Sergei Polozov

FASCIATUS
(BONELLI'S EAGLE AND OTHERS)

Documenting An Ornithological Tail...

Иллюстрации
Ермакова А. В.

ISBN 5-309-00212-X

© Полозов С. А., 2001
© ООО «Дрофа», 2001
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Здравствуйте!

Сразу должен предупредить, что эта книжка — про птиц, и в ней нет ничего про секс, убийства и про деньги (есть, правда, немного про любовь, про смерть и про сокровища). Но мне все равно очень хотелось бы, чтобы вы ее прочитали.

Я вспоминал эту эпопею мысленно и с друзьями десять лет, а потом вдруг сел и описал. Чего ради? Понятия не имею. Это один из тех случаев, когда рассказываешь не потому, что уж очень хочется рассказать, а потому, что не можешь не рассказывать.

А может, соприкоснувшись с Востоком и убедившись, что описанное в древних легендах всегда повторяется и сбывается, я, наивный, решил подстраховаться? Потому как прочел однажды в сказке, сложенной века назад где-то между Туркменией, Ираном и Афганистаном, такие слова: *«Стоит мне рассказать вам, над чем я смеялся, и меня тотчас же постигнет смерть. Однако, если, вместо того чтобы рассказывать, напишу я все на бумаге, смерть меня минует...»*¹

Как бы то ни было, история поиска ястребиного орла описана недавно. А вот дневниковые заметки и отрывки из писем про Туркмению накапливались в течение пятнадцати лет — с того самого времени, как я впервые попал туда и лишь начал знакомиться с этой прекрасной страной и ее замечательными людьми.

Записи эти сделаны были в разной обстановке и под разное настроение: на жаре, когда даже ишаки прячутся в тень (а ведь им все нипочем) или когда приходилось пережить

¹ Здесь и далее перевод с фарси А. Дуна и Ю. Салимова.

дождь и снег в горах; в моменты избытка сил или крайней усталости; в приподнятом настроении или когда весь свет не мил; в шумных компаниях моих друзей и когда я неделями ходил по горам один; когда мне, впервые приехавшему в Копетдаг аспиранту, смотревшему вокруг во все глаза, было двадцать два года, и позже, когда я уже сам возил туда студентов.

В этих дневниковых и эпистолярных записках я не стал менять свой тогдашний язык, подстраивая его под себя нынешнего. Потому что сегодня, отдалившись на некоторое время и расстояние от описываемых событий, я отчетливо вижу, насколько незначительны и второстепенны все мои собственные эволюции по сравнению с тем вечным и главным, ради чего я туда попал: с птичьими стаями, жарким солнцем и уже навсегда узнаваемыми очертаниями гор на горизонте.

Сергей Полозов

...шел я по одному делу, достиг некоего места, и предстало моим глазам нечто удивительное...

(Хорасанская сказка, XII — XIX вв.)

Туркмения — солнечная, но гостеприимная страна...

(Из туркменской литературы эпохи развитого социализма)

1

ХОРАСАН, историч. область на Ср. Востоке, в сопредельных р-нах Туркм. ССР, Ирана и Афганистана. Значит. часть Х. занимают Туркмено-Хорасанские горы...

(Географический энциклопедический словарь, 1989)

Сказители старинных дастанов, сладкозвучные соловьи, порхающие в садах прекрасных слов, хранители сокровищниц чудесных преданий — все они рассказывают о том, что...

(Хорасанская сказка)

История эта началась совершенно неожиданно, и ничего необычного ей не предшествовало. Был жаркий майский день, и солнце над опустыненными холмами долины Сумбара палило всюду. Трясаясь в кузове старого «ГАЗа» и ощущая лицом горячий встречный поток воздуха, я думал о том, что за покатым невысоким хребтом, расположенным к югу от нас, уже Иран. Такой же, как эта часть Туркмении, если говорить о природе, почти такой же по укладу жизни людей, живущих вдоль границы, но формально заграничный, отгороженный от нас контрольной полосой и столбами с колючей проволокой.

От мыслей про условность придуманных человеком границ меня отвлекла переползающая через пыльную дорогу здоровенная гюрза в руку толщиной. Встреча с такой змеей в природе немедленно создает у меня приподнятое настроение. Увидеть гюрзу после полудня было необычно (ползать по солнцепеку слишком жарко), хотя в мае и возможно, — период размножения.

Я забарабанил рукой по крыше кабины, Хыдыр-Ага затормозил. Соскочив с борта кузова, я на бегу соображал, что в брачный сезон рядом может оказаться и еще змея, а то и не

одна, и старался внимательнее смотреть по сторонам. Но, пока я неся вприпрыжку к кусту держидерева, к которому проползла гюрза, она уже исчезла, еще раз заставив меня испытать знакомое уже ощущение: все вокруг — это *их* дом, а не наш. Всякий раз, когда мы не прибегаем к силе, *они* здесь решают, а не мы, надо нам встречаться или нет. Потоптавшись впустую вокруг колючего прозрачного кустика, я вернулся на дорогу и, придерживая бинокль на груди и магнитофон на поясе, полез назад в кузов. В этот момент все и произошло.

Согласитесь, это очень интересно, как некоторые мгновения отпечатываются в памяти, — словно фотографии, которые, будучи однажды снятыми, потом годами висят над столом перед глазами. Так получилось и на этот раз. Зацепившись руками за шершавый борт грузовика, я поставил пыльный кирзовый сапог на горячее, пахнущее перегретой резиной колесо, подтянулся, чтобы запрыгнуть в кузов, и, когда солнце резануло поверх борта прямо по глазам, инстинктивно отвернул голову и в этот момент увидел двух птиц.

2

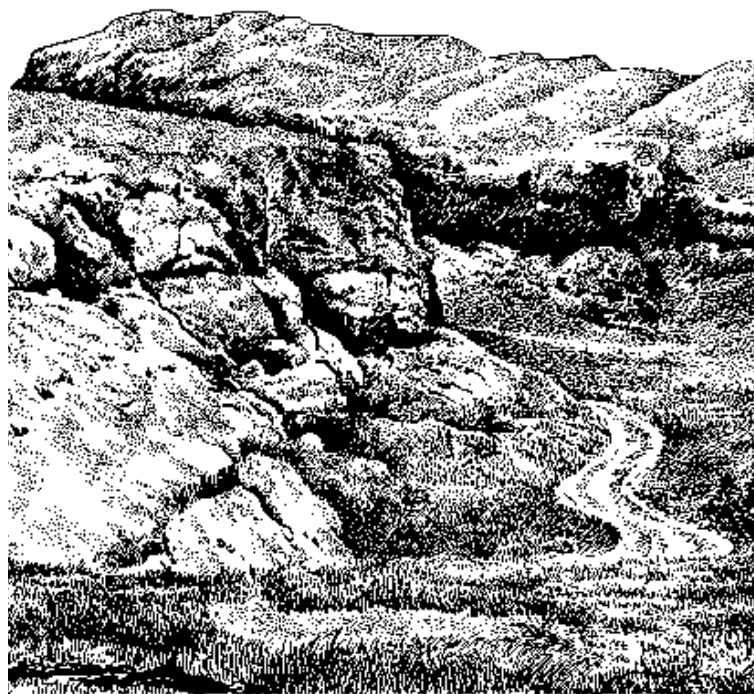
В воздухе реют чайки и крачки, проносятся косяки пеликанов, колпиков и караваек, куда-то торопятся серые, красные и белые цапли, мечутся взад и вперед косяки различных уток; из камышей доносятся гоготание диких гусей, ржание поганок, стоны лысушек, как бы негодующие крики султанок... кряканье уток, пение камышевок, звонкое трещание *Prinia*, свист ремезов и усатых синиц. И как хорошо здесь, в камышах, среди массы воды, в горячем воздухе, в кругу своих пернатых друзей!

(Н.А. Зарудный, 1900)

Птицы — это не животные. Они произошли от летающих рыб...

(Из ответа абитуриента на вступительном экзамене)

Чтобы стала понятна необычность ситуации, скажу два слова о том, насколько это особое дело — наблюдение птиц в природе. Большинство из нас, видя птиц каждодневно, не обращает на них внимания. Для тех же, кто занимается орнито-

логией, именно птицы олицетворяют собой самые разные проявления окружающего мира.

Первый, необходимый и крайне ответственный этап любой орнитологической работы — это определение птиц, которых вы наблюдаете. Помимо важности для научных исследований оно само по себе для многих может быть увлекательно как спорт или азартная игра. Этим объясняется тот факт, что любительское наблюдение и определение птиц («бёрдвотчинг») стало сегодня одним из наиболее популярных видов отдыха и туризма, объединив миллионы любителей по всему миру. Порой оно приобретает весьма экстравагантные формы: множество людей в разных странах готовы пересечь полмира и платить потом тысячу долларов в день за возможность посмотреть на маленькую невзрачную птичку, живущую где-нибудь в кустах в интересном для наблюдателя месте...

Проводится это определение по целому набору признаков. Их полное перечисление неизбежно утянет нас в тоскливые для непосвященного глубины традиционной зоологии, интересной далеко не всем, поэтому — коротко о главном. Нужно подчас мгновенно (птицу нередко видишь лишь секунду) оценить размер ее тела, пропорции и форму хвоста, крыльев, шеи, головы и клюва; детали окраски; то, как птица сидит или двигается; характер ее криков, позывов и песни. Различия между отдельными видами очевидны и неспециалисту, определение же некоторых из них требует колоссальной дотошности и опыта.

День за днем, месяц за месяцем вы накапливаете этот опыт, раз за разом сверяя наблюдаемое в бинокль с иллюстрациями в определителе, собственными зарисовками, описаниями из разных книг; фотографируете, надиктовываете и записываете наблюдаемое. Позже, уже при известных навыках, вы узнаете птицу по облику — не-

кочему совокупному обобщению всех этих отдельных деталей, мгновенно высвечивающему в вашем сознании либо название вида, либо то непонятное, что мешает его однозначно определить. И если вы работаете в том или ином регионе достаточно долго, то в один прекрасный момент достигаете того заветного рубежа, когда определение видов как таковое перестает быть камнем преткновения, что предоставляет вам новую степень свободы в работе.

Поэтому в первый момент, увидев двух этих птиц — среднего размера изящных орлов, очень чистой и нарядной окраски (шоколадно-коричневый верх и белый, с продолговатыми пестринами низ), парящих необычно низко (всего метрах в десяти) над холмами и словно как-то особо-приглашающе показываясь мне, я ощутил шок от сознания того, что этого вида ни разу в жизни не встречал.

В следующую секунду в голове моей произошло лихорадочное сопоставление того, что я видел, с тем, что было известно про Западный Копетдаг из теории, и уже через мгновение у меня «в зобу дыханье сперло»: сомнений не оставалось, хоть и не верилось собственным глазам, — это была пара ястребиных орлов.

ВОРОН

Едва ворон их увидел, он подлетел к ним и стал ласкаться и рыдать. Тут перышко достала волшебный волосок, положила его рядом с вороном и подожгла. И волею Аллаха ворон тотчас принял человеческий облик...

(Хорасанская сказка)

«17 января. ...Просидел целый день в предгорьях, наблюдая пустынных жаворонков, а на обратном пути, уже спускаясь ниже в долину Сумбара, увидел, как ворон перелетает за мед-

ленно ползущей по опустыненным холмам отарой, присаживаясь недалеко от пасущихся овец.

Сидит себе издали заметной яркой черной кляксой на бледно-зеленом склоне, временами каркает грассирующе-гортанно, поглядывая черным птичьим глазом на идущего к нему от отары алабая. Дождлся, пока собака подошла почти вплотную, уже чуть не кинулась на него, и снисходительно-неторопливо взлетел в метре от облапошенного собачьего носа.

Воистину у него коэффициент интеллектуальности больше, чем у собаки, все правильно. В это не верится просто потому, что мы сами, будучи млекопитающими, не видим этого ума в птице. В собаке видим, так как нам легче общаться с ней: у нее есть мимика, выражение лица. А у ворона привычного нам мимического инструмента общения нет. Мигнет прозрачным веком, глядя боком, по-птичьи; наклонит голову, разглядывая; ну, поднимет перья на затылке от удивления или от удовольствия. А ведь в этой птичьей голове далеко не куриные мозги...»

«4 февраля. ...Балобан шутя спикировал на сидящего ворона, который взлетел, оказавшись по размеру заметно крупнее самого сокола; классический экземпляр: огромный размах (бывают ведь иногда до 180 см!); ромбовидный хвост; мощный вздутый клюв и косматая борода на горле; такого с вороной не спутаешь... Балобан еще разок налетел на него, но во-

рон не особенно реагирует, понимает, что это игра.

Особенность ворона как вида ощущается постоянно. Огромный, мощный; самый умный из всей пернатой братии (из всех птиц самые умные и в целом прогрессивные — воробьиные, из всех воробьиных — врановые, из всех врановых — ворон); распространен по всем континентам и во всех ландшафтах от тундры до пустынь. Не случайно у половины народов мира он — символ мудрости и рока. «...Крикнул ворон: «Невер мор!..»

И как играют! Вот что значит интеллект. В лабораториях, где жизнь комфортабельная и оставляет время для досуга, резвятся вовсю. Чего только не вытворяют: и с разлета садятся на скользкий пол, проезжая по нему, как на лыжах; и «солнышко» крутят на веревке, раз за разом кувыркаясь через нее вниз головой, и многое другое. В природе игру труднее наблюдать; только когда в воздухе, на огромной высоте, пилотажем развлекаются и видны издали.

А иногда летит и вдруг издаст особенный, странный звук — как пробуждаемая при настройке виолончельная струна.

Когда вижу ворона или слышу его курлыкающее карканье над скалами в горах, или в пустыне, или в дремучей, безжизненной тайге, всегда испытываю приподнятое волнение. Особая птица».

ВСТРЕЧА С ЮННАТАМИ

Оставив позади много путей и дорог, достиг он ворот сада, выпил шербет из чаши, поданной ему справа, и в саду том на него налетели две птицы и выклевали ему глаз.

(Хорасанская сказка)

«12 февраля. ...Правильно, ребята!..

Ну, а ты что опаздываешь?.. Понимаю... Да, конечно, животных покормить — это уважительная причина... Проходи, садись.

Так вот, если ворон даже и в городе — интеллигентный индивидуалист и молчун (как исключение, собирается иногда до

ста — ста пятидесяти птиц в особых местах: на свалках и т. д.), то вот серая ворона — со-о-овсем другое дело...

Сразу должен признаться, что я ворон люблю и уважаю. Во-первых, потому, что их большинство людей, плохо зная, не любит или даже ненавидит. Во-вторых, — за ум и смекалку. После воронов они — самые умные птицы. И любознательные.

Ну, а гражданам недолюбливать ворон есть, конечно, за что. Потому как, если соберется каркающей братии на ночевку хотя бы тысяч десять (а бывает — и пятьдесят тысяч, и почти сто!), то мало не покажется. Не только обкакают сплошняком весь Александровский сад, «стены вечные Кремля» и даже (!..) Дворец Съездов, но и закаркают всех насмерть в окрестных домах. Одно утешение — вплотную к Красной площади не очень-то много граждан обитается.

И не шутки это все. Когда совсем уж поплохело, совсем не стало житья от ворон, правительство приподняло бровь (в том смысле, что уж если и терпим орнитологию как науку, то вот он, тот самый момент, когда пора эту орнитологию использовать): а ну-ка убрать всех ворон из Кремля!

Но ведь это вам не граждане СССР с пропиской в паспорте, это ведь птички, природа, необузданная стихия! Они ведь не слушаются! Навострили орнитологов — те стали думать.

Слушай, ты не только опоздал, но теперь еще и вертисься! Как тебя зовут? Сиди... Морковкин? Ты шутишь?.. Не кричите, ребята, я верю, что правда... Хорошая фамилия. Вот и сиди спокойно, Морковкин. Что?.. Меня?.. Сергей, э-э, Александрович... Нет, я на пятом курсе учусь... Нет, не в МГУ, а в педагогическом институте... В Ленинском, и это у меня педпрактика... Разному учат, Морковкин, разному... Очень интересно... Что? Наш факультет?.. Географо-биологический... Он на улице Кибальчича... Нет, это между «Щербаковской» и «ВДНХ»...

О чем я говорил?

Так. Короче, призадумались орнитологи. Травить нельзя (и бесполезно); стрелять тоже нельзя (Кремль все-таки, плюс — «всех не перестреляешь!»); отпугивать проигрыванием криков тревоги — на это даже бестолковые чайки перестают реагировать после третьего раза, а уж вороны-то, наоборот, слетаться будут, чтобы послушать... Чего делать-то?

Решили расшугать их специально натренированными ловчими птицами. Ведь когда хищный ястреб-тетеревятник гор-

до летит на своих мощных крыльях, от этого всему пернатому населению вокруг — сплошная и неподдельная тревога и паника...

Сказано — сделано! Создали спецподразделение в структуре комендатуры Кремля, выдали трем орнитологам важные красные удостоверения, предоставили допуск в святая святых... Все ходят гордые и довольные.

Короче, потом зашуганных, полуобшипанных тетеревятников из-под ветвей голубых правительственных елей выковыривали, спасая от истошно орущих оголтелых серо-черных хулиганов...

Джоггеры еще ворон не любят на Ленинских горах. Джоггер — это не русское слово, слово-паразит; или, может, даже вообще не слово. Так что и произносить его не будем на потребу потенциальному противнику, а скажем по-нашему, хоть и многословнее: утренние бегуны-физкультурники тоже ворон не любят. Впрочем, дневные и вечерние бегуны их тоже не жалуют...

Морковкин, ну что ты хихикаешь как придурочный? Пионер, а мешаешь выступать! Что у тебя там? Вынь!.. Ну и что, что из запазухи в штаны пролезла... Доставай!.. Ящерица?.. Не кричите, ребята!.. Я так и думал, что крыска... Рубашку надо лучше заправлять, тогда и не пролезет... Посади ее в портфель и больше не вертись... Ну, так застегни его, чтобы не вылезла!.. Что?.. Не будет ей скучно, я интересно рассказываю!..

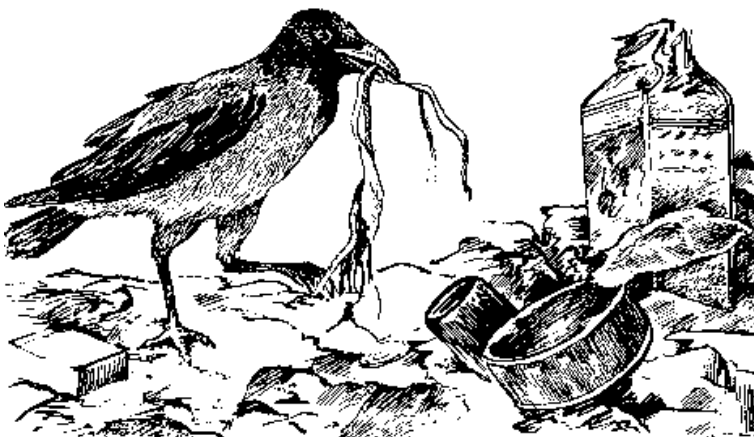
О чем я говорил?..

Да, так вот. Появилась на Ленгорах и в парке Горького новая мода у ворон: трюхает себе гражданин для укрепления нервной системы и здоровья в целом, а на него вдруг пикирует с дерева черная тень, вцепляется лапами в волосы и клюет прямо в чайн... клюет в голову своим крепким клювом! До крови!

Понятное ведь дело: у тебя гнездо поблизости, дети в яйцах растут, а здесь покою нет от этих, которые носятся и носятся кругами... А гражданам, которые с нервной системой и бегают, тоже непоправимый урон — оклемайся потом от такого; им ведь после этого вдвое больше бегать надо, а, значит, воронам вдвое хуже, следовательно, они вдвое злее нападают... Понимаете экологическую взаимосвязь?..

А то и хуже бывает: воспитательница из детсада вышла помыть выбросить, а на нее как спикировала пара ворон! Как начали орать, клевать, скандалить! Так перепугали бедную, что ее еле откачали, и начался серьезный конфликт между людьми и воронами... Депутатов привлекли! Орнитологи говорят: да не паникуйте вы, птенец рядом был, не опасно это для детей... И что же вы думаете? Закрыли детский сад, перевели в другое место! А репутация воронья еще больше пострадала...

В дикой-то природе (если найдете сейчас ворону вдалеке от жилья) она ниже воды и тише травы (или наоборот, как там?), а уж в городе... Ни одна птица не умеет так приспособливаться к городским условиям, как ворона. Ну, сами посудите: гнезда из проволоки строит? Строит. Тряпками внутри выкладывает? Выкладывает. (А один раз я вообще в Балашихе гнездо нашел, в котором лоток был размочаленными фильтрами от сигаретных окурков выстелен — и мягко, и тепло, и от паразитов великолепная профилактика: никотин всех вшей и пухоедов отпугивает!). Вместо отдельных пар (как ей положено) почти колониями гнездится? Гнездится. Птенцов остатками макарон из столовок выкармливает? Выкармливает. «Пурпаки» с молоком открывает? Открывает. Сухари в луже размачивает? Размачивает! Орехи на асфальт с высоты кидает? Кидает. На проезжую часть под машины их подкладывает? Подкладывает. А сейчас уже и корм из рук берет! Где это видано, чтобы ворона корм из рук брала и так человеку доверяла?! Это ведь не белочка-дурочка...

ПэПээСа, э-э... Петра Петровича расспросите, он вам еще и не такое расскажет...

Оттого-то и завидки человека берут: мол, если ядерная зима, то нам всем каюк, и никого не останется, кроме крыс в подвалах да ворон на пожарищах... А ведь птичек этих за такое уважать надо.

А еще люди часто злятся на ворон за свои собственные ошибки, обвиняют их напрасно. Вот я когда был на полевой практике в Павловской Слободе, наши девчонки нашли в саду (!) на территории биостанции гнездо коростеля.

Коростель — обычная птица, встречается на полях в очень разных местах, но он скрытен, и увидеть его всегда очень трудно: летает он мало и неохотно; не любит он летать, а вместо этого уходит от опасности пешком сквозь траву.

Коростель даже на зимовку в южные страны большую часть своего долгого пути идет пешком, никто его и не видит; кому интересно смотреть, как коростель пешком идет среди травы? Вот если бы он гордо парил в вышине или стремительно пикировал... Поэтому никто и не смотрит на коростеля, а раз не смотрит, то и не видит его никто.

А уж если хочешь увидеть коростеля, то надо осторожно подходить на его крик («Крэкс-крэкс!» — это он так кричит и точно так же по-латыни называется: *Crex crex*), а подойдя совсем уже близко, надо быстро бежать к тому месту, где он кричит, и тогда, если повезет, удастся его вспугнуть, и он взлетит из травы, расправив свои пестрые крылья с большими рыжими пятнами. Перелетает метров на десять, снова садится в траву, и теперь его уже и не найти: сразу уходит от опасности пешком. Вот какая интересная птица коростель; очень скрытная. А уж гнездо его найти и того труднее.

И вот девчонки наши, значит, нашли. Рассказали об этом, а сами и не знали, что это за птица такая. Я вроде как орнитолог; вроде как догадываюсь, о чем они говорят. Отправились мы всей подгруппой смотреть.

Шли аккуратно, высматривали заранее; подходим к куртинке травы среди скошенного открытого места в саду, а мама-коростелиха с гнезда (когда мы уже метрах в двух были), пригибается пониже — и бегом, бегом от нас к высокой траве, поспешно так, но без паники, словно говоря: «Ну, вот зачем вы здесь?! Делать вам, что ли, нечего?!»

Посмотрели мы гнездо, записали все, сфотографировали (там одиннадцать пестрых яиц было), не тронули ничего. Только одно яичко положили в банку с водой — узнать, насколько насижено; так вот оно плавало уже, как поплавок, а это значит, что уже скоро вылупятся птенцы (если совсем свежее яйцо, то лежит на дне, если немного насижено — плавает посередине банки: это все от количества газа внутри; плавучесть возрастает, когда зародыш растет). Ну вот, не трогали больше ничего и сразу ушли, чтобы мама-коростелиха побыстрее на гнездо вернулась, — нельзя же яйца надолго оставлять.

На следующий день пришли проведать (вдруг птенцы уже вылупились? Птенцы у коростеля уникальные — малюсенькие, пушистые и черные как уголь) и видим, что пять яиц в гнезде расклеваны... И сразу понятно стало, что это вороны сделали. Выследили нас, как шпионы, когда мы первый раз подходили, а потом поинтересовались, что же это мы там такое интересное в траве рассматривали...

Вот и вышло, что это мы воронам подсказали, где поживу искать; навредили коростелю... Плохо получилось. Потому как, если ворона сама такое гнездо найдет, то это — одно дело; это природа. А если человек ее навел, то это уже совсем другое, это уже наше с вами человеческое вмешательство.

Так что хлопот от ворон действительно хватает, и не только птицам, но и человеку тоже. Это уж, как всегда, с индивидуальностями и талантами... Чуть проявит кто-нибудь активность, ему сразу: сиди и не высовывайся! Так ведь?

А от ворон что? Прибыли особой нет, а расходов — миллионы. Одни памятники отмыть от белых клякс (это ведь концентрированный аммиак, разъедает и гранит и бронзу) чего стоит. Засиживают, понимаете ли, историческое и культурное наследие... И ладно, если бы одно только историческое или только культурное, но и политическое тоже... И не только наследие, но и сегодняшние реалии... Воронам-то все равно, кому на макушку сесть, что Пушкину, что Чайковскому, что... Короче, непорядок, ребята; не можем мы такое терпеть! Моют, моют дворники великие головы щетками, а все без толку...

Не трогай портфель! Сидит она там себе, и пусть сидит... Нет, не задохнется... И не страшно ей там... Нет, она не боится темноты... Я же только что сказал, что ей и атомная война нипочем... Потому что это крыса!.. Конечно, мне интересно,

как ее зовут, но про это, Морковкин, ты нам потом расскажешь... Вот и хорошо!

Или как однажды сижу я в Вологодской области, на самом севере это было, почти на границе с Архангельской тайгой (деревня Нижняя на речке Вожеге, отличное место, посмотрите потом по карте, — это вам домашнее задание). Сижу, обдираю вечером птицу, тушки делаю для научной коллекции. Приходит ко мне в гости (я в пустой деревенской школе жил) местный монтер, Толян его зовут. Поддатый сильнее обычного и расстроен; смолит на всю школу вонючим дымом из своей самокрутки, как грустный паровоз. Я, говорит, студент, к тебе, как к специалисту, поделиться — накипело у меня...

— Ты, Серога, пойми! Меня ведь чуть не убили мужики! Я им говорю: я не виноват! Какое... И слушать не хотят... Ну, оно и понятное дело; сам представь: человек копил-копил, в очереди стоял-стоял, ждал-ждал, купил-таки наконец свой цветной «Рубин», сел новости смотреть... А он у него — йййоок! И погас, на хрен, в первый же день... Навсегда. Абзац... Перегорел к свиньям. И не предохранитель, а всерьез перегорел, с дымом...

И не у одного. А сразу у всех, кто смотрел... В двух деревнях... Потому что у меня на две деревни один трансформатор, один распределитель; ёнть, кто же от подстанции будет отдельную силовую линию в каждую деревню тянуть, ну ты ж понимаешь...

Так ты думаешь, они меня стали слушать, что это ворона на трансформатор в клюве проволоку притащила и, представляешь, села с ней, падла мохнатая, на самое неподходящее место!.. Я и снимать ее не стал, чтобы мужикам подтвердить; так и висит там жареная...

Вот видите, ребята... А уж про современные самолеты, которые ломаются, если ворона в турбину попадает, я и не говорю; это уже миллионы, а то и миллиарды долларов...

Что? При чем здесь подводная лодка?.. Морковкин, ну как ворона может попасть в турбину подводной лодки?! Да, правильно, субмарина тоже очень дорогая; да, даже дороже самолета... Да, она может проплыть вокруг света через все океаны... Ну конечно же я люблю китов... Нет, я не был моряком...

Зато я, как и вы, был юннатом и провел в то время на Звенигородской биостанции МГУ целое лето, изучая в вольерах

поведение молодых врановых: галок, грачей, но в большинстве — ворон.

Мы, юннаты, занимались там разными научными исследованиями, а я, значит, воронами. А нами, юннатами, занимался КаэНБэ — очень хороший человек. Кто знает Константина Николаевича? Молодцы, ребята, опустите руки.

Так вот, я с тех самых пор теперь на всю жизнь уверен, что двадцать воронят в сумме точно умнее одного девятиклассника. Сохранил, можно сказать, уважение и священный ужас...

Чего они только со мной не вытворяли! Усядешься, бывало, наблюдать, а они окружают со всех сторон, смотрят жалобно, похрюкивают нежно вполголоса (у ворон ведь штук пятьдесят разных видов карканья описано); почти воркуют, как голубки, а сами *затаят замысел* и ждут момента...

Потом спохватываешься, а все, поздно уже: карандаши и ластики расташены и попрятаны по углам вольеры, шнурки на кедах развязаны или затянuty мертвыми узлами, на плече или на журнале наблюдений бессовестная клякса (вроде как *не по злобе*, по молодости, мол, *простодушно* капнули... А наверняка специально кто-нибудь целился...).

Кшикнешь на них (разогнать-то нельзя — научный эксперимент), а они опять уже сидят вокруг, моргают своими невинными черно-синими глазами... А там уж их и опять кормить пора, распахивая пальцами кусочки мяса в двадцать ненасытно разъявленных, предсмертно-истошно орущих ртов среди хлопающих крыльев...

Орнитология... Смех смехом, а более наглядного примера практических орнитологических проблем я вам, ребята, и не найду. Поэтому изучать ворон в частности и всех птиц вообще — дело очень важное.

Вон орнитолог Константинопольский как своих студентов-аспирантов выведет на учеты, расставит по наблюдательным постам, так потом расхаживает с профессорским видом, в очках и с бородой (он и вправду — профессор в очках и с бородой) и кидается коршуном на дотошных московских пенсионеров, требующих разъяснить, по какому такому праву стоит студент с блокнотом около помойки и *записывает*?

А орнитолог Константинопольский тут как тут: мол, в чем дело, товарищи?! Отойдите! Вы саботируете советскую науку! Люди важным делом заняты! Ворон считают...

Сердятся бабуся, недоумевают ветераны с авоськами; сеют на беспредел; мол, при Сталине такого не бывало...

Что?.. Да, и я считал... Слушай, Морковкин... будь другом, не отвлекай меня, пожалуйста, мы уже почти закончили... Ну, конечно, сможешь ее вынуть из портфеля, не век же ей там сидеть... Что?.. Вот тогда мы все вместе и посмотрим, что она умеет...

О чем я говорил?

Да, так вот. Есть, есть у нас орнитологи, у которых основное занятие — ворон считать. И ихтиологи есть, которые на работе целый день рыбу ловят. И ботаники есть, которые в рабочее время собирают ромашки и лютики. И садоводы есть, которые официально груши околачивают...

Так что у всех у вас впереди — неограниченные возможности. Главное, ребята, — это только правильно выбрать себе дело по душе!»

«СИДЕЛА ПТИЧКА НА ЛУГУ...»

Я... всюду наблюдал за деятельною, неутомною, бурною жизнью вечно беспокойных птиц...

(Н. А. Зарудный, 1883)

Он вознес благодарственную молитву Аллаху и тут с удивлением обнаружил, что все диковинные птицы попадали с деревьев и неподвижно застыли на земле...

(Хорасанская сказка)

«25 августа.

Привет!

... Орнитология, будучи всего лишь частной ветвью зоологии, включает при этом в себя весьма разнообразные предметы, и работа разных орнитологов может выглядеть совершенно по-разному.

Кто-то, изучая миграции птиц, строит огромные, с двухэтажный дом, ловушки из тонкой сетки и тысячами отлавливает самых разных мелких птиц. Затем быстро, как на конвейере (сводя к минимуму стресс для птиц), выполняет операции, требующие огромной тренировки и профессио-

нализма: определяет вид; раздувая оперение, оценивает просвечивающие через кожу запасы жира; проводит необходимые промеры (крыло, хвост, клюв, лапа); определяет по окраске и изношенности оперения пол и возраст; взвешивает птичку, опуская ее вниз головой в установленный на весы конус из пластика; а перед тем как отпустить, надевает на лапу специальное кольцо с номером и адресом, куда его при находке надо вернуть.

Кто-то, кольцо гусей или лебедей, как партизан или диверсант, тайком раскладывает на полях или берегах водоемов огромные пушечные сети, привязанные к своего рода ракетам, врытым в землю, а потом, проведя долгие часы ожидания в укрытии, нажимает гашетку, выстреливая этими ракетами и накрывая сетями целую стаю. Затем выпутывает из сетей этих крупных и сильных птиц, стараясь удержать их извивающиеся длинные шеи, в то время как пленники безжалостно лупят исследователя крыльями (известен случай, когда лебедь ударом крыла сломал мужчине бедро!) и больно щиплются клювами через толстые перчатки, превращая научную работу в тяжелое физическое испытание. Этим птиц метят ножными кольцами и яркими пластиковыми ошейниками, заметными в бинокль с большого расстояния.

Кто-то, наблюдая пернатых хищников, неделю за неделей, меняясь посменно, дежурит около их гнезд в укрытиях, устроенных порой высоко на скалах или на деревьях, каждый раз добираясь туда, как верхолаз, и наслаждаясь не только наблюдениями за семейной жизнью птиц в гнезде, но и созерцая с высоты открывающиеся вокруг красоты. Наблюдатель сидит в вышине, ощущая особенность хищных птиц, как «аристократов» пернатого мира, и свою собственную к ним приобщенность... А потом, спускаясь на бrenную землю, прозаически подбирает под гнездом отрыгнутые хищниками погадки из непереваренных остатков шерсти, костей, перьев или чешуи съеденных жертв и, размачивая их в чашках петри, часами корпит над лупой и микроскопом, определяя их содержимое.

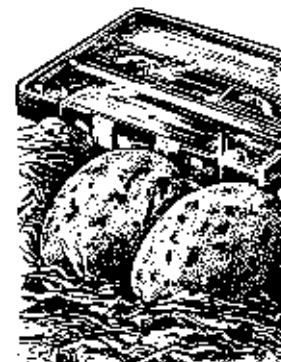
Кто-то, изучая территориальные связи птиц, виртуозно прикрепляет им на тело маленькие радиопередатчики (так, чтобы не мешали полету), а потом с машины, вертолета или вездехода (а сейчас уже нередко и через спутник) специальным приемником определяет, где помеченная птица находится.

Кто-то, исследуя гнездование мелких воробьиных, развешивает искусственные гнездовья (скворечники и синичники), регулярно проводя затем их осмотр и описание: сроки откладки и количество яиц, выживаемость птенцов, время их вылета. Накладывает лигатуры: по-садистски перевязывает мягкой ниткой горло слепому голому птенчику какой-нибудь безобидной мухоловки-пеструшки, чтобы потом изъять у него из глотки для определения принесенный родителями корм (не убивая никого конечно же, а освобождая потом страдальца, с повышенным энтузиазмом проглатывающего последующую пайку).

Кто-то сутками сидит на солнцепеке в душной палатке посреди многотысячной колонии чаек или крачек, наблюдая и фотографируя птиц через сетчатые окошки, писая (прошу прощения) в бутылку и испытывая прочие прелести добровольного одиночного заключения.

Кто-то, занимаясь оологией (наука о птичьих яйцах) и получив специальное разрешение на научное коллектирование яиц, лазает, как Том Соьер (иногда уже кряхтя, с брюшком и седеющей бородой), по гнездам за яйцами. Просверливает в скорлупе маленькое отверстие специальным сверлышком, выдувая или отсасывая шприцем содержимое, и проводит детальные измерения и описание яйца по разным параметрам.

Кто-то, проводя систематические изыскания, путешествует с ружьем по лесам и по горам и отстреливает по лицензии необходимые виды птиц. Каждой добытой птичке надо сразу вставить ватный тампон в рот и в анальное отверстие, присыпать все ранки и пятна крови на оперении крахмалом или мелкими, как пудра, опилками (иначе кровь потом не отмыть). Добравшись до рабочего стола в палатке или дома, с убитой птицы (несмотря на усталость и целый день в поле) надо сразу снять шкуру, обработать ее мышьяком (против вредителей) и сделать из нее тушку в виде лежащей на спине мертвой птицы, тщательно уложив на ней каждое перышко (это уже искусство). Снабженная детальной этикеткой тушка может храниться в музейной коллекции столе-

тия, давая бесценный научный материал многим поколениям орнитологов.

Кто-то, решая практические задачи управления поведением птиц, использует установленные на машинах мощные громкоговорители, транслируя истошные птичьи крики тревоги, чтобы отпугнуть полчища пернатых от аэродромов или зернохранилищ (специально натренированные ловчие хищные птицы достигают в этом куда лучших результатов: на проигрывание криков тревоги скворцы, грачи, чайки или воробьи вскоре перестают обращать внимание, а вот к виду пикирующего на жертву ястреба или сокола привыкнуть невозможно).

И так далее, и так далее, не говоря уже об отдельной сфере лабораторных орнитологических исследований, которые представляют собой уже совсем другой мир.

Изучая экологию жаворонков, я проводил часы, неотрывно глядя на них в бинокль и наговаривая на магнитофон мельчайшие детали кормового поведения этих, по общему мнению, незаметных и одинаковых маленьких сереньких птичек, а потом еще дольше протоколирую надиктованные записи.

Жаворонки, как и большинство иных «невзрачных» животных, при ближайшем рассмотрении оказались крайне интересными и очень разными, но описанный процесс весьма трудоемок и, при всех несомненных радостях полевой работы, все же являет собой скорее рабочие будни, нежели праздники. На этом фоне встреча особых видов, к которым конечно же принадлежат все хищные птицы, — это те самые маленькие радости, которые мы так ценим. Наблюдение же за исключительным хищником — событие неординарное, нередко запоминающееся на всю жизнь.

Понимаю, что для многих все эти материи могут выглядеть как что-то несерьезное или даже странное, но не будем забывать, что зоологи вообще, а полевые зоологи в особенности, — это не совсем обычные (по общепринятому представлению, не совсем нормальные) люди. Самонадеянно относя себя к их числу, я отнюдь не хочу кокетливо подчеркнуть их исключительность, нет. Это — многократно проверенная суровая правда жизни.

Занимаясь птицами, я сам с некоторой снисходительностью посматривал сначала на своих знакомых энтомологов, наблюдая, как взрослые, серьезные и очень неглупые мужчи-

ны в профессиональном азарте гоняются с сачками... не за бабочками — за мухами! Качая головой и учась принимать реальность такой, как она есть, я поначалу и не подозревал, что мои собственные друзья из далеких от биологии сфер точно так же оценивали (дразня сначала за глаза, а потом уже и в глаза, «орнитоптёром») меня самого, наблюдавшего жаворонков в горах и пустыне сезон за сезоном...

Бог нам всем судья. Сейчас важно другое. На фоне месяцев и месяцев рутинного наблюдения незаметных воробьиных птиц как основной работы наблюдение хищников стало для меня научным хобби, вносящим в жизнь тот самый шарм, который так украшает ее течение. Ястребиный же орел, о котором пойдет речь, стал намного более значимым, чем просто хобби. Благодаря ему я побывал в потрясающих местах и узнал географические названия, о которых никогда не слышал; укрепил дружбу со многими хорошими людьми и охладил отношения, по крайней мере, с одним, тоже, наверное, неплохим человеком; многому научился сам и многим передал выстраданный опыт. Ястребиный орел стал символом многого важного».

ЯСТРЕБИНЫЙ ОРЕЛ

...орел был находим мною почти исключительно в пустынных или, правильнее, полупустынных горных местностях и везде оказывался настолько строгим, что ни разу не подпустил меня на расстояние верного выстрела...

(Н. А. Зарудный, 1900)

Усталый и истомленный жаждой, присел он под... деревом отдохнуть. По прошествии некоторого времени прилетел орел и опустился на землю неподалеку от Хатема...

(Хорасанская сказка)

«20 мая. Ястребиный (или длиннохвостый) орел (*Hieraetus fasciatus* — Хиераётус фасциáтус) — весьма обычный вид для Африки, Азии и Южной Европы. Но на территорию Туркменистана заходит лишь самая северная часть его ареала. Это мощная и одновременно легкая и изящная птица с размахом

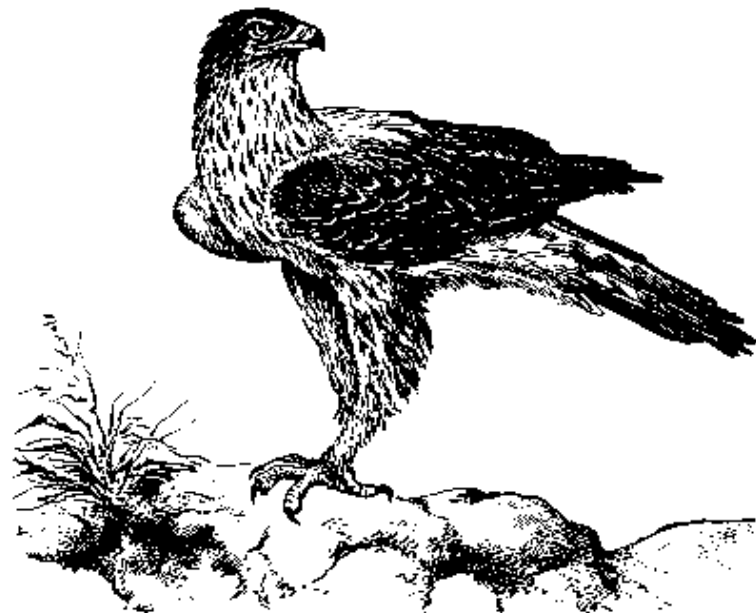
крыльев чуть менее двух метров. Он — прекрасный летун, превосходящий по летным качествам большинство сходных видов, и великолепный охотник, успешно добывающий мелких млекопитающих (пищух, зайцев, лис, а в Африке — даже мелких антилоп бушбоков!), рептилий (ящериц и змей) и птиц (голубей, кекликов, гусей, цесарок, а иногда и небольших собратьев — пернатых хищников). Надо видеть, как охотятся эти птицы: и преследуя жертву, и пикируя из засады; поодиночке и парами (всегда делясь добычей в случае успеха); настигая цель как в воздухе, так и на земле. Атакуя крупных птиц, фасциатусы порой залетают под них снизу и наносят решающий удар, перевернувшись в полете на спину.

Половозрелости достигают на четвертый год, тогда же приобретая классическую взрослую окраску. Свое внушительное гнездо (до двух метров диаметром и до полутора метров толщиной) оба родителя обычно строят на скалах или на высоких деревьях (самец носит ветки, а самка укладывает их в постройку). Строительство занимает три-четыре месяца, после чего самка откладывает два (реже — одно или три) светлых с коричневато-лиловыми крапинами яйца, из которых через сорок дней вылупляются птенцы.

Проведя два месяца в гнезде, слётки (обычно только один выживающий из них — самый старший и самый сильный) поднимаются на крыло, еще два месяца сопровождая потом родителей, перенимая от них премудрости виртуозной охоты, памятная остротности и готовясь к самостоятельной взрослой жизни.

Гнездование этого вида в пределах бывшего СССР всегда оставалось под вопросом, что даже не позволяло формально включить эту птицу в Красную книгу охраняемых видов: необходимой для этого регистрации факта его размножения на территории страны не было.

Имелся лишь единственный факт нахождения гнезда в Центральном Копетдаге в 1892 году замечательным орнитологом и исследователем Закаспийского края Николаем Алексеевичем Зарудным. Компетентность этого выдающегося ученого ни у кого не вызывает сомнений, но вот давность единственной находки неизбежно рождала скептицизм в отношении того, что фасциатус, как крайне редкий для нас вид, все еще продолжает гнездиться на территории страны. Уж больно пострадали от воздействия человека за это время уникальные леса Копетдага, что радикально изменило здесь все природные сообщества.

Помимо гнезда, найденного Н. А. Зарудным сто лет назад, во всех районах Средней Азии в целом отмечались лишь единичные случаи наблюдения этого крайне редкого хищника. Знакомясь с историей этих встреч, в описаниях разных авторов вы неизменно чувствуете интригу: этот вид волновал многих, наблюдавших его всегда урывками».

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

И та птица заговорила с ними человеческим голосом:

— О рожденные людьми, что привело вас сюда?..

(Хорасанская сказка)

«27 июля. Приветствую Вас, Сэр!

Все у нас в порядке, трудимся. По конкретному Вашему вопросу о документально подтвержденных встречах фасциатуса в СССР на сегодняшний день привожу то, что выудил, перелопатив известные мне источники. Россыпью есть материал по

разрозненным встречам. В пяти случаях есть косвенные свидетельства гнездования (типа летающих молодых или строительства гнезд), но нет ни одного безоговорочно документированного гнезда, кроме все того же, найденного Н.А. Зарудным.

Итак:

1. В европейской части страны с 1850 года отмечены четыре случайных залета, но Г. П. Дементьев (1951) сомневается во всех из них.

2. По юго-западному Казахстану, низкогорьям Кызылкумов и Зеравшану с 1906 по 1986 год зарегистрировано шестнадцать встреч, в сумме тридцать пять особей (Н. А. Зарудный 18 марта 1914 года видел аж восемь штук вместе!); шесть птиц за эти годы добыто. Гнезд нет.

Н. А. Зарудный (1915) упоминает о гнездовании в хребте Нуратау (без фактов); но указание Г. П. Дементьева (1951) на регистрацию в Нуратау этой птицы Р. Н. Мекленбурцевым ошибочно, т. к. ни этот автор, работавший там в 1934 году (Мекленбурцев, 1937), ни другие орнитологи, посещавшие низкогорья Кызылкумов в последующие годы во время многолетних исследований (Митропольский, Фоттелер, Третьяков, в печати), ястребиного орла не наблюдали. Таким образом, ни достоверного описания гнезд, ни данных, позволяющих предполагать современное гнездование вида в этом регионе, нет.

3. В юго-западном Памиро-Алае с 1885 по 1965 год за пятнадцать встреч отмечено не менее семнадцати особей (пять птиц добыто).

Судя по имеющимся данным, с наибольшей вероятностью современное гнездование вида в данном регионе можно было бы ожидать в южных частях Гиссарского хребта, но гнезд пока опять-таки нет.

4. В Туркмении, в Бадхызе, юго-восточнее Акар-Чешме, А.Н. Сухинин 17 июня 1956 года видел пару с двумя молодыми.

5. Наконец, в родном моему сердцу Копетдаге за девяностолет, с 1892 по 1982 год (дата моей первой встречи), есть пять наблюдений шести особей (плюс одна птица, отмеченная в 1951 году, но под вопросом). Среди этого и единственное для страны уже упомянутое гнездо, найденное Н. А. Зарудным в 1892 году (Зарудный, 1896, с. 412).

Вот такие дела. Поэтому, как ни крути, анкета почти чистая; а уж то, что этот кадр «порочащих связей не имеет», это точно.

Всего наилучшего, жду вестей. Татьяна привет!»

Ты молодец, о сын мой! Ты постоянен и надежен...

и да будет имя твое вписано в книгу о дружбе...
(Хорасанская сказка)

— Стас! Хочешь в глаз?..

(Глупая присказка)

Неудивительно, что даже случайное наблюдение одной пары ястребиных орлов произвело на меня сильное впечатление. Вторая встреча еще больше распалила мой интерес. Она произошла через неделю в другом месте, когда мы возвращались из дальнего маршрута со Стасом Муравским.

Стас — уроженец Кара-Калы и мой частый спутник в полевых изысканиях, той весной вернулся из армии и вновь упивался родными красотами. Проведя детство и отрочество в экспедициях с приезжающими в Туркмению биологами и археологами, обладая хмурым видом и веселым непривычным нравом, Стасик был мне прекрасным полевым напарником.

Я познакомился с ним, когда ему было пятнадцать, а мне двадцать два. Я тогда впервые приехал в Кара-Калу с двумя неподъемными рюкзаками, которые произвели на водителя автобуса такое впечатление, что он даже специально подвез меня за остановку поближе к нужному месту.

Я выгрузился, браво дошел, как тягловый верблюд, до дома Муравских, где Наташа, увидев меня с моей ношей, сказала: «Ого! А где же Стас? Тебя что, никто на остановке не встретил?» А уже потом появилось и само чадо, отправленное родителями встречать меня с автобуса, — остроносый, похожий на Буратино Стас прискакал вприпрыжку, ухмыляясь до ушей: «А Вы уже здесь?! А я на остановке ждал-ждал...» И потом добавил, увидев мои рюкзаки: «Ха-ха!» Подозреваю, что это его «ха-ха» и оказало решающее влияние на наши отношения...

Стас смугл и черноволос: татарские гены подавляют в его внешности намешанную даже в большей пропорции русскую и польскую кровь. Туркмены до конца никогда не признавали в нем своего, но вполне правомерно считали, что он гораздо

ближе к усредненному местному облику и больше похож на человека, чем какой-нибудь рыжий и белокожий, мгновенно обгорающий на солнце...

Уже много позже, во время нашего с ним совместного путешествия по Аппалачам, американцы неоднократно изумлялись тому, что среди российских экологов каким-то образом оказался индеец... Вот уж когда мы отвели душу в разглагольствованиих об угнетенном американском пролетарии, нашедшем пристанище в «семье единой всех трудовых народов»... С узорной ленточкой на длинных черных волосах, с кулонами, в браслетах и прочих «фенечках» (он — талантливый и самобытный художник, скульптор и вообще мастер), Стасик при этом выразительно сидел, глядя стеклянным взглядом в одну точку, покачиваясь и ничего не говоря...

СТАС

И юноша начал свой рассказ: «История моей жизни грустная и тягостная, а рассказ о ней длинен и утомителен...»

(Хорасанская сказка)

«20 января.

Здравствуй, Лиза!

...Похоже, что Стас — Наташин и Игорев сынуля, становится мне все более постоянным полевым спутником.

Стасику пятнадцать лет. Он — тощий остроносый подросток, но в столь юном возрасте, к моему удивлению, уже закончил школу, что произошло случайно, как это бывает лишь в провинции, где все друг друга знают и которая не отягощена бюрократией и излишними формализмами. Будучи пяти лет от роду и оказавшись у школы первого сентября, — провожал кого-то из старших друзей на учебу, — он устроил такой рев, что сердобольный учитель участливо спросил:

— Стасик, что же ты так плачешь?

— Учиться хочу-у-у!

— Ну так и вставай сюда со всеми вместе, чего реветь-то...»

Так что в пятнадцать лет Стас уже работает. Лаборантом в ВИРе у Наташи — его собственной мамыши, трудясь на поприще растениеводства, подрезания кустов, черенков и, что меня особенно завораживает, копания «шайб» — круглых бортиков вокруг плодовых деревьев в садах.

Убедившись в здоровом ядре его характера, я твердо решил сделать из него эколога и вплотную взялся за его воспитание. За что давеча получил вшнатовательный нагоняй от Наташи, когда она увидела, как ее бедный сын после работы (выкопав двенадцать шайб) тащит на хребте ржавую чугунную батарею парового отопления, а московский аспирант нахлестывает его сзади поощряюще-угрожающими криками: «Бегом! Бегом!»

На вопрос Наташи, зачем это нужно, я ответил: «Во-первых, «чтобы жизнь медом не казалась», а во-вторых, «юность мужает в борьбе»...» — на что сам Стас робко заметил, что жизнь ему и так медом не кажется, а что касается юности, так он был бы не против продлить себе детство... После чего уже и Наташа и я цыкнули на него, чтобы он не встревал в разговоры о том, что его не касается...

Честно говоря, меня Наташина реакция удивила, потому что физически, даже будучи тощим как палка, Стас уже вполне может пройти через такое испытание; а морально он возмужал и того раньше благодаря материнскому участию самой Наташи. Из чего, в свою очередь, следует, что детство у него было еще труднее, чем юность.

Ну посудите сама: застучали подростка за курением, с кем не бывает?.. Ан нет, Наташа усадила Стасика в его комнату и сказала, что не выпустит, пока он не выкурит всю пачку до конца. Круто? Еще как круто, учитывая, что поймали его с только что початым «Беломором». Выкурил. Конечно, вредно, но зато надолго расхотел.

А однажды он засиделся в молодежной компании зоологов в ущелье Ай-Дере. Собравшись к вечеру домой (следующий день был у него рабочим), он вышел голосовать, но транспорта не было, и он двинулся в сторону Кара-Калы пешком. Так ему и пришлось, периодически укладываясь вздремнуть, пройти к утру почти пятьдесят километров. Прощел. Стас — кремень. Но Наташа — всякому кремню кре-

мень: встретив утром Стасика и накормив его завтраком («Чтоб не сдох...»), она как ни в чем не бывало отправила его с лопатой на работу... Папаша Игорь лишь хмыкнул, почесав затылок, но потом тоже сказал строгим голосом: «Правильно, правильно!..»

Или как Стас вдруг меня спросил однажды:

— П-в, тебя в детстве пороли?

— Пороли один раз, а что?

— Да нет, просто забьешься потом куда-нибудь в сарай, сидишь, ноешь, сопли размазываешь, а на душе легко-о-о... Потому что грех искуплен и больше за него уже ничего не будет.

— И за что же тебя?

— Я тогда у экскаватора приводные ремни срезал...

— Ну, за такое и убить могли...

— Вот я и говорю — сидишь, ноешь, а на душе легко-о-о...

— Отвыкай, Чучело... Больше так не будет. Теперь пороть будут реже. А если и выпорют когда, то от этого уже не полегчает, а будет вдвое хуже: самому от себя за сделанное, плюс порка... — Я рассуждаю, щедро делиясь жизненным опытом двадцатидвухлетнего аксакала...

Когда я возвращаюсь из поля, то часто нахожу у себя на столе нарисованные Стасом картинки на околоорнитологические и прочие полевые темы — юноше нельзя отказать в остроумии и владении пером.

Или он может съесть без хлеба два килограмма колбасы. Ты можешь? Вот. И я не могу. А он может.

И еще Стас обладает удивительной способностью: придя после работы и плюхнувшись на диван, через некоторое время он засыпает с ангельски-умиротворенным лицом, держа на весу в одной руке открытую книжку, а в другой — надкусанную хурму».

Год за годом Стас работал со мной в поле и, выступая частенько в роли проводника-аборигена, традиционно сопровождающего изнеженного белого путешественника, неизменно оказывался действующим лицом бесчисленных приключений, наполнявших нашу жизнь.

Когда он срывал с дичка в горах еще даже отдаленно не созревшую (почти завязь) алычу и не моргнув глазом начинал ее

уплетать, мне от одного вида этого трогательного зрелища уже нужно было вызывать врача.

В ту пору он обладал и другими, не менее яркими, достоинствами аборигена, так что скучно нам не было. Подозреваю, что со стороны мы порой смотрелись странно. Например, когда, устав во время маршрута, кричали для самостимуляции на два голоса ишаком... Здесь я должен объясниться.

КРИК ОСЛА

Ишакам... доставляет величайшее удовольствие, и они всячески по этому случаю выражают свой восторг: ревут, как иерихонские трубы, взвизгивают, пищат, строят умильные и блаженные глаза, скалят зубы и т. п.

(Н. А. Зарудный, 1901)

Муки жизни беспощадной, боль любви неразделенной, —

Как спина твоя выносит эти тяжести, влюбленный?..

(Хорасанская сказка)

«5 февраля. ...Крик осла — это песня, поэма, рапсодия, начинающаяся приглушенным вступлением, когда животное, полуприкрыв глаза и раздувая бока, начинает часто дышать, набирая воздух и накачивая в себя вдохновение.

Затем, после секундной паузы, подготавливающей апофеоз этого таинства, идет собственно крик, в экстазе постепенно нарастающий по мощи до раскатистого икающего вопля (как раз то, что упрощенно-выхоленно передается традиционным «иа-иа»).

После этого следует умиротворенное фыркающее заключение, прокатывающееся на долгом выдохе мягкой волной из-под теплого замшевого носа. Завершая его и пошамкав напоследок губами, ослик из вдохновенного художника, поэта, актера или любовника вновь превращается в безответное вьючное животное с полуприкрытыми белыми ресницами безразличными глазами.

Ария целиком весьма сложна, в одиночку изобразить ее трудно, приходится распределять роли. Мы оба со Стасом наслаждались этой музыкой туркменской глубинки и в какой-то момент спонтанно сложили дуэт, пользовавшийся впоследствии неизменным успехом как у окрестных ишаков, незамедлительно отвечавших нам на наше пение, так и у столбневших поначалу студентов-младшекурсников, которых мы привозили в экспедиции».

4

Когда кто-нибудь из влюбленных придет тебя сватать, ты скажи, что тот, кто хочет получить тебя в жены, должен ответить на семь вопросов...

(Хорасанская сказка)

В тот день, спускаясь с Сайван-Нохурского плато, окончательно изжарившись на солнце после дальнего перехода и распевая во все горло на пыльной безлюдной дороге: «Песня, шагом, шагом, под британским флагом...» — мы вышли со Стасом к долине Сумбара в окрестностях поселка Коч-Темир и там увидели птиц. Этот случай показал, что определить фасциатуса нетрудно даже с большого расстояния: характерное белое пятно на спине удалось безошибочно рассмотреть в бинокль с двух километров (одна из птиц что-то держала в лапах; набрав огромную высоту, орлы исчезли тогда из поля зрения в направлении Ирана).

«В чем же дело? — думал я. — Просмотреть такую птицу нельзя. Каким стечением обстоятельств объяснить то, что за предшествующие четыре года работы в Западном Копетдаге ястребиный орел мне ни разу не попадался на глаза?» Вопросов было много, и разных, и на них надо было отвечать.

Вернувшись в Москву, я, среди прочих орнитологических дел, начал разрабатывать план поиска ястребиного орла, вновь и вновь притягивающего к себе мои мысли. Часами, шурша калькой, сидел над картами, анализируя различия ландшафтных условий в разных местах; степень освоенности, населенность и потенциальное беспокойство птиц человеком; изучая по литературе особенности биоло-

гии вида, его поведения и образа жизни в других частях ареала.

За год такой подготовки я, казалось, уже готов был смотреть на горы и долины Западного Копетдага глазами этой птицы. Не имея своего транспорта для работы и рассчитывая лишь на собственные ноги, я вынужден был крайне внимательно планировать полевой сезон, сосредотачивая усилия на обследовании мест наиболее вероятного гнездования этого вида.

ПЕШЕХОД

...после длинного перехода, который был, по обыкновению, сделан мною пешком, мне было не до охоты: устал неимоверно, ноги и плечи представляли одну сплошную боль, богатая добыча, собранная по дороге, была еще не препарированная...

(Н. А. Зарудный, 1900)

Углубившись в пустыню, ты станешь свидетелем чудес столь невероятных, что будешь непрерывно дивиться могуществу Творца.

(Хорасанская сказка)

«20 марта. Родители, привет!

У нас установилась наконец теплая мартовская погода, и благодаря предшествовавшей дождливой отяжке в наступлении весны сейчас все хлынуло бурным пробуждающимся потоком. Каждый день отмечаю новые виды птиц, прилетающих с зимовки.

Засиделся я в последние дни на жаворонках, так что сегодня собрался на Чандыр посмотреть, как там весна. Вышел рано утром по дороге, но, так как попуток категорически не было, с легкостью сменил планы, свернул с дороги и попил себе на восток. Так и получился у меня целиком пешеходный день в не очень знакомой части долины Сумбара.

Утром плюс шесть, без штормовки холодно. К полудню прогревается, приходится эту штормовку таскать весь день через ремень саквояжа с аппаратами. Иду себе, «печалью не

окован», вверх-вниз по холмам, вверх-вниз; «клик-клик» — шагомер в такт шагам.

Вообще по холмам ходить легко. Особенно когда идешь не к горам, а возвращаешься в долину. Хоть и лазаешь туда-сюда, но в целом двигаешься под уклон — идти заметно легче. Если устанешь, то можно выйти на русло какого-нибудь потока (они между каждыми соседними грядами холмов) и топтать по нему. Когда дождей нет, русло полностью высыхает, абсолютно ровная поверхность наносов цементируется и становится как тротуар. Только часто невыгодно петляет. А то идешь как интурист: и экзотика кругом, природа, и с комфортом.

Плюс погода райская. Днем было явно за двадцать пять, снял рубаху, проветрился, дал пятнадцать минут ультрафиолета белокожему городскому телу.

Сегодня, в своем аспирантском рвении, упилил дальше обычного. Вдруг обнаружил справа от себя вершину почти правильной пирамидальной формы, на которую каждое утро, когда зарядку делаю, посматриваю из ВИРа далеко на юг. Раз оказался поблизости, то уж нельзя не влезь, когда еще второй раз сюда попаду? («Ничего не бывает потом!») Сделал крюк, влез. На самой верхотуре — ржавая железная тренога триангуляционного сигнала. На ее верхушке среди сваренных железок

торчит сухая трава — прошлогоднее гнездо индийского воробья. Ничего не скажешь, приметное местечко для любой птички, а уж для столь скромной и по давню.

Вот ведь избирательность какая. На сотню квадратных километров это самая приметная гора. Именно поэтому на ее макушке стоит железный знак пятиметровой высоты. И точно на его наконечнике и загнездились. Не иначе, как у этих воробьев своя шкала престижности жилплощади. Перспектива-то вокруг открывается орлиная... Шутки шутками, а вот вам и пример соприкосновения естественной эволюции с вездесущими плодами нашей деятельности, с геодезией-картографией.

Перевел дух, обозрел совершенно новые для себя окрестности, спустился вниз и, «не торопясь, но поспешая» (как Михеич говорит), дальше на восток.

Описывать красоты не буду. Я сам и у классиков-то описания пейзажей не все читаю. А уж описать то, среди чего я нахожусь здесь, даже не берусь. Долинки, долинки, горки, горки, холмы, холмы; серые, желтые, коричневые, белые, зеленоватые, красноватые, бурые, лиловые; гладкие, шероховатые, морщинистые, в пупырышках; округлые, ступенчатые, уступами; крутые, пологие; с травой, без травы, с кустиками, без кустиков... Короче, ждите, когда слайды привезу.

Змей не видно категорически. Зато появились тюльпаны. Первый увидел — прямо обомлел. Серый мергелевый склон, превратившийся на солнце за последние два дня из скользкой, ползущей от дождей жижи в затвердевший бетон, — и на этом пыльном бетоне растет тюльпанчик. Яркости непередаваемой. На короткой ножке и с розеточкой лежащих листьев: не торопится вверх, ловит приземное тепло от еще доброго и желанного весеннего солнышка.

На общем сером фоне видны эти красные тюльпаны очень далеко, светясь метров за шестьдесят — восемьдесят манящими светоторами (невольно чувствую контраст с городскими ассоциациями: в городе красный светофор всегда тормозит или останавливает, здесь они, наоборот, притягивают). Выше в горах тюльпаны настоящие: на длинных ножках, с чашечками по десять сантиметров, но эти будут позже — в апреле. Те, что вижу сейчас, — первые коротышки. Цветов много. Очень разные, красиво. Единично расцвели по очереди, а сейчас уже всюю и все вместе.

Со склонов периодически срываются пустынные куропатки — замечательные птицы: поменьше рябчика, удивительно элегантно неброской окраски — бежево-винных пастельных тонов. Взлетают близко, с высоким свистящим звуком. Я все время вздрагиваю от неожиданности и чертыхаюсь на них за это. Заметить куропаток на склоне во время ходьбы очень трудно, но если удастся, то видно, что они, когда подходишь к ним снизу, как все горные куриные, перед тем как взлететь, быстро удирают бегом вверх по склону (если же выходишь на них сверху, они мгновенно улетают).

Птиц много, но состав не очень разнообразный. Повсеместно в сухих холмах каменка-плюсунья (смешная, как все каменки, хвостом дергает, скачет, свистит лихо), пустынный и хохлатый жаворонки (эти два в совершенно разных местообитаниях); реже — черношейная каменка и луговой конёк; двупятнистый, степной и лесной жаворонки. Последний здорово отличается от прочих жаворонков тем, что

токующие самцы летают в поднебесье не с журчащими, а с заунывно-повторяющимися ритмичными песнями. Среди жаворонков здесь пока еще полная мешанина из оседлых, прилетевших с зимовки и мигрирующих сейчас видов, лишь через две-три недели у них все устанется.

В местах повлажнее, с растительностью, на высоких травинках восседают со своими простыми трескучими песнями пестро-коричневые проснянки; на кустах звонко и возбужденно распевает недавно появившиеся черноголовые чеканы (так и кажется, что после миграции из далеких южных стран у перелетных птиц больше воодушевления в весеннем пении, чем у оседлых, живущих здесь постоянно).

Местами отдельные коноплянки, среднеазиатские щеглы (как наши, в Центральной полосе, но светлее и без черно-красных масок), испанские воробьи, синий каменный дрозд. У выходов скал полно каменных воробьев, больших скалистых поползней.

Хищников маловато: пустельга, курганник, единичные сипы, то есть ничего особенного. Больше, чем обычно, воронов; мотаются туда-сюда, хороводят. У всех весна. Одни сычи восседают себе невозмутимо по щелям да по карнизам на обрывах, где и всегда, проявляя весеннее воодушевление лишь в более интенсивных криках, постоянно раздающихся сейчас не только в сумерках, но и днем.

Агамы греются на камнях, башкастые, с нагло-настойчивыми выражениями на мордах. Я на них рявкаю и грожу, что поймаю сейчас и съем. И когда они в ужасе уносятся со скоростью пули, я лезу дальше, с удовлетворением ощущая себя «братом старшим».

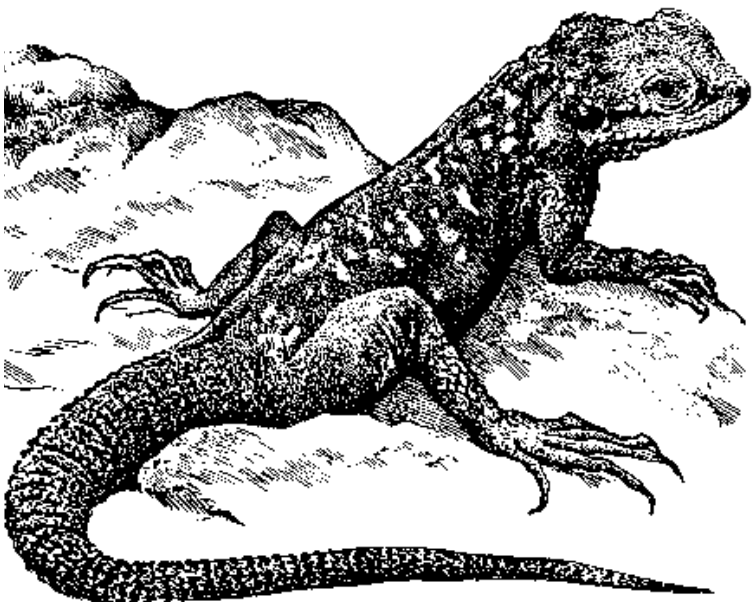
Точно так же я поступаю иногда и с песчанками, когда они, совсем уж разрываясь от распирающего их любопытства, вылезают из-под земли, застывая у своих нор и аж прямо дрожа от страха и интереса в трех метрах от меня. Или когда поднимаешься на гребень, а внизу по склону, в колонии у этих зверей идет размеренная будничная жизнь: многие сидят вдалеке от нор, жуют. Я появляюсь со свирепым лицом — разда-

ется истошный писк, и все в панике кидаются к своим норам. А зад испуганной песчанки, галопом несущейся с задранным вверх хвостом к спасительной норе, выглядит на удивление смешно...

Посередине маршрута сел, съел маленькую баночку какой-то импортной свинятины; свиные консервы есть в продаже: мусульмане свинину не едят, хотя чабаны и покупают втихую, следуя, вопреки традициям, удобству и здравому смыслу. (Так и раньше было; Зарудный: «...белуджи втихомолку, как я несколько раз убеждался, не прочь даже подзакусить свининкой».)

Перекус в маршруте — приятное событие. Что-то есть в нем от детского праздничного воодушевления, возникающего, когда решаешь построить шалаш или выкопать пещеру. А потом там поесть... Интересно, почему все дети так любят есть в необычной обстановке? В походе, в гостях, на даче? Наверняка — голос животных предков. (Мам, помнишь, как я лет в шесть, во время обеда котлету за пазуху спрятал, чтобы съесть потом на улице, но она, подлая, сразу проступила через рубашку жирным пятном, и мне пришлось постыдно положить ее назад на тарелку?)

Подумал про это, убедился в том, что и сейчас ощущаю это особое мальчишеское удовольствие от еды на привале, осознал свой застарелый инфантилизм (где и когда пройдет граница между ним и преждевременным маразмом?), пробежал глазами статью из «Литературки» с оторванным названием, в которую были завернуты хлеб и огурец (очень странно, сидя здесь, среди всего окружающего, соприкоснуться на секунду с клочком столичного мира), пожевал конфетку на десерт — и дальше.

На соседнем кусте увидел удивительное насекомое — палочника, которого здесь никогда раньше не встречал. И который как-то особенно поразил меня в этот раз своим изяществом и миниатюрностью. Он на самом деле выглядит как серенькая палочка пяти сантиметров в длину (немало для насекомого), но всего миллиметра четыре толщиной. Ноги длиннющие, складные и неправдоподобно тонюсенькие. И все это сооружение, сидя на моем пальце, качается вправо-влево, вправо-влево, быстро, энергично, плавно, с правильностью метронома, следуя загадочному врожденному инстинкту. Подносишь к передним лапкам другой палец —

цепляется, перелезает и опять качается из стороны в сторону, пытаясь обмануть тебя, что он — что-то неживое; вправо-влево, вправо-влево.

Обмануться нетрудно: невозможно поверить, что у этого существа внутри помещается все необходимое для того, чтобы быть живым, — сложнейшие органы, организованные в еще более сложные системы, дающие возможность дышать, питаться, воспринимать мир и воспроизводить себе подобных. Ну и зверь! Как Зарудный пишет в 1901 году: «Устроив стан и напившись чаю, я отправился на экскурсию и почти сейчас же наловил в гранитных скалах каких-то гекконов... до того еще не наблюдавшихся и, вероятно, относящихся к новому, нигде не описанному виду. На радостях я присел под высокий куст *Amygdalus*'а, чтобы отдохнуть и кстати выкурить папироску; едва только клуб табачного дыма стал подниматься сквозь куст, как одна из его до того неподвижных веточек вдруг как бы ожила, задвигалась и превратилась в любопытное насекомое из семейства «странствующих сучков»... И я радуюсь своей добыче, забываю усталость и снова карабкаюсь по горам, чтобы познакомиться с их животными и найти что-нибудь интересное». А?

Другой замечательный инсект, часто попадающийся сейчас в холмах на совершенно опустыненных местах, — жук-чернотелка. Названия вида тоже не знаю, это надо специально посмотреть, но создание наилюбопытнейшее. Размером с жужелицу, целиком черный, очень длинноногий, тело цилиндрически-округло-заостренное, как пуля. Надкрылья срастаются на спине в сплошной щит — защита от испарения воды; задние ноги длиннее передних, все время двигаются слегка приподняв зад и наклонив голову вниз: это чтобы конденсирующаяся на теле влага из утреннего тумана стекала прямо в рот.

Когда видишь их, сразу в нескольких местах на своих длинных ногах неторопливо спешащих с деловым видом в разных направлениях, невольно думаешь: «Откуда такая занятость? Что за дела такие разные у столь одинаковых жуков?» — вот вам психология участника соцсоревнования: невольно ожидаешь от одинаковых насекомых, что они должны ходить строем в одном направлении. Ан нет. Недаром один из видов называется «медляк-вещатель» (название-то какое!); так и видно, что идет куда-то с неведомым, но весомым известием... Дотро-

нешься до такого делового, идущего куда-то на своих ходулях, сверху пальцем, он останавливается и воинственно задирает еще выше зад, из которого, при последующих упорствованиях нападающего, выпускает каплю желтого вонючего раствора, мгновенно отбивающего у неопытного агрессора всякое желание продолжать попытки его схарчить.

Шел, шел, вылез на гряде повыше — отлично. Когда смотришь в сторону Сумбара с юга, то разнородность геологических пластов, ниспадающих к центру долины, проявляется в их разноцветности.

Далеко у Сумбара холмы рыжие, ближе идет полоса холмов белых с рыжими макушками, а еще южнее — полоса холмов с выходами красных, как старые разрушенные кирпичные постройки, известняков. А прямо под ногами — изумрудная лужайка с мелкими желтыми цветочками, как амфитеатром окруженная скалами с разноцветными потеками. А по лужайке скачут со звонкими мелодичными песнями два выпендривающихся друг перед другом самца черношейной каменки. А небо еще по-весеннему голубое. А на противоположном краю долины синее Сянт-Хасардагская гряда. А сами вершины — Сянт и Хасар — белеют на фоне неба своими обновленными накануне невечными снегами. И птицы поют со всех сторон, и витают запахи пустынного цветения, и получается картина, которую невозможно передать, даже если продолжить описание того, что видишь, еще на полстраницы...

К Сумбару вышел в густых вечерних сумерках, а домой пришел по дороге уже в полной темноте («грум-грум» — сапоги; «клик-клик» — шагомер). Устал (и шагомер устает — реже кликает под конец дня...), но зато как приятно: на столе три письма: одно деловое и два из дома (одно из них — ваше). Это, конечно, не то, что вчера, когда пришло сразу двенадцать конвертов (бывшие у Муравских ребята из Ай-Дере аж закипели от зависти), но все равно здорово. Мне почта после трудового дня — как лабораторной крысе поощрение. Сегодня вполне заслуженное: прошел с непрерывными наблюдениями пять фарсангов — тридцать девять километров; даже больше, это все же по пересеченному рельефу, так что фарсангов шесть; пока это мой личный пешеходный рекорд (завтра придется весь день надиктованные наблюдения записывать).

За ужином, обсуждая с Муравскими разные разности (в том числе и новости от вас), выпил за разговорами, после

длинного пешеходного дня, три литра зеленого чая. Не позеленеть бы. Вот такие дела.

Не скучайте и не волнуйтесь за меня; сами там повнимательнее.

Всем привет!»

5

Долго летела птица Симураг, вот уже семь рек промелькнули внизу, и достигла она наконец высоченной горы, где никогда доселе не случалось бывать ни одной птице...

(Хорасанская сказка)

Я не углубляюсь особо в детали чисто научных аспектов поиска ястребиного орла и изучения хищных птиц в целом. На самом же деле их много, и сводятся они к целому ряду важных научных проблем.

Во-первых, вид сам по себе. Новая птица в фауне (а вид включается в список только если найдено жилое гнездо) — это факт, который нельзя игнорировать ни с теоретических, ни с практических позиций. Есть целая наука — зоогеография, занимающаяся именно анализом распространения животных, а уж о практических проблемах охраны птиц и природы в целом и говорить не приходится. Они настолько разнообразны и пугающе злободневны, что являются, по существу, определяющей приметой нашего времени.

Во-вторых, на краю ареала, в экстремальных или необычных для себя условиях, каждый вид предоставляет экологу особо ценную возможность узнать о нем что-то новое, еще не известное науке.

В-третьих, в силу чисто биологических причин, хищные птицы имеют колоссальное значение в жизни природных сообществ, и, изучая их, вы можете многое понять о жизни и взаимосвязях гораздо более широкого разнообразия соседствующих с ними существ. И так далее.

Поэтому, хотя речь и не идет о каком-то сногшибательном открытии или особо загадочной находке, не надо, однако, и думать, что решение начать поиски этого вида имело под собой чисто эмоциональную подоплеку, вовсе нет. Стремление найти эту птицу никогда не превращалось у меня в ма-

нию, хотя всегда было шире собственно научного интереса, являясь неким фоном, подсвечивающим и орнитологические изыскания в поле, и вживание в природу, историю и культуру региона, и работу над собой.

Я вновь и вновь возвращался в Туркмению, обследуя в Западном Копетдаге район за районом. Утешительные результаты были, но мало. Не было главного — гнезда с яйцами или нелетающими птенцами, которое позволило бы формально включить ястребиного орла в список фауны СССР для законодательной охраны этой птицы и изучить биологию вида на северной границе ареала. Продвигались мои поиски при этом не так быстро и не с такой легкостью, как хотелось бы.

ПТИЦЫ И ОВЦЫ

Все мы — суть создания одного Творца. И разве допустит он, справедливый и великодушный, чтобы одно существо обижало другое?

(Хорасанская сказка)

«22 ноября. Здорово, Маркыч! Как сам?

...Обязательная деталь любого ландшафта в долине Сумбара — следы овец и коз. Везде. Старые, новые, одни поверх других. Почва глинистая, во влажную погоду следы эти пропечатываются четко, как в пластилин, а потом, когда все высыхает, они затвердевают и остаются в таком «забетонированном» виде на многие месяцы.

Перевыпас здесь — ужасный бич, причина многих бед, но проблема эта просто не решается: Туркмения как-никак — скотоводческая страна.

У меня к скотоводству своя особая нелюбовь. Рельеф везде мягкий, пологие холмы или вполне проходимые скалы, поэтому, хоть и гоняют скот некими излюбленными маршрутами, доступно для него все, польнь везде более-менее одинаковая, все в равной степени пожрано и выбито; предсказать, где и когда появятся овечки с козочками, практически невозможно.

Только приду в холмы, расставлю лучки, приколю их шпильками к земле, настоужу, затрачу на это время и силы, отойду, усядусь наблюдать, моля Бога, чтобы жаворонки мои

прилетели сегодня именно на это место, как вдруг, в самый неподходящий момент, появляется из-за холма отара.

Выползает из-за кромки склона нечто пятнистое, мохнатое, движущееся расплзающимся живым потоком, стекающим неотвратимо прямо в ложину, где мои лучки расставлены. Мне ничего не остается, как сесть где-нибудь на бугорок и следить в бинокль, кто наступит в лучок, сбив насторожку, кто пройдет вплотную.

В первое время я пытался было безмозглых животных от лучков отгонять, но это только хуже: шарахаются из стороны в сторону. Плюс никакая особая активность нежелательна еще и потому, что пасут скот часто туркменские дети, которым лучки вообще лучше не показывать: весь день потом отбою не будет. И вот в результате сию беспомощно и безропотно, по-восточному приняв судьбу, как она есть, и рассматриваю в бинокль домашних братьев меньших. Сдохнуть можно. Сплошные шедевры.

Овцы все одинаковые лишь на самый первый взгляд, а как повнимательнее присмотришься — совершенно все разные (а козы и подавно). И физиономии у них разные, и характеры. Разглядываю их в бинокль, а потом отрываю его от глаз и вижу, что в пяти метрах от меня выстроились полукругом штук пять, а то и десять овец и с безапелляционным овечьим иступлением смотрят на меня во все глаза. Я им: «Кыш! Дуры...»

Они шарахаются от меня, гулко топя по плотной земле, но им на смену почти сразу подходят и выстраиваются полукругом новые. И вот здесь я к ним вплотную уже без бинокля приглядеюсь, а как приглядеюсь, то чуть не помер со смеху.

Ты знаешь, мое излюбленное хобби — рассматривать бесконечную вереницу лиц и характеров в метро на встречном эскалаторе. Так вот с овечками — то же самое. Не в смысле, что люди в метро — как бараны, а в смысле того, что разнообразие образов в овечьем стаде вполне сопоставимо с разнообразием человеческих образов в метро. Причем типажи, как это бывает, когда замечаешь человеческие черты в животном, — на пределе гротеска, карикатурно, как в мультфильме. Чего и кого я только не посмотрелся! Парад-алле, что угодно: от «Мисс Европа» до балашихинского «качка». Полный атас.

А ко всему этому великолепию еще и обслуживающий персонал: три пацана лет по десять — двенадцать; по-русски совсем никак; едут на ишаках, за ними три алабая плетутся. Собаки вроде как бездельничают, но функцию свою знают, возвращают в стадо заблудших овец. Меня эти лохматые белые кобели как увидят, погавкают для отчетности шагов с десяти, потом подойдут вплотную, виляя пушистыми хвостами, и, если хозяева рядом, сразу ложатся и засыпают.

Подъезжают ко мне мальчишки на ишаках, молча рассматривают меня пять минут, потом начинают трещать между собой по-туркменски. Я двоих сфотографировал пару раз, они уехали счастливые, через некоторое время появился третий, попросил что-то не по-нашему. Понятно что, но я все равно жду, пока он объяснит, чего хочет («Чик-чик!»). И его сфотографировал. Уехал. Прошла отара, я поплелся лучки заново настораживать, вдруг опять пацаны возвращаются вместе с кобелями, тараторят радостно, тащат двух новорожденных козлят, чтобы я их тоже «чик-чик». Праздник жизни, окот: часто вижу в бинокль, как отстают от стада козы, рожают.

Влупляется из козы в прозрачном пузыре эдакая штука-вина, ни на что не похожая, мокрая, лохматая, на ногах не держится и орет благим матом. Как рождается это *нечто*, трюхающий где-то сбоку алабай подходит и привычно ложится рядом с ним и со счастливой мамашей, которая неотступно тут же. Козленок орет первые тридцать секунд своей жизни, еще родиться толком не успел, а алабай лежит рядом, передергивает ушами от этих воплей и вздыхает устало, словно говоря: «Ну надоел ты уже, сил нет...»

Собирают таких новорожденных в мешок и навешивают на безучастно бредущего за отарой ишака. Плетется этот ишак, думая о своем, а весь воздух вокруг него в радиусе пятидесяти метров наполнен по-детски безоговорочно-свирепым бляением, беканьем, меканьем и совсем уже истошными от голодного отчаяния, какими-то лающими воплями. Ничего не видно, не понятно, а подходит ишак, и оказывается, что у него с двух сторон через спину на перевязи мешки, из которых торчат эти первородно-голодные носы, испускающие такие децибелы, что о-го-го.

А через несколько часов, обсохнув, это родившееся нечто превращается в очаровательного пушистого козленочка, как известно (по мультикам), резво играющего с птичками и бабочками на солнечной лужайке, а еще через полгода (если не отправят сразу в плов или в шурпу) этот козленочек превращается в самое страшное для земной природы существо, способное жрать не только любую самую горькую траву, но и колючие кусты, нижние ветки и кору с деревьев (где они есть), а где ничего нет — выгрызает корни из-под соленой земли, оставляя за собой поверхность, подобную Марсу...»

КОЛЛЕКТИВ И ЛИЧНОСТЬ

...пришлось работать не покладая рук. Гром и стон стояли в воздухе от голосов и шума крыльев миллионов птиц, собравшихся сюда на зимовье. Тучи лебедей, гусей, пеликанов и уток, затмевая солнце, носились в различных направлениях, наполняя мою душу диким восторгом и необузданной радостью.

(Н. А. Зарудный, 1916)

— Я выпил снадобье, которое помогло мне обрести способность понимать язык птиц и животных, но я должен скрывать это от женщин. Если же какая-нибудь женщина узнает мой секрет, то я тотчас умру..

(Хорасанская сказка)

«26 ноября.

Дорогая Клава!

...Потратил два дня, выясняя ошибку глазомерного подсчета мелких птиц в стаях. Оценивал на глаз численность, а

потом сразу фотографировал стаю, чтобы подсчитать количество птиц на слайде, спроецированном на стенку. Результаты очень хорошие: при размере стаи около ста штук ошибка — порядка десяти процентов (у Бохмера на грачах — существенно больше).

«12 декабря. ...За сегодняшний маршрут отметил сто семьдесят шесть стай двадцати семи видов. Везде стаи, стаи... Из единичных птиц, из десятков, из сотен, из тысяч. Крупнее, чем из нескольких тысяч, здесь пока не встречал; это все-таки не юго-западное побережье Каспия (где с Михеичем и с Бородой уток считали тысячами: тысяча, две, три... десять... двадцать...), а обширные сухопутные пространства, здесь столь высокой концентрации пока не нахожу.

Птицы в стае ориентируются прежде всего друг на друга, синхронизируя поведение: все кормятся, потом вдруг все уселись и нахохлились, потом все разом встали, встряхнулись и продолжают кормежку. То же самое со взлетами «ложной паники»: сидят все или кормятся, а потом вдруг взлетают без видимой причины, покрутятся несколько секунд и садятся назад. Выигрыш от такого поведения может быть прямой — осмотреться, не изменилось ли что вокруг; не подкрался ли хищник. Но сейчас важно другое: кто подал сигнал взлететь, или прекратить кормежку, или продолжить ее? И был ли он, этот сигнал? Ни фига не знаем.

В стае из ста воробьев восемьдесят похожи друг на друга своим поведением, но нет и двух одинаковых. И все это бесценное индивидуальное разнообразие в стае уравнивается с оправданной унификацией. Уравнивается чем? Что является гирьками на вселенских весах выживания? Биологической целесообразностью, рациональностью энергетических затрат, адекватностью действий каждого в отдельности и всех вместе. Это обеспечивает переход количества в качество: в стае на порядок возрастает шанс выжить. Конечно же стая имеет не только преимущества, но и недостатки. Но в итоге преимуществ больше. (Что-то я как-то кондово выражаюсь, да? Как провинциальный грамотей на лекции в сельском клубе. Извиняй...)

Перемешиваясь в скоплении с другими птицами, члены одной стаи продолжают поддерживать ее структуру как единая группа. Соседние стаи даже одного вида, кормясь в одном месте в сплошной птичьей мешанине беспорядочного на пер-

вый взгляд скопления, слившись и перемешавшись, могут продолжать двигаться при этом с разной скоростью или в разных направлениях, сохраняя свою целостность и автономность. Почему?

Таких вопросов про стаи можно запросто придумать и десять, и сто, и тысячу. А вот где ответы брать? Наблюдаешь все эти вещи десятки и сотни раз; спроси любого — не поймет, при чем здесь наука: ведь это все так обычно, так просто! Смех смехом, но, видимо, на нынешнем методологическом уровне со всем этим не разобраться. Или же ресурсы потребуются невероятные. Вот и получается, что прав был один мой пожилой коллега, провожавший пролетающую стаю глубоким вздохом и сакраментальной (как тогда казалось) фразой: «Нет, нам никогда не понять их жизни...»

А ты, душа моя, относишься к орнитологии и к самим птичкам безо всякого трепета и должного почтения. Что выдает в тебе приземленную прагматическую натуру, воспитанную в духе точных дисциплин. Выражаю соболезнования...

Целую. Остальным моим женам тоже там привет».

С ВЕТЕРКОМ И С ПЕСНЕЙ

Султан... пришел в неописуемый восторг и на радостях сложил такие стихи...

(Хорасанская сказка)

«29 ноября. Привет, Чача!

...Сижу, наблюдаю жаворонков. По дороге вдоль покатога увала далеко от меня едет на велосипеде туркмен. На абсолютно открытом зеленом пространстве человек неизменно привлекает внимание, в перерыве между наблюдениями я навожу на него бинокль. Разогнавшись по ровной дороге, он, привставая на педалях, заезжает, насколько можно, вверх по начинающему подниматься пологому склону, потом слезает и идет пешком, ведя велосипед за высокие рога старомодного руля. Отдышавшись, он вдруг запекает во весь голос какую-то песню. (Азиатская музыка и пение поначалу непривычны и непонятны неподготовленному уху, но со временем эти заунывные мелодии неизбежно начинают завораживать гармо-

ниями азиатского звучания.) Так он, распевая, и скрылся за холмом.

Через четыре часа я вновь услышал пение — тот же самый туркмен ехал назад, разогнавшись вниз под уклон со страшной скоростью и распевая еще громче, во всю мощь; видно было, что душа у человека развернулась на полную. Хорошо!

Не то что я — прозаически сижу здесь, как пень, на одном месте. Ни песен не пою, ни стихов не пишу. А надо бы и мне сочинить что-нибудь возвышенно-лирически-фантастическое, с ощущением любви, свободы, простора и скорости. И чтобы складно, в рифму, пятистопным ямбом. М-м-м...

Я! К своей! Любимой! Бабе!
Быстро! Мчуся! На! «Саабе»!

А? Стихи?

Заметив меня, пересевшего ближе к дороге, велосипедист прерывает пение и пытается меня рассмотреть, повернув голову и рискуя на такой огромной скорости уехать с дороги «в пейзаж» (как Роза говорит) или сломать себе шею.

Пока. Военному, Ленке и Эммочке привет!»

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Как раз в это время птицы-пери, возвращаясь с поля, увидели под деревом, на коем они обитали, Хатема. И спросила одна из них:

— Это что за человек появился в наших краях?

Другая же ей ответила:

— Разве ты не знаешь? Этот человек прославился на весь свет своей добротой.

— А вдруг ты ошибаешься? Не лучше ли нам где-нибудь притаиться? — молвила третья...

(Хорасанская сказка)

«7 декабря. Привет, Андрюня! Как служба? Блюдешь?

...В холмах правобережья Сумбара подхожу к стае из сорока полевых жаворонков. Они поначалу лишь отбегают от меня, продолжая кормиться на покатоном зеленом склоне. Было бы их двести, давно бы уже улетели: чем больше группа, тем выше вероятность присутствия в ней особо пугливых птиц.

Наконец самый трусливый (или осторожный?) не выдерживает, взлетает, перелетает от меня подальше на новое место; постепенно за ним следуют некоторые другие; потом — основная масса; лишь одиночные, самые смелые (неосмотрительные?) продолжают кормиться как ни в чем не бывало, игнорируя мое приближение.

Вот она, диалектика природы: самый осторожный выигрывает в том, что с гарантией избегает опасности, но проигрывает, раньше отрываясь от кормежки; а самый смелый рискует больше других, но выигрывает в том, что продолжает себе кормиться, когда остальные испуганно озираются по сторонам или уже улетают подбру-поздорову. Каждая конкретная ситуация — новая дилемма, новый выбор оптимального поведения, новая проба для естественного отбора. Количество проб и ошибок неизмеримо. Выдержал пробу — живи; ошибся — до свидания. Торжествует биологический «здоровый смысл», отбрасываются забракованные варианты.

Жаворонки отлетают от меня, а я иду, невольно вклиниваясь в безостановочный и повсеместный диктант, который жизнь диктует всем своим ученикам; диктант, в котором нельзя делать ошибок, потому что каждая из них, как правило, единственная и последняя...»

ИДУ ПО КАРА-КАЛЕ

В руках у него были жемчужные четки, а на плечах необычайного цвета плащ. Душа же была темна, словно похищенная дьяволом ночь...

(Хорасанская сказка)

Когда мы подошли, крича, что мы русские путешественники, люди встали и загасили огонь. Однако еще в течение нескольких минут они смотрели на нас испуганными, недоверчивыми глазами...

(Н. А. Зарудный, 1916)

«10 января. ...В самой Кара-Кале, когда я возвращаюсь из поля, проходя пыльными улицами, вдыхая запах холодной пыли, прозрачного дымка из растапливаемых тандыров вперемешку с запахом горячего хлопкового масла, долетающим из-за побеленных глиняных заборов, меня все

рассматривают как заморское чудо. Совсем маленькие туркменчата при моем приближении в панике кидаются с улицы за ворота в свои дворы или закутываются в подолы стоящих рядом женщин.

Те, что постарше, прекращают играть в ляngu и молча замирают, смотря на меня черноглазой чумазой стайкой. Когда я уже прохожу мимо, из уст самого смелого мне вслед раздаётся вопросительное и проверяющее: «Драсть?!»

Когда я на это оборачиваюсь и с улыбкой отвечаю то же самое («Здравствуй!»), их восторг (от того, что это странное существо еще и разговаривает!) прорывается наружу, и уже все начинают галдеть наперебой: «Драствуй! Драствуй!»

Одиночные дети, заигравшиеся на улице и застигнутые на дороге моим приближением так, что уже поздно убежать, никогда не здороваются. Они молча смотрят на меня умоляющими черными глазами, чтобы я их не ел. Я их не ем.

Скромно-хулиганистые подростки в затертых пиджаках с неизменными комсомольскими значками на лацканах открыто дивятся и почти открыто ухмыляются.

Эмансипированные (в отсутствие поблизости мужчин) девушки в

возрасте от шестнадцати до двадцати, в цветастых платках поверх сильных, рвущихся наружу черных волос (так и хочется потрогать рукой) и в длинных ярких юбках, идущие разноцветной галдящей стайкой тропических птиц на работу в местный ковровый цех (где за тысячи человеко-часов кропотливой ручной работы создаются бесценные национальные ковры), приглушенно подхихикивают за моей спиной. Если я на это оборачиваюсь, свирепо сдвинув брови, смех иногда мгновенно обрывается, но чаще неудержимо выплескивается еще сильнее из-под зажимающих рты ладоней.

Женщины за тридцать проходят сквозь меня холодными неподвижными взорами, не меняя выражения лица. Так получается лишь у дочерей Востока. Потому что это не от кокетства. А от чего? Расплата мне, постороннему пришельцу, за традиционное место женщины в мусульманской культуре?

Подобная манера, практикуемая московскими модницами, вышагивающими специально тренируемой походкой победительниц и смотрящими на мир исключительно периферическим зрением, никогда не встречаясь ни с кем взглядом (подсматривая потом на заинтересовавших их людей исподтишка), выглядит по сравнению с наблюдаемым здесь лишь жалкой потугой непонятно на что.

Старухи-ханумки, в своих бесчисленных платках, юбках, цветастых шароварах по шиколотку, идут, галдя между собой и шаркая остроносими туркменскими галошами, одетыми на босу ногу и подвязанными поперек ступни цветной веревочкой. Заслышав сзади мои угрюмые сапоги («клик-клик» — шагомер), кто-то из них мельком оборачивается, что-то без всякого испуга вскрикивает или, наоборот, вопросительно-настороженно замолкает. Остальные на это тоже оборачиваются и притормаживают, чтобы я побыстрее их обогнал. Когда я прохожу, уважительно здороваясь, сза-

ди еще некоторое время сохраняется рассматривающая мою спину тишина».

АЛЬБИНОС

Хатем тотчас сжег черные перья, опустил пепел в воду и, омывшись этой водой, стал покрываться черными пятнами, а вскоре и вовсе по чернел...

(Хорасанская сказка)

«2 февраля. ...На окраине Кара-Калы на проводах две стаи скворцов по триста и четыреста штук. В одной из них — альбинос (крылья и хвост белые, тело грязно-белое). Как я среди туркменов».

НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Потом они накрыли семь дастарханов и выставили на них красные чаши, а на семь других дастарханов выставили чаши белые...

(Хорасанская сказка)

«18 февраля. Здорово, Маркыч! Как оно?»

...Пройдя в маршруте тот или иной участок до намеченной себе где-нибудь впереди цели, или останавливаешься перевести дух, или присаживаешься на минуту осмотреться, или устраиваешь привал. Сегодня, миновав километры пологих мягких холмов, выстилающих центральную часть долины Сумбара, подошел к первым скалам в предгорьях и уселся посмотреть, что и как.

Место особое: мягкие мергелевые породы холмов последней складкой упираются в скальные склоны Сюнт-Хасардагской гряды. Между ними здесь небольшая ровная лужайка с изумрудной травой, вплотную к которой подходят светлые скалы, ниспадающие пологими ровными пластами, словно пролитая на зеленую промокашку сгущенка, застывшая шероховатыми засахарившимися потеками. Здесь отчетливая гра-

ница двух совершенно разных местообитаний; меняется рельеф, почва, растительность, а вместе с ними и птичий мир.

Как пограничник на этом рубеже — большой скалистый поползень — маленькая, вопреки названию, заметная шумная птичка; его энергичный булькающий свист прокатывается эхом далеко по ущельям. Он явно тяготеет именно к скалам и каменистым осыпям. Привычно отмечая его в типичном месте, вдруг замечаю, что две птицы заняты весьма особым делом — запасают провиант.

Два поползня из одной пары, самец и самка, хозяйничают на своей гнездовой территории, поспешно и деловито раз за разом, каждый по-своему, повторяя одни и те же действия, добывая и пряча жуков, у которых начинается весенний лет.

Весна, жуки полезли из земли, хлопотливо вступая из подземной личиночной в новую, взрослую, «жучиную» стадию своего существования, наполняя все вокруг своим жужжанием и прочей, столь заметной многоногой насекомостью. Оно и понятно: посидишь годик под землей, пусть даже дородно жиреющей, растущей личинкой, обрадуешься потом солнышку и цветочкам вокруг.. Для вечно жадных на еду птиц (полет требует энергии!) эти жирные жуки — желанная жужжащая жрачка, деликатес, на добычу которого не жалко потратить усилий.

Самец летит со скал к лужайке, садится там на верхушку полуметрового держидерева и несколько секунд сидит, осматриваясь по сторонам. Потом слетает на землю и склевывает ползающего по траве или летающего низко над ней жука (очень похожего на нашего июньского — надо ловить, определять).

Схватив жука, поползень убивает его тремя-четырьмя сильными ударами о землю и сразу отлетает с жертвой в клюве назад на скалы. Там он усаживается на одну из нескольких любимых присад — большой приметный камень и несколько секунд расклевывает добычу, отчленивая жесткие ноги, надкрылья и голову от мягкого и деликатесного жучиного брюшка. Закончив эту операцию, поползень слетает на несколько метров и прячет заначку в укромное место, причем во всех случаях (семь раз), засовывая ее в какую-нибудь щель между камнями.

Самка в это же самое время тоже запасает провизию, но совсем по-другому. Она всегда (проследил десять раз) слетает со

скал на дальний от них край лужайки (вдвое дальше самца, охотящегося с колючего куста) и садится там на землю, привставая и вытягиваясь на ногах, оглядываясь по сторонам и высматривая добычу с земли.

Поймав ползающего или летающего поблизости жука, убив его о землю и обработав точно так же, как и самец, самка прячет добычу уже по-своему: всегда (семнадцать раз подряд!) засовывая его под кустик полыни и закладывая сверху мелкими камешками.

Один раз самец отловил жука, ободрал ему ноги и крылья, подлетел к самке, передал его ей из клюва в клюв (весенний презент в период ухаживания; в преддверии, так сказать, 8 марта), а она уже сама этот подарочек припрятала.

Красота. Сегодня избыток корма, но уже завтра (или даже через несколько часов, в горах это — обычное дело) погода запросто может неожиданно измениться; все насекомые вообще попрячутся, ищи потом, чем поживиться. А так — полно запасов по укромным углам. Не уползут, не улетят. И не умыкнет никто: территория охраняется, самец гоняет посторонних конкурентов со своего гнездового участка, так что не сунешься.

А то, что прячут каждый по-своему, это уже индивидуальность характеров, очевидная каждому, кто не сочтет за труд понаблюдать внимательно хотя бы десять минут за парой даже самых прозаических воробьев. Недоцениваем мы разнообразие бытия...

Выражаясь же биологическим языком, это достоверная индивидуальная специализация кормодобывания. А дальше надо заводить разговор про потенциальное снижение внутривидовой кормовой конкуренции и про индивидуальные кормовые ниши. Но это для орнитологов, которым делать нечего, а самим-то поползням лишь бы жуков побольше нахapat, пока возможность есть...

Интересно, едят они потом каждый из своих загашников или припрятанное супругом тоже? А то ведь семейная жизнь семейной жизнью, но свои-то перья ближе к телу...»

«ПАРОКСИЗМ ДОВОЛЬСТВА»

Внимание султана... привлекло одно любопытное дерево с желтым стволом и красными листьями. Пока он рассматривал диковинное дерево, к нему прилетели красные и зеленые птицы, и одна из красных принялась клевать кору этого дерева, а зеленая у нее спросила:

— Почему ты не ешь плоды?..

(Хорасанская сказка)

«2 марта. ...Тепло и солнечно; в холмах повсеместно идет массовый лет нехрущей. Жирные вкусные жуки видны везде в воздухе, лазают по растениям, ползают по земле. Абсолютно все виды насекомоядных птиц перешли сейчас на этот массовый корм. Многие используют новые, ранее нетипичные для себя, приемы кормодобывания, взлетая, подпрыгивая или бегая за летающими жуками.

Каменка-плясунья, наевшись до отвала, сидит на солнышке, кемаря и полуприкрыв глаза. Вокруг полно летающих жуков, птица на них не реагирует. Один жук медленно и неосмотрительно кружится почти вплотную к ней. Каменка равнодушно смотрит на него, потом, не выдержав искушения, вяло хватает его клювом, придавливает и бросает на землю. Продолжая лениво посматривать, как жук все еще шевелит лапами, каменка не расклеывает его и не ест: феерическое изобилие пищи создает пресыщение, немислимое в обычной обстановке.

Хохлатый жаворонок, не доклевав одного жука, бросает его, кидается на соседнего, хватает, бросает (тот, слегка помятый, улетает прочь), вновь возвращается к предыдущему, недоеденному. В этот момент вплотную к птице подлетает еще один жук, жаворонок вновь отвлекается, хватает его, расклеывает и съедает, после чего снова принимаясь за недоеденного первого. Доев его, он встряхивается, распушает оперение, садится и засыпает. Еда везде, ее очень много, и она так легкодоступна!

Кормящийся неподалеку рогатый жаворонок явно голоднее прочих и проявляет куда более активный интерес к добыче, без особого труда ловя жуков и энергично их расклеывая. На его пути три самца жука оседлали одну самку, создав тем самым шевелящуюся кучу-малу. Жаворонок (самец

в прекрасном весеннем оперении, с черным нагрудником и острыми черными «рожками») подходит вплотную, подозрительно рассматривает это копошащееся «нечто», но потом отходит от греха в сторону, явно предпочитая более традиционную добычу.

Точно такую же картину вижу неподалеку, но уже с хохлатым жаворонком. Этот озабоченно приближается к еще большей куче жуков, внимательно разглядывает, но не трогает. Отворачивается, а чуть позже, когда жуки расползутся, жаворонок, не успев еще отойти, вновь подскакивает к ним и по одному уकोшивает двух подряд. Съедает их и тоже усаживается поспать.

Прекрасно. Совершенно особая экологическая ситуация. Плюс хрестоматийная иллюстрация того, что куча насекомых одним своим необычным видом может повисить шансы на выживание каждому из них, смутив или даже отпугнув хищника».

6

Он тотчас принялся читать заклинание, и неведь откуда появились два черных дива...

...внезапно неведь откуда взялись ангелоподобные юноши и подхватили меня под руки...

(Хорасанская сказка)

Через год после первой встречи орлов мне представилась возможность посетить один из наиболее обещающих и манящих районов Западного Копетдага, к которому я особенно стремился, — долину реки Чандыр, примыкающую непосредственно к границе с Ираном. Мы отправились туда вместе с Сережкой Переваловым и Сашкой Филипповым — сотрудниками недавно созданного на Сумбаре Сюнт-Хасардагского заповедника, с которыми общались к тому времени уже не один год.

Перевалов — зоолог, *свободный художник* и таксидермист; худощавый, высокий и с соответствующей своему характеру беззаботной артистической внешностью. Филиппов (которого все зовут «Кот») — орнитолог и мотогонщик (порядком попугавший меня в свое время, возя на мотоцикле) с обликом свирепого бородатого пирата. Давным-давно в аварии он потерял мизинец на ноге. Поэтому, когда на остановке в маршруте мы отдыхали, разувшись и задрав ноги, Сашка, зажав в огромном загорелом кулаке охотничий тесак, скрежеща оскаленными зубами и обещая нам худшее, расхаживал вокруг нас, оставляя на мягкой дорожной пыли четырехпалые следы, на что мы, в ужасе закатывая глаза, шептали пересохшими губами: «Беспалый!..»

Перевалова я впервые встретил очень давно, на биостанции МГУ, когда сам был школьником, а он — студентом. Зоология ведь привлекательна еще и тем, что вновь и вновь сводит вас при самых разных обстоятельствах с уже знакомыми людьми («слой тонок»).

Через одиннадцать лет, поздно вечером, я сидел в Кара-Кале на переговорном пункте при почте, кутаясь в штормовку в вечерней прохладе никогда не отапливаемого азиатского помещения и ожидая, когда телефонистка соединит меня наконец с Москвой.

Я рассматривал затертые плечами ожидающих стены с многочисленными нацарапанными на них инициалами и гнездо деревянной ласточки, прилепленное под самым потолком. Птенцы в нем были уже большие, иногда они шевелились и попискивали в своем беспокойном птичьем сне.

Взрослая ласточка (мамаша), сонно сидящая на гнезде рядом с ними, время от времени оживлялась, спархивала к засиженной мухами лампочке без плафона и склевывала со стенки какое-нибудь насекомое из множества роящейся на свет мошкеры.

Самец здесь же сидит на проводе вплотную к гнезду; раз попытался было подсесть в гнездо к самке, но она его встретила склочным щебетанием и безоговорочно выперла назад на провод. Сидит себе, а что поделаешь? Ночует на кушетке...

Вот самка снова слетела к лампе, снова вернулась на гнездо; уселась, кемарит. Вдруг вытянулась на ногах, вновь

спорхнула к лампе, села на изогнутый электрический провод, пытаясь дотянуться клювом до сидящей на стенке особенно крупной моли, — не достает, не получается; попробовала опять — опять безрезультатно. Я автоматически считаю ее потуги. Упорная птица безуспешно пыталась склонуть моль двенадцать раз подряд, потом вдруг зашебетала истошно на весь переговорный пункт (матерится, что не достать), раздраженно пошваркала клювом о провод (классика; все как в учебнике этологии: конфликт эмоций, видит око, да зуб неймет); еще четыре раза попробовала дотянуться до неподвижной, одуревшей от света козявки, но не достать. Ласточка вернулась на гнездо и начала неторопливо чиститься.

Теперь самец слетел со своего насеста, склонул с оконного стекла крупную ночную бабочку, она у него вырвалась, полетела подранком к лампе, роняя с крыльев чешуйки, он снова вспорхнул за ней, схватил на лету, вернулся на провод, посидел секунду с нелепо торчащими из клюва лохмотьями крыльев, проглотил, потрянул головой и уселся, нахохлившись. Отель с бесплатной едой в темное время суток — полуночный перекус. Не роскошь ли для дневной птицы? Обьедают, понимаешь ли, летучих мышей.

В одной из кабинок пришедший звонить солдатик-пограничник надрывался в трубку изо всех сил, словно ему и впрямь нужно было докричаться до самой Москвы:

— Надюх! Так ты мое письмо получила?.. Не получила?.. Значит, получишь скоро... Да! Еще зимой написал... Сейчас еще отправлю, а потом летом... Летом, говорю!.. А потом уже и все... Потом приеду, говорю!..

В этот момент дверь переговорного закутка скрипнула многострадальной пружинной, и вошел Перевалов, совершенно не изменившийся, все с такой же шевелюрой и жизнерадостно растопорщенными усами. Меня он не узнал — я изменился с бытности своей подростком-старшеклассником. Мы еще раз познакомились, удивляясь хитросплетениям судьбы.

И вот сейчас он везет нас на своей машине на Чандыр, почти упираясь неугомонной шевелюрой в потолок кабины и тоже предвкушая неизведанное: запланированная для посещения часть Копетдага уникальна во многих отношениях.

ГАЛАКСИЙ

Сопровождаемая семью тысячами пери, Хуснапери отправилась в страну тьмы. Мало-помалу все пери, опасаясь встречи с дивами, оставили ее в одиночестве, и она сорок дней и сорок ночей летела между небом и землей...

(Хорасанская сказка)

«3 марта. ...Недавно познакомился в Кара-Кале с Сашкой Филипповым. Он работает в Сянт-Хасардаге, появился здесь из Ташкента и в Средней Азии живет уже давно.

Иногда мы ездим с ним на мотоцикле «по Млечному Пути». Это означает, что поздно вечером, далеко от Кара-Калы с ее огнями, мы разгоняемся в холмах по ночной дороге так, что когда я, сидя за его спиной, приоткрываю во время езды рот, то мои раздуваемые встречным ветром щеки сползают назад, к ушам. Мы несемся среди чернеющих по бокам дороги холмов, а звезды над нами светятся с особенной яркостью, и непонятно, что относительно чего в этой темноте движется, но зато охватывает всеобъемлющее ощущение восторга и всеобщего вселенского движения вообще. Это как практическое занятие на уроке о том, что Все Всегда Двигается...»

ТУРАЧ

В течение моих многолетних странствий на юг... природа в благодарность за страстную мою любовь к ней порою дарила меня любопытными находками и возможностью наблюдать некоторые сокровенные явления в образе жизни животных...

(Н. А. Зарудный, 1916)

Поверх груди сверкающих камней красовался павлин, изготовленный из одной жемчужины размером в утиное яйцо...

(Хорасанская сказка)

«17 марта. ...Впервые вечером услышал новый для себя крик: трехсложный, ритмичный и очень громкий. Я бы сказал, что явно какого-то вида куриных, но ведь, кроме фазана,

здесь нет никого с подобными воплями. Высматривал, высматривал в сгущающихся сумерках — ничего».

«18 марта. ...Все утро проторчал на Сумбаре, выясняя, кто орет. Выяснил: это турач. Почему же я считал, что его здесь нет?»

«30 мая. Всем привет!

У пытливого аспиранта большая и заслуженная аспирантская радость: собрал наконец интересное и новое по редкому виду — по турачу. Птица изумительная по своей красоте, крикливости и трогательно-безнадежной куриной бестолковости.

Это маленький (вдвое меньше курицы) петушок темно-коричневого цвета (когда держишь в руках, видно, что оперение сочетает контрастные черный, коричневый и бежевый цвета), с оранжево-красными ногами и клювом и с белыми щеками. Обитает на Сумбаре в тугаях, по окраинам полей и в садах. Во многих местах орудие на виноградных шпалерах самцы видны в тридцати метрах от работающих на поле людей. Настолько терпим к человеку, что выглядит порой почти домашней птицей, не уступая по шику банальным павлинам.

Турач в долине Сумбара не отмечался с 1925 года никем из бывавших здесь орнитологов и, видимо, правомерно считался здесь исчезнувшим. Он ведь обычен в Африке, но для Евразии редок; в СССР встречается лишь в Закавказье; занесен в Красную книгу. Нахождение на Сумбаре самостоятельной популяции — несомненная удача. По свидетельству туркменов (чему можно доверять лишь частично), турач появился в окрестностях Кара-Калы лишь года за два до моего приезда.

Орут так, что в безветренную погоду слышны за километр. Не уделить внимания такому специальному виду не мог; в

ущерб жаворонкам потратил массу времени на учеты и определение ареала. Надо срочно отправлять материалы В. Флинту в Москву, Р. Потапову в Питер и А. Рустамову в Ашхабад: издание Красных книг на носу».

7

В стороне от них на голой земле сидел неприятного вида человек, который непрестанно стонал и плакал...

(Хорасанская сказка)

Это был памятный для меня сезон, потому что, как нередко бывает с пришлым белым человеком, работающим в Азии, я жестоко мучился животом, вызывая сострадательные насмешки друзей и коллег. В этой поездке мне было так плохо, что пил я преимущественно отвар из коры дуба («напиток для мужчин») и не расставался с рулоном туалетной бумаги, который носил на легкомысленной бельевой веревке, перекинутой накрест через плечо, за что мои смешливые спутники дразнили меня «матросом революции». Столь интимные детали я вспоминаю лишь для того, чтобы была понятнее важность обследования труднодоступного региона, несмотря ни на что притягивавшего мое внимание как возможное место обитания ястребиного орла.

КОНДЖО

О терпение, меня ты покинуло, — как же мне быть?

(Хорасанская сказка)

«3 марта. ...Вышел на гребень скалы и в трех шагах за ним увидел пять пустынных куропаток — во много раз ближе критической дистанции бегства этих птиц. Они замерли, окаменев, уповая на то, что я их не замечу («Часто, застигнутая врасплох, она прямо ложится на землю и благодаря сходству оперения с окружающей почвой великолепно мо-

жет исчезать из виду» — Зарудный про этот вид).

Я тоже замер, чтобы проверить их конджо. А получилось, что проверил свое (точнее, его недостаточность): мы смотрели друг на друга без единого движения очень долго; потом — необычно долго; потом — удивительно долго; потом уже — невозможно долго.

Сначала я стоял, замерев, с интересом глядя на них так, чтобы даже глаза у меня по возможности не двигались, и наслаждаясь тем, что я понимаю ситуацию, а они нет. И был уверен, что благодаря моей сознательной профессиональной неподвижности куропатки сейчас ослабятся, качнут своими куриными шеями, завертят головами и потихоньку пойдут от меня и от греха подальше. Ни фига. Я не двинулся — они тоже оставались совершенно неподвижны.

Потом я ощутил, что мне трудно сохранять равновесие в неустойчивой позе. Птицы не двигались.

Потом у меня вдруг зачесалась вся спина сразу.

Потом все тело окаменело и я перестал ощущать руки-ноги. Каменные куропатки сидели как каменные.

Потом я сам себе показался совсем уже полным дураком.

Прошло секунд сорок.

Исчерпав до остатка все свои резервы терпения, я не выдержал, сдался: сделал шаг — птицы мгновенно сорвались со скалы и со своим обычным заунывно-веселым свирканьем улетели вниз по склону.

Точно так же, как мышца дикого животного в десять раз превосходит по силе аналогичную мышцу человека, терпение животного замешано на совсем иной субстанции, чем терпение большинства людей (мое-то уж точно). Хотя порой и бывает иначе, когда непобедимый человеческий гений своим искусственным, интеллектуальным терпением преодолевает первородное, инстинктивное терпение животных. Но в этот раз не вышло. Видать, и с конджо, и с интеллектом у нас еще много работы впереди».

ЧЕРВЯЧОК ВРОЗЬ

— Я забылся. Пора мне подумать и о друзьях...
(Хорасанская сказка)

«5 марта. ...Степной жаворонок вытянул из земли здорового червяка и сразу с ним тикать прочь от кормящейся стаи. Отвернулся ото всех, загородив добычу спиной, торопливо расклевал, заглотил, вытер клюв о землю и уже только после этого бегом вернулся к кормящимся со- группникам. Дружба — дружбой, стая — стаей, а червячок врозь...

Наблюдаю такое постоянно у хохлатого, полевого и рога- того жаворонок. Потому что особо крупная и лакомая добы- ча немедленно привлекает внимание кормящихся рядом со- братьев, нередко провоцируя и драки за нее».

«СНИМИ ПОРТРЕТ!»

...на выстрелы сбегались туземцы и уже не от- ставали ни на один шаг. Александров однажды вер- нулся с охоты в сопровождении не менее 50 разно- калиберных мальчишек и человек 20 взрослых. Эта публика всячески стремилась помочь нам, но гал- дела... страшно.

(Н. А. Зарудный, 1916)

Все люди Хорасана и сопредельных стран... предались великому веселью...

(Хорасанская сказка)

«9 марта. Дорогая Зина!

Вчера мысленно поздравлял тебя. Праздник еще витает в воздухе, но когда получишь это письмо, все уже развеется су- ровыми ветрами будней.

...В окрестных холмах у Кара-Калы вдруг появилось не- обычное множество пацанов в возрасте от семи до пятна- дцати. Они по весне копают сакыч (не знаю систематики, что-то вроде дикого лука) — местное растение, традицион- но добавляемое туркменами ранней весной в чурек и про-

чую выпечку: еще один пример того, как аборигены стре- мятся заполучить первые доступные витамины (что у нас в Сибири и в тундре на Севере, что у американских индейцев, и т. п.).

Заметив меня, сначала настораживаются, но потом любо- пытство берет верх: подходят и рассматривают мои экзотиче- ские прибамбасы (микрофон, диктофон, секундомер, шаго- мер, складной стул, ружье и проч.). Завидев мои фотоаппа- раты, ребяшня испуганно-завороженно начинает кланяться, чтобы я их сфотографировал («Сними партрэт!..»). Будущая фотография их совершенно не интересует, важен сам процесс запечатления.

Я снимаю крышку с объектива, они поспешно выстраива- ются плотной взволнованной шеренгой, замирают, затаив дыхание, а после шелчка затвора начинают восторженно но- ситься и скакать с радостными воплями, давая выход сдержи- ваемым во время съемки несколько секунд эмоциям».

«2 мая. ...Выхожу из холмов к восточной окраине Кара-Ка- лы и еще вдалеке от домов слышу непонятно откуда раздаю- щиеся детские крики на туркменском. Ничего не понимаю. Заглядываю за бугор и вижу там в огромной луже мутной ко-

ричной воды несколько купающихся мальчишек. Увидев меня, они замолкают, а потом, показывая на фотоаппарат, начинают неуверенно просить, чтобы я им «сделал это». Один из них, чуть постарше, посмеивается над мелюзгой, но тоже рассматривает меня с нескрываемым интересом. Навожу фотоаппарат, они смолкают, а когда отхожу, за моей спиной вновь начинается возбужденный гвалт».

ЗАВИДУЩИЕ ГЛАЗА

Из всех жаворонков малые с наибольшей легкостью переносят жару.

(Н. А. Зарудный, 1888)

— Ступайте к этому неразумному и передайте, чтобы он сначала поел...

(Хорасанская сказка)

«24 марта. ...Малый жаворонок действительно самый маленький из всех. Похож на серого, но клюв потоньше и кроющие на крыле другой окраски. В пролетной стае один привлёк внимание тем, что носился среди кормящихся птиц больше других. Стал наблюдать: так он, оказывается, высматривает наиболее активно кормящуюся птицу, подбегает к ней, рассматривает, чем и как она кормится; потом так же бегом — к другому, опять разглядывает; потом так же к третьему. А сам не ест. Не помер бы, бедолага, с голоду при такой любознательности...»

АВДОТКА

...они не только сами утолили голод, но еще и накормили птицу Рух с птенцами...

(Хорасанская сказка)

«12 апреля. Привет, Жиртрест!

...Сегодня впервые в жизни видел авдотку в природе. Ну и ну!.. Это очень необычный крупный кулик с непомерно огромными желтыми глазами, сразу выдающимися ночной образ

жизни. Во всем облике и жизни этой птицы есть что-то потустороннее. То, что ночная и кричит по ночам; то, что, будучи куликом, живет вдалеке от воды в полупустынях и пустынях; то, как она неподвижно стоит, глядя в одну точку; как летит, совершая медленные ритмичные взмахи серыми, с контрастной белой полосой, крыльями; как опять садится в неподвижную позу, вытянув вперед голову и глядя на все вокруг холодным отрешенным взглядом, лишенным всяких эмоций и обычной птичьей суетливости. Словно ни забот у нее, ни мирских птичьих радостей. Если и не исчадь ада, то уж и подавно не райская птица...

И как примечательно описание двух птенцов авдотки Зарудным, — описание, говорящее в общем-то более о нем самом, нежели об этой удивительной птице: «Только что подошел к ним, как оба они, неуклюжие, пучеглазые, вылезли из своих убежищ и заковыляли ко мне навстречу, широко раскрывая свои слюнявые ротки; я дал им по несколько капель воды из бывшей со мной бутылки, и они с жадностью напились, потом поймал несколько жуков и накормил их; они доверчиво сидели у меня на ладони и нисколько не боялись; рассадив их по местам, я побрел дальше».

Написал эту цитату и переключился на что-то другое, но потом почувствовал, что не могу от нее отвлечься. Ты можешь себе представить, что напишешь про птиц: «слюнявые ротки»? Конечно же нет. Потому что у Зарудного это абсолютно особенно — и фраза, и взгляд, и восприятие. А ведь есть еще и суть — «...я дал им по несколько капель воды...» Вроде бы нечего драматизировать, эти птенцы не первые и не последние, либо выживут, как многие другие, либо погибнут, разделив удел также многих. Но дело-то не в этом. Дело в том, что человек так естественно поддержал и приласкал начинающуюся, борющуюся за себя жизнь, открывшуюся ему навстречу еще без опыта, но и без страха. Только видевший жизнь в пустыне может понять, что за этим стоит и насколько решающей может оказаться эта поддержка...

Романтично было бы закончить на этом многоточии.

Но это лирически-сентиментальный взгляд. Я-то сам своим студентам запрещаю во что-либо в природе вмешиваться. Выпал птенчик из гнезда, значит, так тому и быть, — «кутарды», как говорят в Туркмении. Вроде бы гуманное дело — положить его обратно. Но это иллюзия. Потому что, положив его в гнездо, ты лишаешь ужина живущего поблизости ужа, или ласку, или ворону. А чем они хуже? Или, может, у этого птенчика гены такие — ерзать больше обычного и из гнезда вываливаться. Ты его положишь назад, он выживет, потом эти свои порочные непоседливые гены по наследству передаст, и в результате все его дети будут из гнезд выпадать, а значит, конечный урон для вида будет больше...

Проникаешься сутью биологической диалектики? То-то. Привет Москве!»

8

Султан... повелел снарядить двух верблюдов с паланкинами и приготовить все необходимое для длительного путешествия...

(Хорасанская сказка)

Наше путешествие на Чандыр началось как нельзя лучше. Трясаясь на ухабах по тридцатиградусной жаре, глотая дорожную пыль и вяло переругиваясь с постоянно курящим на заднем сиденье Филипповым, я придерживал живот обеими руками и обессиленно упивался сладостной возможностью ехать, а не идти пешком, как обычно, по этому замечательно горно-пустынному ландшафту, покрывая километр за километром на пути к желанной цели.

Как часто бывает в начале подобных мероприятий, вдруг возникает фраза или тема, которые потом обыгрываются постоянно, всплывая по поводу и без повода чуть ли не каждый час. В данном случае мужики до отъезда осторожно подняли вопрос, не купить ли нам с собой пива, на что я возразил решительно и бесповоротно, заявив, что поездка более чем деловая, и сославшись на авторитет Бисмарка («От пива человек становится тупым и ленивым»).

Это было моей явной ошибкой, потому что с момента выезда все неудобства и издержки производства от слишком жаркого солнца до бьющихся в ветровое стекло насекомых списывались на то, что «...собака П-в не дал пива с собой купить...» (Каюсь, мужики, если и был в этом неосознанный эгоизм, то исключительно от большого живота).

После обеда мы добрались наконец до намеченного для остановки места. Эту точку я тщательно высчитал заранее, потому что недалеко от нее среди опустыненных холмов возвышалась заметная издалика скальная стенка невысокой горы Казан-Гау, представлявшая для меня особый интерес.

Долина Чандыра в этом месте последний раз сужается между скалами, перед тем как в паре километров к западу распахнуться во всю ширь холмистыми пустынными предгорьями, переходящими затем во все более уплощающуюся Западно-Туркменскую низменность в долине Атрека.

Выключив двигатель, мы погрузились в тишину, сознавая, что находимся в одном из очень особых уголков земли и, несомненно, обладаем неплохими шансами увидеть здесь нечто уникальное.

ГЕОГРАФИЯ

Я страстно люблю природу, и в дальних странствиях вся моя душа.

(Н. А. Зарудный, 1900)

Оставив позади много путей и дорог, он достиг страны Чин...

(Хорасанская сказка)

«13 мая. ...Признаюсь тебе, что очень часто, открывая атлас и с легкостью проводя пальцем по горам и долинам любого континента на выбор, я останавливаю взгляд именно на этой, ничем не примечательной на карте точке — на самой западной границе Копетдага, представляю себе, что стоит за ней в реальности, и у меня захватывает дух от сознания того, как неисчерпаемо велик, конкретен и непознаваем этот мир».

ЗАПАДНЫЙ КОПЕТДАГ

...мы въезжаем... в те самые полутропические леса... (которые) составлены из разнообразнейших пород, среди которых наиболее бросаются в глаза исполинские дубы, орешники и вязы, завитые виноградом, плющом и многими другими вьющимися растениями; местами колючая ежевика, виноград и разные колючие кустарники образуют чащи, в полном смысле слова непролазные...

(Н. А. Зарудный, 1892)

Пройдя шестьдесят фарсангов, ты достигнешь леса, где растут различные деревья и текут чистейшие воды... Когда ты пройдешь лес, ты окажешься в пустыне...

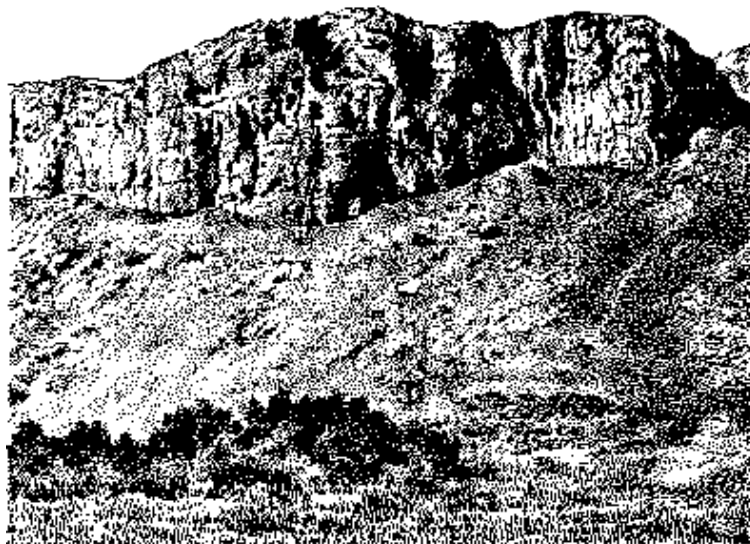
(Хорасанская сказка)

«21 мая. Природа Западного Копетдага воистину уникальна. Являясь северо-западной окраиной Туркмено-Хорасанских гор, хребты Западного Копетдага расположены так, что, сходясь к востоку, образуют ловушку, задерживающую осадки, приходящие с запада, со стороны Каспийского моря. Одновременно они отсекают холодный зимний и жаркий лет-

ний воздух пустыни Каракум, примыкающей к Копетдагу с севера. В результате в долинах Западного Копетдага формируется субтропический климат.

Условия увлажнения, микроклимат, растительность, а вслед за ней и животный мир здесь радикально отличаются от типичных пустынных ландшафтов. Это особенно наглядно видно зимой. В предгорной пустыне в окрестностях Ашхабада или Кизыл-Арвата может быть двадцать градусов мороза без снега, с колючим ветром, несущим песок. В часе езды к югу, в Ходжакалинской долине, отгороженной от Каракумов Передовым хребтом, — около нуля. Еще в получасе езды на юг, за Сюнт-Хасардагской грядой, в долине Сумбара, может быть плюс десять. А еще южнее, за следующим хребтом, в последней, перед иранской границей, долине Чандыра, — райская тишь-благодать с устойчивой солнечной погодой, двадцатью градусами тепла, буднично жужжащими насекомыми и даже без намеков на морозы и ненастья. Весной и летом этот градиент проявляется в обратную сторону: в долинах Западного Копетдага никогда не бывает так убийственно жарко, как в Каракумах.

Эти уникальные климатические условия определили развитие удивительных по своему разнообразию фауны и флоры, включающих очень высокий процент эндемиков — видов, обитающих только здесь. В ущельях Западного Копетдага еще совсем недавно произрастали девственные леса с уникальными видами диких плодовых деревьев, миндаля, инжира, грецкого ореха, граната, винограда. На открытых пространствах встречались дикие виды ржи, овса, пшеницы. Что воистину уникально — многие из этих диких растений превосходили по

качеству мировые стандарты культурных сортов.

Животный мир был под стать растительному: экзотические виды летучих мышей, малоизученных грызунов, тугайный олень, безоаровый козел, полосатая гиена, закавказский бурый медведь, туркестанская рысь, гепард, туранский тигр, переднеазиатский леопард, медоед, среднеазиатская выдра — вот далеко не полный перечень одних лишь млекопитающих, еще совсем недавно населявших эти края. Многие из них уже исчезли навсегда, другие лишь иногда заходят из Ирана, численность третьих неуклонно сокращается. Былое величие тает буквально на глазах...

Понятно, почему это место как магнит десятилетия за десятилетием притягивает сюда ботаников и зоологов всех специальностей из самых разных концов страны. Не случайно наш замечательный биолог Николай Иванович Вавилов, без преувеличения, — один из самых блистательных интеллигентов двадцатого столетия, выделил Западный Копетдаг как бесценный природный центр происхождения культурных растений, основав в 1930 году в Кара-Кале Туркменскую опытную станцию всесоюзного института растениеводства (ТОС ВИР, в обиходе — просто «ВИР»).

Поразительно, как порой личность одного человека может влиять на жизнь многих и многих людей. Каждый раз, входя на станцию, я ощущал, что все здесь проникнуто связью с идеями и делами Вавилова. Продвинув на шаг вперед мировое растениеводство, он помог удовлетворению жизненно важных нужд миллионов людей по всему свету, но сам был заморен голодом и издевательствами в саратовской тюрьме в 1943 году — сталинские вертухаи ретиво отработывали свой холуйский паек».

АРХИВЫ

Вот тебе талисман, в коем перечислены мои предки до седьмого колена...

(Хорасанская сказка)

«4 января.

Привет, Лешка!

Помнишь наш давнишний разговор с Михеичем о традициях и честности исследователя применительно к полевой зоологии? Я часто этот разговор вспоминаю (как и самого Михеича, привет ему передай!).

Перечитывая пожелтевшие страницы старых работ в библиотеках или перебирая тушки птиц в музейных коллекциях, я раз за разом с благодарностью и уважением обращаюсь к тем, кто десятилетия, а порой столетие и более назад побывал на Сумбаре, по-своему соприкоснувшись с тем же, чем живу и с чем сейчас работаю я сам.

Пардон уж за высокий штиль, но действительно вопросом чести становится ничего не упустить, с полным вниманием отнестись к каждому описанию, не ошибиться в датах и уточнить подчас по-разному транскрибируемые или уже изменившиеся географические названия.

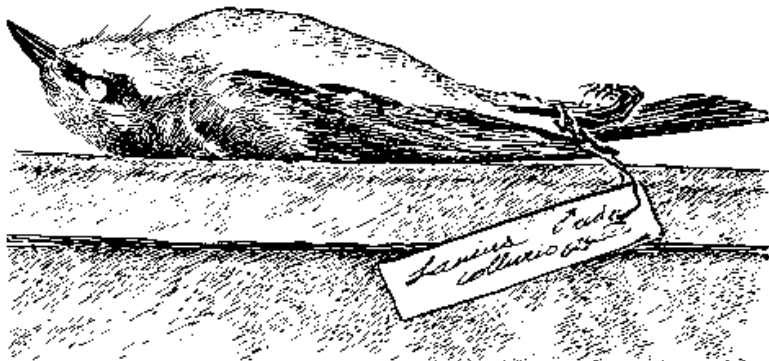
Открывая в хранилище зоомузея ящик с тушками жаворонков, я не верю своим глазам, доставая оттуда экземпляры, добытые в знакомых мне местах сто лет назад (один по-

трепаный уже пустынный жаворонок датирован 1788 годом!) Фамилия коллектора на этикетке в моем понимании — фамилия классика. Но это не важно. Потому что я с не меньшим трепетом рассматриваю и тушку с совершенно незнакомым мне именем. Потому что в любом случае подписать на этикетке — это не просто беглый автограф, случайно завалявшийся в укромном уголке на сто или двести лет. Человек наблюдал эту птицу; руководствуясь некими соображениями, выбрал ее для коллекции; добыл; потратил несколько часов на ее обработку, изготовление тушки и описание. То, что я держу сейчас в руках, — как ни крути, частичка его жизни.

Потом несколько поколений музейных работников оберегали и сохраняли этот экземпляр, вложив уже свой труд в общую копилку. И все это хранят стеллажи музейных запасников, в благородной тишине оберегая бесценный клад (пardon уж за патетику). Я в этих запасниках иначе как полшепотом и разговаривать-то не могу, а не вымыв предварительно руки, до птиц и не дотрагиваюсь. И чихаю иногда от музейной пыли.

В сегодняшнем мире, задрюченном электронной изощренностью, каждая птичья тушка для меня не просто бесценный атрибут одной из самых древних и славных наук, она с каждым годом — все более значимый элемент целой культуры традиционных зоологических исследований. Дай Бог, чтобы и через сто лет эту тушку кто-нибудь уважительно вынул из коробки...

Вспомнил про музей и про коллекции, неожиданно наткнувшись на полке в ВИРе на случайно попавшую туда

очень старую публикацию по птицам Туркмении. Порой ведь трачу в Москве неделю, чтобы найти маленькую заметку, опубликованную много лет назад где-нибудь в провинции небольшим тиражом, но раз за разом ощущаю, что каждый описанный давным-давно факт приобретает особый вес уже одним тем, что он дошел до нас через десятилетия.

Все-таки Михеич, Мудрый Дед, прав, как сама земля; дай Бог ему здоровья...»

Занимаясь фаунистическими изысканиями в таком географическом районе, как Западный Копетдаг, вы соприкасаетесь с целой плеядой славных имен, внесших неоценимый вклад в изучение природы этого удивительного и прекрасного во всех отношениях уголка земли. Не хочу мимоходом перечислять фамилии: многие из этих людей достойны отдельного повествования.

Внося свою лепту в общее дело, вы проникаетесь духом приобщения к своему ремесленному цеху, ответственностью за продолжение начатого давно и не вами и учитесь еще больше ценить все то, что окружает вас в этих благословенных местах.

9

По прошествии тридцати дней и тридцати ночей, одолев большую часть пути, они достигли подножия высокой горы, у которой остановились на отдых...

— О безжалостные, — со стоном сказал человек, — чего вам от меня надобно? Дайте мне спокойно умереть.

(Хорасанская сказка)

Остановившись в четыре часа вечера, после целого дня тряски на дороге и длительного захода в примыкающее к Чандыру ущелье Еген-Ата (где мы застряли, пытаясь вытروпить медоеда), все, конечно, устали.

Я из машины так просто выпал: совсем скрутило. Перевалов заявил, что, как всякий уважающий себя водила, он сейчас ляжет спать. Кот, проспавший сзади полдороги, продрал

сонные глаза с покрасневшими ото сна на жаре белками и сказал, что он не водила, но спать будет продолжать, «...потому что П-в, гнида, не дал пива с собой купить...».

В результате мы все улеглись на расстеленной у машины кошке и предались сиесте: Кот продолжал спать, Перевалов уснул, а я лежал и подыхал. Через час, проклиная все на свете, я все же героически поднялся. Даже мучаясь медвежьей болезнью, я не мог лежать сложа ноги, упуская вечер наблюдений в столь долгожданном месте. Толкаю Кота, но он лишь сонно бурчит в ответ, что в гробу видал всех орнитологов вместе с их птичками...

Закидываю на плечо свой кажущийся еще более тяжелым старинный «чеховский» акушерский саквояж (удобнейшая конструкция) с фотоаппаратами; собираю волю в кулак, делаю глубокий вдох и толкаю себя по направлению к горе. Чувствуя животом, как шагомером, каждый шаг, медленно бреду, вытирая пот, к возвышающейся гораздо дальше, чем сначала казалось, невысокой скале Казан-Гау. На середине пути останавливаюсь, оглядываясь назад, и вижу, что сам Чандыр и наша машина на его берегу — в уже сгущающейся сумеречной тени, там, где стою я, — светло, а скальная стенка впереди аж сияет на еще ярком там солнце.

Подойдя к скалам поближе и выбрав камень поудобнее, приваливаюсь к нему спиной, усаживаясь с комфортом, доступным в моем жалком положении. Разламываю сорванный по пути оставшийся на ветке с осени дикий гранат — мелкий, но по вкусу не уступающий садовому; высасываю сок из зерен, наслаждаясь этим райским нектаром, и пожевываю горьковатую кожуру, уповая на ее вяжущие свойства.

10

— Подожди здесь, — сказал змей...
(Хорасанская сказка)

Это просто удивительно, как меняется мир вокруг для наблюдателя, присевшего вот так, незаметно, на камень в горах, или около выброшенного бревна на берегу океана, или на опушке среднерусского леса. Все вокруг словно открывается вам в невидимом ранее измерении. Одновременно с тем, как

вы сами становитесь неподвижны, многое вокруг приходит в движение. Это как смена картин во время театрального действия — декорации те же, но на первый план выходят уже другие действующие лица.

КАЗАН-ГАУ, ВЕЧЕР

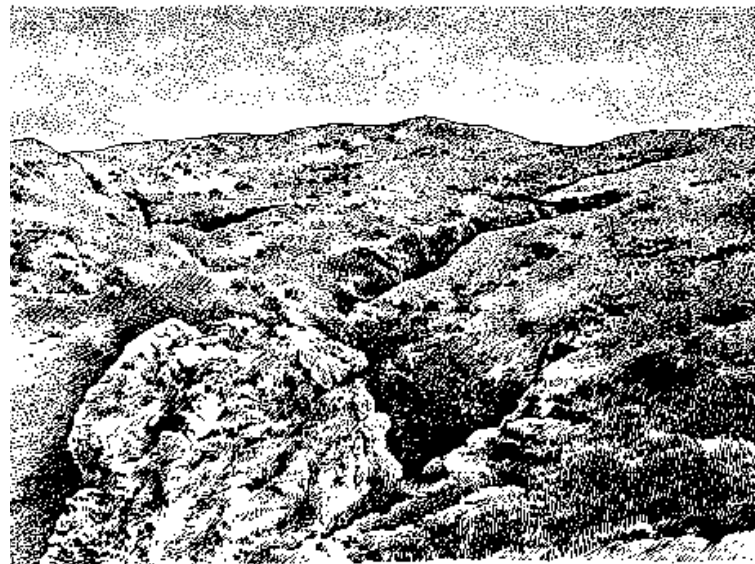
...А когда пыль улеглась, шахзаде увидел, что сад полон диковинных птиц...

(Хорасанская сказка)

«26 мая. ...По мере того как день подходит к концу, жизнь вокруг тоже меняет ритм. Кто-то еще активно продолжает дневные дела, пользуясь тем, что жара спадает; кто-то уже готовится к ночлегу; кто-то вот-вот начнет просыпаться в преддверии активной ночи.

В воздухе над горой видна пара пустележек, по-домашнему крутящихся около обрыва; этот мелкий сокол очень обычен здесь повсеместно.

В тихие, менее жаркие предвечерние часы вокруг еще много птичьего пения. От скал и каменистых осыпей раздается

залихватский разбойничий посвист большого скалистого поползня. Эта деловитая птичка, шустро снующая между скал и строящая удивительные (как из цемента) гнезда, напоминающие конусовидные бункера, постоянно поддерживает меня своим оптимизмом.

У самой вершины Казан-Гау, на приметном камне-присаде, распевает синий каменный дрозд. Он действительно синий, и его классическая мелодичная песня звучит просто роскошно, когда, взлетая на несколько метров, он замирает в воздухе на пару секунд почти по-жавороночьи, а потом с песней же спускается на прежнее место.

На опустыненных открытых склонах, ниже в долине, повсеместно слышны поющие самцы желчной овсянки — желтые, как лимоны, с морковно-красной головой; песня у них попроще и по эмоциональности не идет в сравнение с дроздиной; поют на кустах и на высокой траве, восседая недалеко от своих гнезд с голубоватыми, в бурую крапину, яйцами.

А вот это уже интереснее: от мелкощепнистой осыпи южных отрогов горы раздается очень необычная песня — звонкое жужжание короткопалого воробья. Через минуту со склона слышны уже три самца; распевают себе на камнях и жиденьких кустиках, вполне мирно соседствуя друг с другом. Являясь здесь самым невзрачным видом (маленький, серенький, без особых примет), он одновременно и один из самых интересных: встречается реже многих других воробьиных птиц, имеет очень небольшой ареал и изучен еще далеко не полно (кстати, и не воробей вовсе, а отдельный обособленный род).

Снизу, от деревьев у Чандыра, парадоксально напоминая Подмосковье или Тарусу, доносится пение южного соловья — он явно тяготеет к древесной растительности. Там же, на сухой верхушке дерева, пронзительно крича и трепеща в птичьей экстазе сине-зелеными крыльями, спариваются сизоворонки («сиворакушки» — как их Зарудный называет); так и надо — весна. Из-за склонов ближайших адыров доносится озабоченное квохтанье невидимых мне кекликов — разбираются там со своими куриными делами.

Вдоль горизонта на востоке, от Ирана в нашу сторону, перелетает, паря плавными кругами, как всегда невозмутимый, черный гриф (странно, конвекции-то уже почти нет). Вдоль склонов Казан-Гау в неторопливом охотничьем полете низко над скалами скользит бородач, неизменно привлекающий внимание своей редкостью и экзотической трансцендентной внешностью (под клювом у него действительно торчит мифистопельская борода из черных перьев). Особая птица, ох, особая; все в ней особое: весь облик, все поведение, то, что охотится активно на малой высоте; какой он, на фиг, гриф. Впервые вижу здесь экземпляр столь необычной для этих мест окраски: желтый низ и коричневатый верх тела окрашены у него соответственно в грязно-белый и темно-сизый.

В кусте держидерева в двух метрах от меня, почти над ухом, вдруг раздается возмущенный пронзительный стрекот: пара скотоцеров неожиданно обнаружила меня на своей территории. На этих маленьких длиннохвостых пустынных птиц, словно мыши хлопотливо снующих под ветвями, невозможно смотреть без умиления».

ЗМЕЕЯД

Вдруг увидели они огромную птицу, обессиленную от ран и истекающую кровью. И та птица заговорила с ними человеческим голосом...

(Хорасанская сказка)

«26 мая. ...Вдоль гряды холмов-адыров озабоченно пролетел куда-то змеяяд с заметно растрепанным оперением, — птица явно не в лучшей форме. Этому редкому хищнику, питающемуся почти исключительно змеями и ящерицами, в эту весну туго: сухой год, змей мало (многие из них ползают как жалкие скелеты, обтянутые кожей, — смотреть больно).

Наглядная и печальная иллюстрация всеобщей взаимосвязи всего вокруг: варварская рубка арчевых лесов на склонах и на плато, равно как и уникальных лесных зарослей в горных ущельях, привела к тому, что влага в почве не задерживается больше, как раньше, когда она сгладила бы засушливый эффект необычно ранней и сухой весны. Травянистые растения уже в мае выглядят выгоревшими, как обычно в сентябре, — нет пищи для грызунов. Нет грызунов — нечем питаться змеям. Нет змей — не хватает корма для нормального размножения этих хищных птиц. В глубокой депрессии оказываются все уровни жизни, а причина этому, как бывает все чаще, — венец творения, *Homo sapiens* — человек разумный.

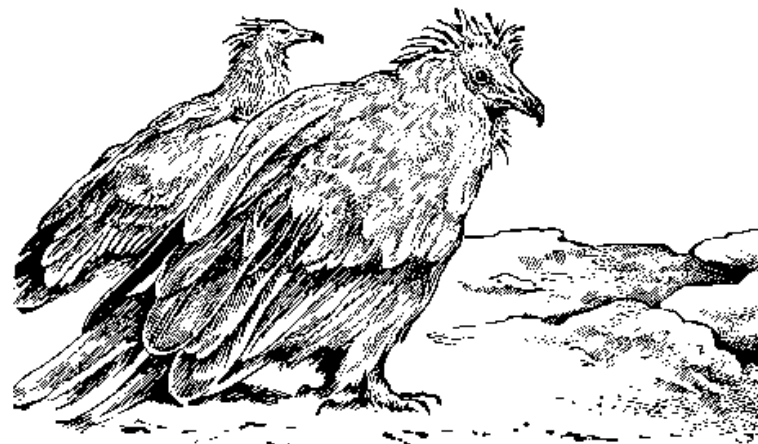
А ведь змеяед в Красной книге; редкий, во многом особый вид. В предшествующие сезоны я пару раз наблюдал змеяедов, летящих с наполовину проглоченной и наполовину свисающей из клюва змеей, — интересно.

А один раз туркмены принесли в заповедник молодого змеяеда, неизвестно как к ним попавшего, которого они пытались кормить хлебом. Он жил после этого у Ильи (одного из сотрудников заповедника), прозвавшего его за доставучесть «Вовиком» в честь своего сына от первой жены, который «тоже все время орал и действовал на нервы». Вовик съедал в день пятнадцать лягушек (по пять за три раза), самостоятельно вылавливая их из таза, зажимая когтистой лапой, расклеывая жертве затылок, а потом

глотаю ее целиком. С удовольствием также глотал и предложенных сердобольными соседями мышей и воробьев. А живя зимой дома, приходил погреться на кухню, садился недалеко от плиты, нахохливался, полуприкрыв глаза, и начинал, на удивление всем, тихонько бормотать и мурлыкать что-то себе под нос, как маленькая певчая птичка...»

В освещенной солнцем скале, которую я периодически просматриваю в бинокль, проходит вертикальная трещина, а в ее основании — большая ниша, занятая сейчас гнездом

стервятника. Это африканский вид, доходящий на север до Средней Азии. Сидящая на гнезде взрослая птица периодически поднимается и переступает внутри.

От долины Чандыра к гнезду летит второй родитель, неся в клюве (чаще хищники носят все в лапах) темный округлый предмет диаметром сантиметров пятнадцать. Очень похоже на черепаху (мелких черепах, как Зарудный пишет, стервятники глотают целиком), но рассмотреть наверняка, что же это такое, не удастся — вопрос навсегда остается без ответа.

ГНЕЗДО СТЕРВЯТНИКА

...Когда они подошли поближе и падишах разглядел их более тщательно, то пришел в великое изумление...

(Хорасанская сказка)

«31 мая. ...В автопробеге по нижнему Сумбару и Чандыру прошлой весной мы видели с Переваловым и Стасом много интересного. На одной из стоянок Перевалов ублажал техосмотром и без того безотказную Чекараку (свою машину, на которой мы путешествовали той весной); а мы со Стасиком, отправившись в радиал по округе, нашли среди невысоких белесых обрывов правобережья Чандыра гнездо стервятника.

В силу полной ненаселенности места оно было настолько легкодоступно, что это прямо настораживало: не верилось, что можно так вот, запросто, добраться до него и рассмотреть в руках все его содержимое.

Два разновозрастных птенца вдвое отличались по размеру: один с дрозда, второй с голубя; оба в белом пуху, совсем цыплята. Прочее содержимое гнезда было весьма необычно: два целых фазаньих яйца; остатки ящериц (агам и желтопузиков), змей (кобры и гюрзы), птиц (синий хвост сизоворонки и мягкие перья сыча) и целая, прекрасно сохранившаяся голова молодого камышового кота. Даже без стопроцентной уверенности в том, что эти жертвы были пойманы живыми (а видимо, так оно и было), такое меню наводило на мысль, что стервятник, среди родственников ему грифов Старого Света, питающихся преимущественно падалью, — вид очень особый. Удивляться этому не приходится: уж если они в Африке страусиные яйца камнями разбивают, это о многом говорит.

Само гнездо, кстати, было устроено на подобранном где-то птицами армейском ватнике с желтозвездными металлическими пуговицами. Цирк».

11

...На счастье, он вспомнил о пере, которое дала ему птица Рух. Он съел его, и в тот же миг птица Рух предстала перед ним.

(Хорасанская сказка)

...Чувствую, что глаза мои смеются от удовольствия, что лицо складывается в улыбку и что вид мой для постороннего наблюдателя... становится совсем глупым.

(Н. А. Зарудный, 1901)

Вспоминая это удивительное гнездо, я наблюдал стервятников, сидящих в расщелине и, как мне казалось, нежно смотрящих друг на друга, как вдруг...

Вдруг...

Вдруг!!

После недель, проведенных в Москве за анализом карт, трудно поверить, что это наяву, но я действительно вижу в воздухе у скал Казан-Гау пару...

Да-да.

Пару ястребиных орлов...

Не стоит недооценивать этого факта и этого момента. Я аж зубами скрипнул. Появившиеся в поле зрения фасциатусы произвели на меня впечатление разорвавшейся бомбы и манны небесной одновременно... И разлилось внутри желанное тепло: «Ведь я же знал!.. Знал!»

Постарайтесь понять ситуацию: с самого начала это была затея с практически нулевым шансом на успех. Во-первых, потому что речь идет о ястребином орле, редкость которого трудно переоценить. Во-вторых, потому что я вырвался в тот сезон из Москвы на три недели, которые позже, в силу обстоятельств, сократились до двух. В-третьих, — мой живот. При таком раскладе заключительная двухдневная поездка на Чандыр выглядела просто агонией...

И вот я сижу и вижу их. Причем вижу не случайно, а специально разыскивая и найдя; выбрав точку в огромном регионе и увидев их именно у этой скалы... Сначала самца в расцвете сил, великолепной насыщенной окраски, а потом и подлетевшую к нему самку. При этом орлы не просто ведут себя как дома — они держатся подчеркнуто по-хозяйски.

Самец активно демонстрирует, периодически взлетая «качелями» вверх, складывая в полете крылья и пикируя вниз, раз за разом повторяя демонстрационные ставки. Потом он усаживается на скалу на самом вершине и посматривает вокруг, величественно поворачивая голову. Самка, парящая поблизости с набитым после удачной охоты зобом, подсаживается к самцу, но быстро слетает вдоль стенки в противоположном от меня направлении. Самец неотступно следует за ней. Обе птицы взрослые, контрастной насыщенной окраски, но самец явно чуть старше; самка, как и положено, немного крупнее».

Подхватив саквояж и забыв про тяжкий недуг, я вприпрыжку несусь по камням на другое место, чтобы не потерять

птиц из виду. То, что я вижу, заставляет меня внутренне возликовать — гнездо! Свершилось!

Сам понимаю, что несолидно, но вынужден признаться, что на берегу у меня даже слезы брызнули коротко на какое-то мгновение: все-таки сильная встряска, плюс общее физическое состояние; совсем из-за этого живота нервы никуда...

И ведь это не просто встреча, что само по себе было бы удачей, а сознательно вычисленная гнездовая территория с гнездом! Обе птицы крутятся около него, самка при-

саживается на скалы в нескольких метрах от постройки из сухих веток, разглядеть которую полностью я снизу не могу. Надо лезть...

В иных обстоятельствах я никогда не пошел бы на штурм этого гнезда в лоб. Прежде всего — чтобы не беспокоить птиц. Но в данном случае такое беспардонное вторжение простиительно.

Я проверяю на себе аппаратуру, застегиваю все карманы и начинаю подъем наверх...

ПТИЧЬЕ МОЛОКО

Молоко птицы-пери пьянит и веселит, и всякий, отведавший его, тут же принимается плясать и лицедействовать. Однако же найти путь к той птице куда труднее, чем добраться до пустыни Хувайда...

(Хорасанская сказка)

«13 июля. Дорогой Васюша!

Ты любишь есть торт «Птичье молоко»? Любишь, любишь. А знаешь, почему он так называется? Потому что такое название — это символ чего-то несбыточного, невиданного, того, чего на самом деле не бывает. Люди ведь часто стремятся раздобыть или отыскать что-нибудь такое, чего нет на белом свете. Вот и придумали — «птичье молоко»:

ведь птицы своих птенцов молоком никогда не кормят. Кроме голубей. И вот я недавно видел, как одна очень красивая птичка — малая горлица (она действительно маленькая и живет здесь у меня в Туркмении в поселках вместо толстых московских голубей) кормила этим «молоком» своих птенцов. Самое интересное — это то, как ее дети выпрашивали себе поесть.

Уже подросших птенцов-попрошак было четверо, и они окружили свою маму на земле со всех сторон. Но просто так она их не кормила, а кормила только тогда, когда птенец делал специальный секретный жест (ты ведь уже знаешь, что в каждой семье есть свои маленькие секреты? Помнишь наш секретный звонок в дверь и наш условный свист?)

Птенец нагибает голову, вытягивает вперед шею, прижимается к маме боком, а потом накрывает ее раскрытым крылом и похлопывает ее этим крылом по спине. И только после этого мама открывает рот, птенец засовывает туда свою голодную головку и получает порцию этого голубиного «молочка», которое и не молоко вовсе и уж конечно же не торт, который ты так любишь и которого я уже давно не ел. Когда приеду домой, обязательно такой купим.

А пока давай там молодцом. Слушайся Маму Клару».

КАНАТИК НА КУРЯТНИКА

Услышав эти слова, птица Симуург затряслась от страха, а потом, расправив крылья и жалобно крича, воспарила ввысь.

(Хорасанская сказка)

«24 июля. ...Отчетливо помню солнечное летнее утро в Едимново на Волге, когда, проснувшись, я в очередной раз вскакиваю и сразу спешу на заднее крыльцо дома, как на работу. Мне семь лет, но у меня уже неделю важное и ответственное дело: я плету *канатик*, чтобы поймать *куратника*.

(Тем давнишним летним деревенским утром я еще не знаю ничего про свою будущую орнитологию, равно как и того, что мой заветный *куратник* — это никакой не курятник, а канюк (*Buteo buteo*), который кур-то и не ест, а питается мышами. И я который день подряд одержим разработкой плана поимки

загадочного курятника, одного из тех, которых вижу парящими над полями ближе к лесу за деревней.)

Во-первых, курятник — это очень большая и сильная птица. Я, собственно, никогда не держал его в руках и даже не видел близко, но понимаю, что он — большой и сильный. А как же иначе? Ведь летают они в вышине, на огромной высоте и все равно видны аж до полосок на крыльях, когда сквозь них солнце просвечивает. Конечно, они огромные. А раз так, то и сильные. Потому что все *орлы* сильные.

Поэтому поймать курятника — дело сложное. Но я уже придумал как. Я посажу в поле *приманку* — курицу, привязанную к колышку, разложу вокруг нее большую петлю, замаскирую ее травой; протяну от петли *канатик*, его тоже замаскирую травой; выкопаю неподалеку на поле яму, сяду в нее, тоже замаскируюсь травой и буду сидеть в *засаде*, держать в руке *канатик* и ждать-наблюдать, когда курятник кинется сверху на приманку. И вот, когда он вцепится в курицу, я дерну за *канатик* и быстро затяну петлю на хищных лапах и наконец смогу потрогать руками пестрые перья на сильных *орлиных* крыльях...

В общем, любому понятно, что канатик во всем этом — самая важная деталь: не выдержи он, разорвись, и ничего не получится. Поэтому я и плету канатик уже три дня, но работы у меня впереди — на месяц, а то и на два; может, и не успею за это лето до возвращения домой в Балашиху; тогда следующим летом доплету, а курятники здесь и следующим летом летать будут, и через сто лет, и, наверное, даже через тысячу...

Но торопиться с таким важным делом мне нельзя. Я и не тороплюсь. Я плету так, как настоящий *исследователь* все делает для настоящей *экспедиции*. Мой канатик, когда будет готов, выдержит и двух орлов сразу. А знаете почему? Потому что я плету его из самого прочного материала, какой сейчас только могут сделать у нас в стране!

Ни у кого в деревне такого материала нет и быть не может, потому что самое прочное и лучшее у нас в стране — это то, что делают для космических ракет. Вы спросите, откуда в Едимново то, что делают для ракет? А у меня есть! Потому что Папа только что приехал из Казахстана, где он был в командировке в специальном месте *Байконур*. Это то самое место, откуда герой Юрий Гагарин полетел в космос. Это *космодром*.

Так вот, когда космический корабль возвращается на землю, он уже не ракета, этот корабль, а круглый шар, который спускается вниз на огромном парашюте. И этот парашют прикреплен к этому самому шару, в котором сидит космонавт, специальными ремнями — *стропами*. И вот как раз такие стропы Папа и привез из Байконура!

Никто из взрослых стропами этими не интересуется. Они все удивляются другому, что Папа тоже привез оттуда же, — простой бутылке с коричневой головкой из *сургуча*. Сургуч, если вы не знаете, — это то самое, что стоит на почте в горячей банке с подогревом снизу и на что потом ставят штемпель, когда посылку запечатывают. Он еще, когда застынет, отламывается от бумаги крошащейся корочкой, если пальцем подковырнуть. А здесь он на бутылке почему-то. Необычно. И про саму бутылку говорят, что она необыкновенная: «Питьевой спирт».

(Я думаю про все это, когда стою за домом в густой и росистой утренней тени и, ежась от задержавшейся здесь с ночи прохлады, еще даже неумытый, плету канатик, перебирая нити и завязывая их мудреным узлом в рельефную сверхкрепкую веревочку.)

Из-за этой бутылки собрались все братья к Папе в гости, уселись за столом, словно праздник у них какой; говорят Папе: «Ну-у, Шура, удивил ты нас всех! Это ведь надо же, в деревне гвоздей не достать, а *для космоса все у нас есть!*...»

А Папа так торжественно сургуч с бутылки обколотил аккуратно ножом, открыл ее. Мужики сразу все: мол, дай понюхать! Дай понюхать! Передают бутылку вокруг стола, нюхают по очереди, кто-то аж зажмурился («Крепчак!»), кто-то наоборот, мол, надо же, и не пахнет ничем, наверное, *сверхчистый!* Давай, Шура, разливай *по ножичку!*

Все рюмки составили вместе — разливает Папа. Никогда я такого не видел раньше: чтобы что-то в рюмки разливали так аккуратно, по лезвию наклоненного ножа. Налили, разобрали, подняли, приготовились пить, сидят все молча и торжественно. И решили выпить «За космос!», потому что космос — это лучшее, что есть в нашей стране, и самое главное (я, подсматривающий за происходящим из соседней комнаты, тоже с этим согласен).

И вот выпили они все и сидят молчат, никто ничего не говорит, держат стопки на весу. И вдруг Валюшка Папе:

— Шур, а ведь это вода...

Дальше я не понял ничего, кроме того, что в бутылку эту какие-то жулики воды налили зачем-то. А за столом все сидят ошарашенные.

Папа сначала очень расстроился, а потом все решили «махнуть рукой», открыли другие бутылки, простые, из нашего деревенского магазина, а потом смеялись весь вечер, рассказывая друг другу за столом одно и то же («А Шурка-то! По ножичку, по ножичку!.. Ха-ха! А мы-то!.. Ха-ха-ха!»)

Стропы для космоса сделаны из самых крепких *капроновых* ниток. На одной такой нитке можно огромного сома вытащить. Папа рассказывал, что он видел такое на озере Балхаш (название похоже на Балашиху, правда? «Балашиха» — «Балхаш». Но это совсем другое название, и место совсем другое, это тоже в Казахстане, недалеко от космодрома Байконур).

Вот из таких очень крепких ниток я и плету канатик, чтобы ловить курятника. Но чтобы эти нитки получить, надо сначала распустить стропу, что не очень трудно, если сумеешь начать; потом мотаешь себе и мотаешь, накручиваешь нитку на клубок, а эта нитка выходит из стропы легко, как по маслу.

Вот из этих ниток я и плету потом канатик специальным *морским захватом*. Это меня Миша научил — Валюшкин брат, он служил на флоте. Этот захват одним движением перехватывает сразу три нитки и сплетает их красивым узором; но это не для красоты, а чтобы получился особо крепкий канатик, который я и плету уже четвертый день и еще долго плести буду, потому что за три дня получилось у меня от силы метра полтора; хотя ниток ушло — тьма. Зато будет очень крепко и курятник ни за что не вырвется.

А курятником он называется потому, что таскает кур. Так Славка говорит. Вообще-то он не Славка, а «дядя Слава», но его все взрослые зовут «Славка», поэтому и я его про себя тоже «Славка» называю, хотя и обращаюсь к нему «дядя Слава». У него большой чуб и синие глаза как у поэта Есенина (я видел в книжке на картинке голову поэта Есенина).

Так вот, Славка говорит, что сам видел, как курятник утащил от дома курицу. Налетел, подхватил ее когтями и унес...

Я представляю, как это могло бы выглядеть: огромный хищный курятник пикирует с неба и хватает курицу... И правильно делает. А как же иначе? Ведь он — дикий хищник!

У него даже цвет хищный. Курятник не гладкий, как домашние куры или гуси или даже как некоторые дикие, но не хищные птицы, — он пестрый. Это очень особая пестрота у него, по ней сразу чувствуется, что курятник — хищник. Перо как найдешь на поле, сразу понятно, что это перо от курятника, и сразу видна в нем небывалая сила и хищность.

Вот доплету канатик до нужной длины, подсторожу курятника на приманку и поймаю его, чтобы поддержать в руках...

А потом отпущу, и он снова полетит высоко-высоко...»

ВАЛЕНТИН

...Сам же достал бумагу и написал шаху дивов письмо, в коем уведомлял о своем благополучном прибытии на землю людей...

(Хорасанская сказка)

«14 мая. Дорогой Валентин!

Первым делом поздравляю тебя с юбилеем! Здоровья, счастья, чтобы дела удавались и чтобы люди вокруг были хорошие! Шестьдесят — отличный возраст. Особенно когда ручки еще железные... Небось потешаешься сейчас, вспоминая себя тридцатилетнего? То-то.

Уверен, что ты немало удивлен моим письмом. Удивлен, удивлен, чего уж там. В жизни тебе не писал, а тут вот, пожалуйста.

Я ведь сейчас в Туркестане. Гоняю по пустыне своих воровьев. Счастлив этим безмерно. Может, потому, что я сейчас далеко, показалось особенно важным высказать тебе нахлынувшие на меня вдруг, ни с того ни с сего, воспоминания.

То есть и не очень-то вдруг. Потому как про Волгу, про Едимново и про все там происходившее постоянно думаю. А вот что действительно *вдруг*, так это то, что сегодня утром проснулся не в пять тридцать, как всегда, а на час раньше; подскочил от неудержимой потребности (как от вспышки какой-то в голове), не откладывая, сесть и написать тебе.

И еще мне очень важно стало вместе с поздравлениями поблагодарить тебя сейчас за внимание и терпение, которые

ты мне уделил в те, уже далекие, солнечные и теплые времена. Извиняй за сантименты, но это важно. Так что не будем откладывать: Поздравляю и Спасибо!

Теперь по порядку. Во-первых, мы с тобой виделись после моего детства три раза. Первый — в августе семьдесят второго, когда мы приехали в Едимново с Маркычем. Это было как раз то лето, когда горело все, дым везде, все леса для отдыхающих закрыты были. Слайды у меня есть: в полдень — как сумерки вечером. Ты помнишь, еще ветер был такой, что свалил ночью Вышку.

Елки-палки, вот бывает ведь. Все мое детство прошло под знаком того, что «на Вышку можно будет залезть, когда вырастешь». Приехав тогда, первое, что сделали, — влезли на нее. Оказавшуюся на самом деле обычной триангуляционной вышкой (она к тому времени почти вся прогнила — время), но все же не потерявшую для меня притягательности и оставшуюся на всю жизнь загадочной *Вышкой До Неба*.

А когда ночевали на острове, начался ураган с грозой. Сам знаешь, какие грозы в Едимново: молнии шатром одновременно со всех сторон. Встаем утром — Вышки нет! Рухнула от ветра в ту ночь после того, как я влез на нее в свои семнадцать лет, реализовав заветную детскую мечту, хранимую больше полжизни. Дождалась. Дала возможность почувствовать вкус достигнутого; дала понять, как это важно — *успеть*.

Потом мы виделись с тобой через полгода, когда в январе семьдесят третьего мы приехали с Митяем на зимнюю охоту. Помнишь его? Рожа у него такая веселая и светлые волосы торчат во все стороны, как солома. Мы тогда останавливались у тебя, а потом ушли дальше, к егерям на Завидовский кордон.

Последний раз мы виделись еще через восемнадцать лет, когда после стольких рассказов про Едимново я впервые привез туда (на один день!..) Лизу с Васькой. Доехали до Мелково, оставили машину для присмотра во дворе крайнего домика у какой-то бабушки и уселись на берег дожидаться — авось кто перевезет.

Васька такой воды еще не видел, ему Московское море и вправду как море, ковыряется в песке, лазает по мосткам с прилипшей на досках рыбьей чешуей, а у меня дрожит все внутри от каждого крика пролетающей крачки, от сознания

того, что я снова здесь. Сидим ждем, порядков новых не знаю, есть ли сейчас перевоз на тот берег, как раньше, или нет.

Лодка пришла с вашей стороны, из нее высадился мужик в очках, а девочка-подросток (рулевым на моторе) и женщина-бабушка остались в лодке, провожали мужчину. Потом женщина отошла к домам, а я подошел к девчонке — не перевезут ли. Она ответила, что надо у бабушки спросить. Женщина скоро вернулась, и я сразу ее узнал. Это оказалась Валя Караванова — Валеркина бабушка. Вот ведь! Тридцать лет прошло, а я узнал! А она смотрит на меня пристально так, по-деревенски строго.

— Полозов?

— Да, но как же вы меня узнали? Я-то вас сразу узнал, запомнил с детства, вы и не изменились совсем. Вы ведь Валя Караванова, Валеркина бабушка, так?

— Мама, а не бабушка... Бабушка... Бабушка уж двадцать лет, как на кладбище. Это ведь мы Валерку и привезли. А это — его дочь. Эх ты, Полозов...

Валеркина дочь смотрела на меня поверх своего обветренного носа с отстраненным умеренным интересом, как подростки смотрят на что-то диковинное и тем достойное внимания, но при этом не относящееся непосредственно к их реальной действительности.

Ё-моё... Я настолько погрузился в свои детские ощущения, что всамделишное появление передо мной этого узнаваемого женского лица, перенесшегося прямо из детства, вытеснило из моего сознания чувство реальности и прошедшие тридцать лет.

У меня от стыда аж такт сердца проскочил, екнуло.

— О, Господи, ну конечно. Извините. Забыл я про время, отвлекся...

Тебе смешно, поди, это читать?

Интервалы по пятнадцать лет.

Вспоминаю посреди здешних гор и пустынь Едимново без ностальгии, умиротворенно, с удовлетворением от того, что *все было, как надо*. Как можно вспоминать лишь безоговорочно счастливое из детства, те особые моменты, которые предопределили впоследствии многое важное, может быть — главное. Без Едимново я бы биологом не стал, это факт. И свою роль в этом сыграл ты. Сам-то ты конечно же ничего этого не помнишь, но я запечатлел некоторые моменты своим детским восприятием крепко-накрепко.

Первый — когда я тебя месяц доставал бесконечными просьбами взять меня *на охоту*. Мне было лет пять-шесть, а ты уже несколько лет, как из армии вернулся тогда.

Короче, договорились в один из дней, что завтра идем. Еле уснул накануне от волнения. Утром Мама меня будит, а около кровати ты сидишь в черном флотском бушлате, привезенном со службы. Бушлат этот помню на уровне фактуры материи, царапин на желтых металлических пуговицах и особого *мужского* запаха (махра и еще что-то).

Вышли из дома и пошли мимо кладбища, у которого редкостный забор: приземистые деревянные столбы, а между ними по три круглые толстые жердины одна над другой с интервалом в полметра; шершавые, серые от солнца и ветров, теплые к вечеру. На них так удобно лазить, как специально сделаны — и размер удобный, и промежутки как раз — ни много, ни мало. И стоять, и сидеть на них хорошо, и даже лежать животом, глядя через силуэты крестов на медленный закат. А в зарослях сирени обломки старинных обелисков зарастают — черный мрамор с непонятными ятями, осколки каких-то заблудших заморских баронов. Я еще все думал про странные нерусские фамилии — кто такие? Чего ради это они вдруг к нам в Едимново?..

Потом выходим на поле, где Вышка стоит, а там нам какой-то мужик встретился (пас коров). Вы присели покурить, разговаривая о своем. Он еще спросил, кивнув на твою мелкашку, мол, чего это ты? А ты в ответ, что вот, мол, замучил пацан, веду его «на охоту».

Отчетливо помню, что уже в тот момент я понял, что все это — устроенная для меня игра, но поддаться этому пониманию, разочароваться, отказаться от «охоты с винтовкой» не было решительно никаких сил. Поэтому я не только виду не подал, что понимаю, а даже сам от себя оттолкнул подальше это понимание, отгородился от него рассматриванием затвора и потертого вороненого ствола, предчувствием столь особого — *стрельнем на охоте!*

Затвор-то с шариком на рукоятке, вроде как детская игрушка, а лежит в глубине настораживающе темнеющего вороненого замка, как змея под камнем: и не выпячивая себя, не на виду, но опасность свою сразу показывая; боязно, уважительно смотрится.

А на прикладе царапина глубокая; то есть царапин-то на нем не счесть, а вот одна особенно глубокая, чернеет рубцом

рядом с треугольной вмятиной от какого-то тупого жесткого предмета, наверное, от обуха топора.

Вы разговариваете, а я смотрю по сторонам, на лес, на Вышку, на стоящую рядом с ней Кривую Сосну (неплохо бы залезть, но сейчас некогда, ведь идем *на охоту с винтовкой*); еле сижу от нетерпения.

Как вы закурили, мы дальше, в низину, к лесу. Там еще амбар стоял на отшибе, где года через два под крышей Валерка с Толькой прятали махорку в зеленой железной банке из-под чая и курили тайком. А я, хоть и был членом стаи, и сидел с ними за компанию, нюхал этот сладковатый дым, но сам не курил (устой родительского воспитания были незыблемы). Один раз затянул, но панически испугался греха, удовольствия не доставило.

Потом прошли через темный осинник вглубь до первых *Кузнечих*. Кузнечихи эти до сих пор мое воображение теребят. Почему? Поляны как поляны. Специально в приезд семьдесят второго Маркыча на них водил, убедиться, что все на месте. И не такими огромными они оказались на самом деле. А вот загадочность подтвердилась. Наверное, это из-за названия. Как в детстве был уверен, так и сейчас согласен с тем, что название это — от сумасшедшего, ничем не заглушаемого стрекота кузнечиков в полуденном летнем зное.

Словно случилось у этих кузнечиков что-то особое, что-то настолько важное, что уже и не до обычных насекомых забот, а лишь стрекочи, стрекочи изо всех сил на восторженно-эйфорическом надрыве. А на следующий день опять так же. Я еще удивлялся: если каждый день у них что-то такое важное, почему же они не привыкнут никак к этому, все кричат и кричат на этих полянах. Среди дрожащего над травой воздуха; среди разноцветия летних трав; среди моей непреодолимой усталости после утреннего похода за грибами или ягодами, когда бредешь по жаре в нелепых к полудню сапогах, еле волоча ноги, обвешанный снятой теплой одеждой, мечтая дотащить до дома, сбросить все и, приплясывая от нетерпенья («Мам! Ну скорей!»), броситься босиком по теплой тропинке к берегу, сорвав по пути в огороде шершавый огурец (а у калитки, после грядок, где высокий бурьян вдоль забора и тень от него, тропинка еще холодная, влажная от утренней росы, босые ноги этому каждый раз удивляются)... Отвлекаюсь.

Так вот, подходим с тобой к Кузнечихам, а там у опушки здоровая осина повалена. Ты говоришь: «Во, осина, значит, зайцы должны быть рядом, они ведь осиную кору больше всего любят, смотри внимательно... Точно, вон заяц сидит, видишь? На, стреляй, Серега!»

Я, естественно, ничего не вижу, но говорю, мол, вижу, вижу, давай! Ты мне заряжаешь мелкашку, кладешь ее себе на колено, говоришь, мол, целься внимательно, *под яблочко* и удержи дыхание. А какое уж там дыхание, если я, как до приклада дотронулся щекой, так и не дышу уже давно. Цельюсь изо всех сил, высматривая место, которое больше всего подходит для зайца, как если бы он и вправду там сидел...

Потом этот хлесткий звук мелкашечного выстрела. Потом ты с сожалением: «Эх, промазал ты, Серега, ускакал заяц-то! А может, и не ускакал? Ну-ка, давай, еще разок пальни». Я весь дрожу, трясет меня, дышать начал после выстрела, давай, говорю, давай, не убежал он, вон сидит под ветками... И опять нахлыст выстрела. А ты: «Теперь-то уж он точно убежал! Ну да ничего, не расстраивайся, в следующий раз повезет...»

Посидели еще, посмотрели на темную лесную глушь за поляной и молча идем назад, ты — думая о чем-то своем, я — потрясенный и гадая, должно мне быть неловко от того, что все это было игрой, или нет ...

Второй запомнившийся момент — это когда мы плавали на острова и набрали там (во, дураки-то) полную лодку птенцов крачек (тогда думали — чаек), штук сорок. Солнце яркое, лилии на воде тысячами промеж островов, пестрые мягкие птенцы жмутся под их гладкие тяжелые листья, а все вокруг наполнено пронзительно-истошными криками взрослых птиц, пикирующих на нас. Потом подплыли назад к деревенскому берегу и стали этих птенцов по одному выпускать, а они все друг за другом прямым ходом назад к острову, как пушистые кораблики.

И как раз Красолым на берегу, вышел к лодкам с веслами на плече. Датый, как всегда, водянистые глаза слезятся под красными веками, но при должности: взгляд строгий, зеленая фуражка с кокардой, в диковинных *японских* высоких сапогах (богатый столичный охотник подарил) и с ножом на поясе.

Я этот нож уже года три каждое лето издали рассматривал. Рукоятка костяная, потерянная на коричневых волнистых

изгибах, белеет обточкой у железного набалдашника. А кожаные ножны пристегнуты карабином к кольцу на поясе, клацают, качаясь, при ходьбе.

Я тогда еще подумал, не миновать нам за птенцов егерской расправы, но вы о чем-то совсем другом перемолвились, и все, а нас, пацанов, он и не замечал.

Кстати, как там Красолым и что? Я ведь видел его мельком в последний свой приезд. Поразило, что смотрелся он тридцать лет спустя с того солнечного утра на берегу уже не великаном, у которого сначала высоко вверх поднимались редкостные *сапоги*, потом висел на поясе *нож*, и уже где-то совсем в поднебесье сверкала на фуражке *кокарда*, а выглядел суховатым стариком, в меру усталым, в меру пропитым, спокойно смотревшим на меня из окна, явно узнав и словно говоря со скрытой усмешкой: «Вот так, Серега...» Помер уже, поди?

Третий раз — когда ты брал меня с собой на покосы. Телега жестко качается на неровной лесной дороге; гордо держу затертые руками вожжи; перед глазами — широкий лошадиный зад со светло-рыжим хвостом; по сторонам — куртины высокой калины с просвечивающими насквозь алыми бесполезными гроздьями (это не рябина, которую можно раскусить, зажмурившись от желанно-страшной горечи, или кидать горстями жесткой картечью в визжащих девчонок); коса; запах скошенного дудника, и я плююсь бузиной через его пахучие трубки, пока ты косишь.

А на обратном пути: копна сена на телеге (стягивающую ее заскорузлую брезентовую стропу ладонью до сих пор помню на ощупь); сижу высоко; качает, боюсь упасть.

Видишь, как бывает: для взрослого — незаметная мелочь, обычный день, даже часть дня, для ребенка — важное на всю жизнь. Вот так.

Ну, ладно, Валентин, заканчиваю. И так получилось длинно. Утешаюсь тем, что это первый раз, когда я тебе пишу, причем пишу издали, поэтому надеюсь, что и тебе будет отрядно вспомнить те времена.

И уговор, что, как вернусь домой, приеду к тебе в гости. Расскажу тебе про мои здешние пустынные дела и узнаю про твои. Я ведь слышал, тебя окрестный народ единогласно депутатом потребовал, а старушки, как и в былые времена, молятся там на тебя.

Да и просто так хочу посидеть с тобой, посмотреть на нас нынешних в продолжение нас тех — из моего детства и твоей юности. Все.

Еще раз с юбилеем тебя!

Желаю здоровья и счастья! Увидимся.

Твой *Сергея*».

Это письмо я не отправил. Чувствуя его важность и особенность, решил передать для надежности с оказией, полагая, что время у меня до Валюшкиного дня рождения еще есть. Но оказия отложилась, а приехав в Москву в июне, я узнал, что день рождения у него не шестнадцатого июня, как я думал, а шестнадцатого мая. И что он неожиданно умер за два дня до своего шестидесятилетия, что совпало (секунда в секунду?) с тем мгновением, когда я неожиданно проснулся раньше обычного со столь отчетливой потребностью немедленно ему написать...

«P.S.

Дорогой Валентин!

Прости, что не успел поблагодарить тебя в этой жизни. А если позже увидимся, извинения, наверное, и не понадобятся. Просто вспомним, как все это с нами было. Присядем на солнечном волжском берегу на край лодки, опустив ноги в мелкую воду и баламутя песок на дне пальцами. И вот тогда я и поблагодарю тебя за то, что ты был мне хорошим человеком... А ты скажешь, бросив окурочку в воду и отгаликивая лодку от берега: «Да перестань ты, Сереж... Поехали!»

12

...И ум мой улетучился, и, презрев весь свет, я устремился к...

(Хорасанская сказка)

Наверное, было бы поучительно рассказать про этот час моего подъема к гнезду во всех деталях. Но я, пожалуй, опущу большинство из них. Признаюсь лишь, что сейчас, по прошествии многих лет, я отчетливо понимаю, что переживаемый кураж просто зашкалил меня тогда полностью. Потому что в трезвом уме я бы, конечно, осмотрелся повнимательнее, а на ту

скалу вообще бы не полез. Тем более в столь плачевной физической форме, да еще со всей аппаратурой, да еще и вечером.

Как бы то ни было, скажу лишь, что чуть выше середины подъема я нашел себя в очень непривлекательном положении: застрявшим на крутом скальном обрыве таким образом, что вернуться уже пройденным путем было невозможно, а дороги вперед тоже не было: я стоял, распластавшись вдоль плавной округлости скалы, которая оказалась более выпуклой, чем я предполагал, и почти нависала над карнизом, по которому я лез.

«КУТАРДЫ»

...я закинул на стену веревочную лестницу, поднялся по ней вверх и очутился в покоях шахской дочери...

(Хорасанская сказка)

«26 мая. ...Прижимаясь всем телом и щекой к прогретым за день камням и проклиная трудовые будни орнитолога, я понял, что застрял капитально и звать на помощь некого. Как говорят в Туркмении, «кутарды»... Отчетливо запомнилась муха, валяжно подсевшая на камень в полуметре от моего прижатого к скале носа и, казалось, злорадно-торжествующе потирающая лапки («Влип, очкарик?»), посматривая своими переливчатыми глазами на меня — такого большого, но такого бестолкового и беспомощного.

Кое-как стащив через голову лямку саквояжа, я раскачал его в воздухе и закинул за скалу на куст боярышника, где он удачно застрял. После этого я сам, как прыгающий паук (есть такие — прыгают на добычу, оттолкнувшись всеми ногами одновременно), сиганул на тот же куст, вцепившись в него чуть ли не зубами. Все закончилось благополучно. Покорячившись некоторое время, как червяк на крючке, подобрав саквояж и передвинувшись на безопасное место, я мужественно выгасил колючку из-под ногтя, залил ссадины на руках всегда дисциплинированно носимым с собой йодом и полез дальше, добравшись-таки до точки, откуда гнездо было видно как на ладони.

Оно было пустым. Даже не обжитым. Неизвестно чье старое гнездо с прошлого года, которое и не обновлялось никем в этот засушливый сезон...»

О неразумный юноша! Оставь свои надежды и не терзай себя понапрасну. Стань ты даже ветром, тебе все равно не удастся коснуться моих следов...

(Хорасанская сказка)

Поднимаясь выше к уже близкой вершине, я думал о том, что везение, в конце концов, совсем не обязательный компонент моей жизни и работы и что случившееся куда правдоподобнее, чем могло бы быть, если бы я жилое гнездо так сразу вот и нашел. Поднявшись наконец наверх и переведя дух, я посмотрел вокруг с той точки, откуда распаивается обзор перед глазами сидящих здесь орлов.

Вид этот был великолепен. Заходящее солнце опустило контрастные тени на бескрайние опустыненные увалы-адыры. Чандыр местами поблескивал внизу, вплетаясь извилистой речной ленточкой в курчавые заросли прибрежных тугаев. Внушительные скалы противоположной части долины — на нейтральной полосе и уже на иранской территории, заманчиво чернели недоступными для меня, советского педагога, обрывами. Азиатское небо без единого облачка сочетало целую гамму цветов: от оранжевого и розо-

вого на западе до темно-синего на востоке. Картина была величественная и полностью окупала пережитый стресс, не компенсируя, однако, неизбежного разочарования тем, что гнездо я не нашел.

Хуже мне стало, когда я обернулся в противоположную сторону. От вершины горы, на которую я только что залез, чуть ли не рискуя жизнью, вниз шла даже не тропа, а почти дорога, испещренная множеством следов от овечьих, козьих и ослиных копыт и вполне подходящая если не для машины, то уж для мотоцикла с коляской...

ИШАКИ

...вьючные ишаки идут не особенно скорым аллюром...

(Н. А. Зарудный, 1900)

...Где уж ей разгадать хитрость осла! И она снова принялась благодарить осла за мудрый совет...

(Хорасанская сказка)

«29 сентября. Здрóво, Маркыч! Как оно?»

...Час за часом, день за днем, месяц за месяцем, вышагивая под стук шагомера по здешним горам и пустыне, я часто думаю о транспорте, который мог бы радикально изменить всю мою работу, да и всю мою здешнюю экспедиционную жизнь.

Вначале почти купил велосипед; потом брал старинный велик попользоваться; потом занимал напрокат мотоцикл. Голосуя на дороге попутным грузовикам или «Жигулям», думаю о джипах, на которых кто-то ездит по Африке...

А надо было просто с самого начала купить себе ишака. Заодно, может, и сам бы суетился поменьше. Едешь себе на ишаке, как аксакал, никуда не торопишься; жизни у тебя впереди — до бессмертия; «тук-тук» — маленькие копыта по камням. Да и собеседник он хороший — все выслушает и спорить не будет...

В этой части Копетдага, по-видимому, нет места, куда при желании нельзя было бы добраться на ишаке. Возможности этих животных поистине неограниченны. Это лучше

других понимают туркмены, которые, несмотря на все большее проникновение в здешнюю жизнь различной техники (вчера видел, как рабочие в ста метрах от иранской границы ставили бетонные столбы краном, сделанным на автокрановом у нас в Балашихе!), повсеместно держат ишаков для особых okazji и для специальной работы, выполнить которую подчас невозможно ни на лошади, ни на мотоцикле, ни на машине.

Осел ведь в общем-то маленький; когда сажусь, ноги почти до земли достают (это не огромный мощный мул, без которого бледнолицым, кстати, даже в приступе золотой лихорадки в жизни бы не пробиться через Сьерра-Неваду. И которого, опять же таки, без скромных прозаических ишаков не получить). Когда видишь, как этот ишачонка монотонно, но без усталости, час за часом, переставляет тонкие ножки, везя на спине огромную, втрое больше его самого, вязанку дров, понимаешь, что такого помощника надо уважать. Только ноги и уши торчат из-под поклажи, а он идет себе и не жалуется. Симпатичное животное.

Когда со мной сюда попадает новая группа студентов, я уже знаю, что последует за нашей первой встречей с ишаком — вся орава с восторгом начнет его гладить, и каждый обязательно потреплет его за уши. Такие уши надо поискать. Всем ушам уши. Замшевые и в то же время жесткие, мускулистые, поворачиваются туда-сюда.

В первый год своего пребывания в Туркмении я не мог равнодушно пройти мимо ишака. Бегенч, вировский шофер, периодически подвозивший меня по округе и знающий эту мою страсть, даже притормаживал порой, спрашивая: «Этого осела будешь фотографить?» Вновь и вновь поддаваясь обаянию этих скромных существ, я раз за разом «фотографил» их, тратя пленку, но не в силах устоять.

Тебе, компьютерный червь, небезынтересно и поучительно будет узнать вот что. Мужики из Ашхабада рассказали, что целая группа компьютерщиков разрабатывала специальную программу, определяющую по карте оптимальную траекторию движения по пересеченному рельефу. Бились, бились, сделали. А потом им кто-то и говорит: «Вам, ребята, что, делать нечего? Пустите ишака вперед, он и выберет лучшую дорогу». Они посмеялись, а потом, видать, засвербило: проверили — пустили ослика по участку

местности, с картой которого работали, и сравнили траекторию движения осла с расчетной. Как и следовало ожидать, компьютер проиграл.

И еще мне нравится, что характер у ослов хороший. Поговорка «Упрямый, как осел» используется людьми в искаженном смысле. Нет, осел не упрямый — у него просто сильный характер. Так что если он с чем-то не согласен, то это всерьез и спорить с ним в этой ситуации трудно. (Упорство в следовании однажды принятому решению — вообще особенность Востока.) Но в большинстве случаев ишаки вполне сговорчивы и очень терпеливы. А будучи ближе к диким животным, чем, например, лошади, они обладают еще и другими несомненными достоинствами. Например, смелостью. В той же Америке их вон держат вместо сторожевых собак для охраны скота от койотов. Бредет себе рядом с отарой — ишак ишаком, а при появлении опасности сразу — конь-огонь: голова поднята, ноздри раздуваются, уши прижаты — и галопом на врага.

И уж что невозможно описать словами, так это прелесть и обаяние маленьких ослят. Недельный ишачонок — это, несомненно, одно из чудес света. Как мне рассказывал на одной московской свадьбе оказавшийся рядом за столом преуспевающий депутат какого-то совета:

— Ты понимаешь, я как увидел этого ослика в Ашхабаде, так и понял, что улететь от него не могу. Не могу! А уж когда представил, что с дочерью будет, когда она увидит, решил: черт с ним, буду держать сначала на лоджии, а потом на даче. Навоз, конечно, выносить... Не поверишь, в самолет пронес!.. Завернул в пиджак и пронес через депутатский зал, он не брыкался совсем, сидел тихо-тихо... Но потом, правда, уже в самолете, выскочил и побежал по салону... Высадили. Не разрешили провезти...

Так-то вот. Сам отношусь к ишакам с уважением и тебе советую».

Тебя озарило солнце счастья, ты купаешься в лучах луны, твоя печаль обернулась радостью...

(Хорасанская сказка)

И все-таки мне в тот вечер повезло. Механически переставляя еще дрожащие от напряжения ноги вниз по торному пути, набитому тысячами овечьих копыт («клик-клик» — шаг-гомер), и думая про птиц, я вновь увидел их. Оставались последние минуты светлого времени здесь, наверху у скал, я ускорил шаг и, выбрав удобное место, вновь уселся наблюдать. Вот тут-то мне и воздалось за перенесенные страдания...

Обе птицы сместились к западной части скал, уселись на камни и по-домашнему занялись чисткой оперения. Было ясно, что на ночевку они останутся поблизости, никуда далеко не улетаю. Через несколько минут они взлетели, начав неторопливый облет территории, после чего летящая впереди самка спланировала на явно особое для нее место — далеко от вершины, под которой я сидел вместе с мухой час назад, на низком отроге подножия горы она плавно опустилась на верхушку небольшого инжира, а самец сел на камень в паре метров от нее.

Орлы вновь начали чиститься и потягиваться, расправляя мощные крылья, после чего вновь слетели, уже труднозамечные в густеющих сумерках, пролетели вдоль пологого склона и сели опять. Причем самка села на гнездо! На другое гнездо, о существовании которого я и не подозревал! Прекрасное новое гнездо, выглядящее вполне жилым и аккуратным!

Захватывая последние остатки света, я вновь, почти бегом, запыхиваясь и спотыкаясь на крупных камнях, понесся к этому месту, конечно же спугнув птиц, уже устроившихся на ночевку.

Гнездо это, в отличие от первого, располагалось очень удобно для обзора, будучи построенным на приземистом кусте, растущем в щели двенадцатиметрового обрыва в четырех метрах от его верхнего края. Я без труда заглянул сверху прямо в лоток гнезда. Оно тоже было пустым... И, судя по размерам и особенностям постройки (что я выяснил в деталях уже следующим утром), принадлежало вовсе не этому виду...

Надежды призрачные слаще утраченных...
(Хорасанская сказка)

К костру на стоянке я долго брел в полной темноте, никуда не торопясь, с трудом выбирая путь на каменистых склонах, прислушиваясь в ночной тишине к пульсу невозмутимого шагомера («клик-клик») и посматривая на великолепные беззвучные всполохи сильной далекой грозы высоко в горах на востоке. Мне представлялось, что молнии — это вспышки фотоаппарата, которым Бог фотографирует нас, самозабвенно усердствующих внизу в своих порывах и суете, часто путающих одно с другим...

Фантастикой было уже то, что в своих прогнозах, сделанных в московских библиотеках, я не ошибся и выбрал для наблюдений именно то место, где и увидел птиц. Я шел назад, понимая, что вся моя орлиная эпопея переходит с этого момента в новое качество и что теперь-то уж я на порядок ближе к цели: найден гнездовой участок, теперь найти гнездо — это дело времени и техники, если, конечно, орлы вообще гнездятся в эту засушливую весну. До возвращения в Москву сейчас уже не успеть (только если завтра повезет), а вот на следующий год я их обязательно найду.

Еще я думал о том, что Перевалов и Кот, пьющие сейчас чай в лагере, изначально относились к моему устремлению обнаружить фасциатуса во что бы то ни стало с вежливо скрываемым скептицизмом: уж больно маловероятным казалось удачно ткнуть на карте в точку среди пятнадцати тысяч квадратных километров. И вот я, поносник, несу им столь желанный результат, и мы сможем ему вместе порадоваться.

Я застал мужиков гордо варящими уху из наловленной в Чандыре маринки. Встретив меня вполне ожидаемыми армейскими комментариями на предмет моей подозреваемой преждевременной кончины от мучений животом, Перевалов поведал, что Кот в процессе рыбной ловли так увлекся, что свалился с берега в воду. Я ехидно заметил, что это нормально, так как все уважающие себя коты рыбу ловят лапами... Кот в ответ возразил, что виной всему я, не давший им купить с собой пива... Потом мы дважды опрокинули в темноте котелок с дефицитной водой («...конечно, без пива и ноги — крюки...»). Потом они вкусно ели уху, а я пил пустой чай и думал

про орлов. И уже потом, отдохнув от собственных переживаний, я рассказал им, что нашел... Нашел!

Мой рассказ произвел эффект, поверьте мне. Потому что они оба накрепко замолкли, когда я рассказал им об увиденном. И потом еще минут десять я описывал, как все происходило, в полной тишине, а они лишь курили «приму» из нашей общей пачки, глядя на костер и ничего не говоря...

...Уж коли есть на то воля Аллаха — придется ей покориться...

(Хорасанская сказка)

На следующий день мы с Котом ничего нового во всей округе не нашли. И даже не видели толком самих птиц на нашей территории — они лишь раз на огромной высоте залетели с иранской стороны и потом вновь скрылись там же, уже далеко за погранполосой, — над Ираном...

Вернувшись после обеда из маршрута, мы обнаружили на Чандыре катастрофический паводок. Скромная пересыхающая речушка, как бы подтверждая, что она — действительно великая азиатская река, не зря присутствующая на всех картах континента, превратилась в бешеный коричневый поток, бурлящий на полтора метра выше обычного уровня, — ночная гроза далеко в горах не прошла бесследно. Еще пятьдесят лет назад такого бы не произошло: леса на склонах гор и в ущельях, бездумно вырубленные за последние десятилетия, задержали бы выпавшую с дождем воду.

ВОДА И ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

...волею Аллаха одни существа призваны быть источником благополучия других...

(Хорасанская сказка)

«6 марта.

Привет, Чача!

...Весна пошла разворачиваться вовсю и повсеместно, но жизнь все же тяготеет к воде. Поэтому отправился сегодня на

Пархай — постоянный теплый сероводородный источник в предгорьях.

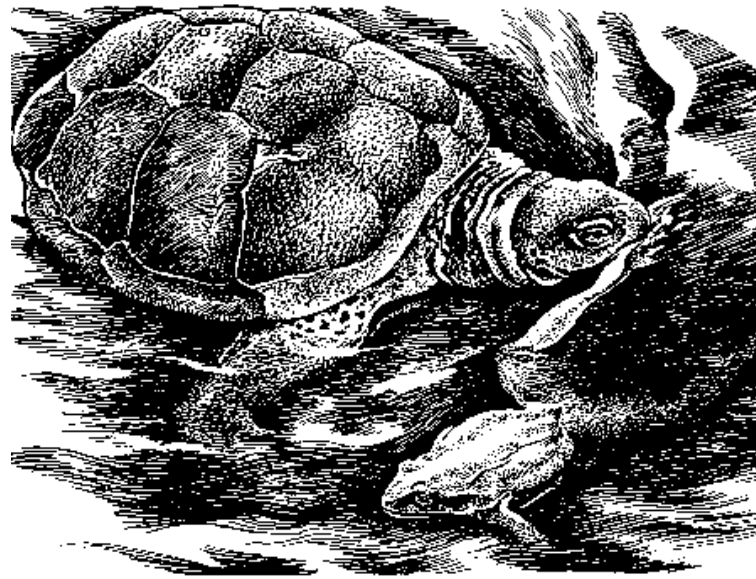
Появляются местные гнездящиеся птички, которых не было во время зимовки. Все фруктовое цветет сейчас полным цветом, пчелы жужжат, стрекозы летают, птицы надрываются; из тростников — жабы трели. Вода везде здесь — дефицит, а уж тем более вода постоянная, не иссякающая, как в большинстве мест, уже к маю. Вдоль арыка, на бортике, через каждые двадцать сантиметров сидят лягушки и поочередно булькают в воду по мере того, как я к ним подхожу.

Недавно здесь кроме старых купален построили два больших гаудана — здоровенных зацементированных бассейна со спускающимися в них железными лесенками. Один из них пустой и сухой, по нему ветер гоняет пыль, а во втором вода и полно лягушачьей братии, которая молча и испуганно восседает над водой на узеньких железных ступеньках. Некоторые лягушки опрометчиво плавают рядом с лесенками, неосмотрительно игнорируя притаившуюся на дне опасность.

Притаилась она в виде нескольких болотных черепах, облюбовавших вместе с лягушками этот не использующийся никем бассейн. Черепахи эти водные, прекрасно плавают и ныряют, проводя большую часть времени под водой и поднимаясь, лишь чтобы вдохнуть новую порцию воздуха, погреться на солнышке или для кормежки. В частности — для охоты за лягушками.

Плавают лягушатина на поверхности около восседающих в тесноте на лестнице выше уровня воды собратьев, изредка безумно квакает, в предчувствии уже подкатывающего весеннего восторга, и не видит, как со дна по направлению к ней начинает всплывать грязно-бурая плоская тарелка — черепаха. Шикарный пример поступательного эволюционного прогресса: рептилия жрет амфибию.

Всплывает эта тарелка зловеще и медленно, а приблизившись к лягушке, делает резкое движение головой и хватает своими безжалостными роговыми челюстями (твердыми, как плоскогубцы) беззаботно оттопыренную лягушачью лапу. Интересно, что жертва дергается лишь в самое первое мгновение, а потом уже, видимо в шоке, безвольной тушкой уходит вниз, увлекаемая вновь занырывающей черепахой, которая, опустившись на дно, начинает неторопливо, постепенно

перехватывая челюстями и придерживая добычу неуклюжими когтистыми лапами, поедать еще живую плоть.

Посмотришь на такое, вспомнишь, что в былые времена черепашки были размером с клумбу, — и сразу не так уж и тяжело от жаркого солнца и оттого, что ходишь на этой жаре по суше на двух ногах (вместо необходимости сидеть в воде, дожидаясь собственной гибели). Хотя это — иллюзорное утешение и самообман: в те времена на суше еще хуже было...

Ладно. Привет там Военному, Ленке и Эммочке».

ЗЕЛЕНАЯ ЖАБА СЕРОГО ЦВЕТА

...Подошел он к роднику и тут увидел самку и самца бутемар, кои вели между собой разговор...

(Хорасанская сказка)

«8 марта. Андрюня, приветствую!

Виноват, «Здравия желаю!». Как там у нас в генштабе, на внутреннем фронте? Без перемен? Сигнал к атаке по-прежнему — три зеленых свистка?

...Общался сегодня с твоими коллегами (погранцы подвезли). Маршрут утром решил начать от теплого источника на Пархае. Источник этот естественный. Течет из-под горы (точнее, скважина качает). Построены две купальни: забетонированные ванны шесть на шесть, полтора метра глубиной, окруженные невысокой кирпичной стеночкой. Посреди зимы такое — настоящая благодать.

Сегодня меня сюда подкинул на «газике» знакомый лейтенант-пограничник — только что из Уссурийска, после пограничилища; всего на год старше меня. У него мальчишеский светлый чуб, ясные детские глаза и румянец на щеках. Подобрали меня по дороге. Молодец лейтенант, поехал купаться, взял трех солдатиков с собой, еще не забурел: общается с подчиненными.

Приехав, мы тут же с воплями попрыгали сначала в одну купальню («М»), а как там намучили, — в другую («Ж»), которая тоже пустая. Раздолье.

Вода, говорят, целебная. Аксакалы периодически приезжают сюда на своих «Уралах» в тельпеках, с развевающими бородами и в трепещущих при езде пиджамных штанах. Раздеваются, залезают по плечи и мокнут с деловым сосредоточенным видом, лечатся. От чего помогает — неизвестно. Но помогает. И сероводородом несет отменно. Даже вроде нельзя в этой воде слишком долго сидеть (и ртути много, и еще чего-то). Дети летом как перекупаются, потом малость дуреют.

То да се, слово за слово, час с погранцами пробазарил, в маршрут отправился, уже когда они уехали и пыль улеглась.

Проходил по горам целый день, а потом уже спускаюсь с Сянт-Хасардагской гряды к долине Сумбара и вижу: в одном месте на покатых каменистых склонах — округлые ниши по метру в диаметре от выпавших конкреций, и в некоторых из них — вода. Эта вода — единственная стоячая вода на всю округу, в ней всегда особая жизнь — мимо не пройти.

Подхожу: в одной такой ванне — жгуты жабьей икры. В другой на дне сидит самец зеленой жабы (как его назвать: жаб? жабец? жабарь? жабель? жабак? жабник? одно слово — военный; «самчик», как Зарудный говорил). Окраска — как в учебнике: очень светлый, серо-бежевый — точно под пустынный фон; зеленые пятна лишь на задних лапах.

Смотришь на такое — одна лужица в округе, а он нашел ее и сидит, и поет в ней, и ждет самку, надеясь, что она услышит и придет; и сразу становится понятно, что жизнь во многих местах натянута как струна. К счастью, струна весьма крепкая. Воды ведь может и не быть в нужный сезон; или она может испариться быстрее, чем разовьются головастики; а без этого невозможно продолжение вида.

Куда как спокойнее спуститься на двести метров ниже в долину, где и воды в достатке, и самок больше; но, конечно, и желающих хватает; вон ведь из всех тростников вдоль теплого ручья у Пархая даже днем раздаются жабы трели (Как поют! Как поют!), ан нет..

Потому что жизнь даже у жаб — это не только максимально доступный комфорт с минимальными затратами, но и (выражаясь языком победителей соцсоревнований) преодоление новых рубежей: освоение нового ландшафта; приспособление к доселе неприемлемым условиям; решение ранее неразрешимых задач (в переносном, биологическом смысле слова). Что толкает на это? В традиционном понимании — конкуренция за ресурсы; перенаселенность в удобных для жизни местах; уязвимость молодых ухажеров, вытесняемых из оптимальных местообитаний более опытными матерыми самцами. А вдруг не только?

Ведь что примечательно: настрой этой жизненной струны в экстремальных для вида местах чаще всего пробуете кем? То-то. Молодежью, молодыми самцами! Потому как матерые самцы уже давно в удобных и спокойных местах, поближе к самкам; им не до подвигов, им популяцию поддерживать надо, продолжать свой жабий род... Выжимают, понимаешь ли, молодежь в стремные места, стимулируют на подвиги и свершения. А через это, глядишь, и весь вид получит шанс освоить или новую территорию, или новое время активности, или новую жратву, или еще чего новое... Так что вот оно, эволюционное предназначение нашей половозрастной категории; гордись, Военный!

Правда, есть и другая точка зрения: мол, если что не так, не удалось, если «карта не легла», то и не велика потеря — молодых дураков в расход не жалко...

Эх, надоела занудная микроэволюция, душа просит широкого и романтического антропоморфизма! Вот я и думаю: а вдруг во всем этом замешана не только экологическая конкуренция, но и пытливая природа молодого мужского начала? Как и у вас, у гусар? Жаль только, что большинству таких, которые с пытливым началом, приходится лямку тянуть в бесцветном мужском одиночестве...

С этого крамольно-несерьезного вопроса в моей голове начинается уже другая, абсолютно ненаучная дискуссия...

А ведь сегодня 8 Марта. Эх, как мы с пограничными горевали, что девок с нами нет... Поздравить некого...

Горячий привет трудящимся женщинам Востока! И Запада. Как странно, что я здесь, а не охочусь в семь утра за цветами на Курском вокзале.

Пока. Чаче привет, а Ленке и Эммочке передай там от меня запоздалые поздравления».

17

...Опечаленный, пошел он дальше и вскоре достиг берега реки...

(Хорасанская сказка)

Возвращаясь к лагерю, мы с Котом застали Перевалова сосредоточенно втыкающим прутики в мокрую грязь на противоположном берегу. Увидев нас, он довольно ослабил, растопорщив черные усы, — отмечал уровень уже начинающей спадать воды.

Соображая, как перебраться через стремнину, мы начали перекидывать Сереге вещи (Чандыр в этом месте течет в глубоком русле, но сам не шире четырех-пяти метров), чтобы уже потом перейти самим. Когда я перебрасывал сапог с засунутыми в него штанами, кто-то сказал что-то, вызвавшее у меня смех (типа того, что «...вот если бы пива купили, то ничего бы и не было...»), в результате чего я размахнулся неправильно и сапог мой, вместо того чтобы перелететь через бурлящий мутный поток, празднично взмыл свечкой высоко

вверх, замер в воздухе на долю секунды, а потом торжественно плюхнулся в волны и стремительно понесся вниз по течению. Кот аж присел, корчась от хохота, а Перевалов самоотверженно бросился за сапогом и поймал его («Спасибо, друг!»). В моем печальном положении оказаться без штанов, да еще и в одном сапоге...

Когда Серега вылез, мы увидели, что у кромки воды чуть выше по течению стоит разгуливающий на самовыпасе верблюд и с обычным верблюжьим высокомерием пренебрежительно рассматривает нас, суetyщихся около воды.

Не успел грубый Филиппов, уже открывший было рот, высказаться по этому поводу, как верблюд, наступив на мокрую глину, поскользнулся и, предсмертно заорав на всю округу пронзительно-трубным человеческим басом, рухнул в воду... Корабль пустыни поплыл!

Вот тут уж мы потешились (я даже забыл про свой живот), наблюдая, как он выкарабкивается из воды по скользкому берегу, а потом стремительной рысью несется на своих длинных ногах прочь от предательской реки в родную пыльную пустыню... Никогда в жизни раньше я не видел до смерти напуганного, истощно ревушего верблюда, барахтающегося в реке, и никогда больше не увижу, это уж точно.

18

— О благородный юноша! Какими судьбами попал ты в наши края?..

(Хорасанская сказка)

Прошел еще год, и следующей весной я пригласил с собой на Чандыр, все в то же место, нового человека — Романа Игнева.

Попав в заповедник сразу после окончания университета, этот колоритный юноша буквально рыл землю, вживаясь в полевую работу и в природу Копетдага.

Я рассказал ему все, что было у меня к тому моменту по ястребиному орлу, и решил втянуть его в свои поиски, свозив на гнездовую территорию той пары, что была найдена у Казан-Гау в прошлом году, показав фасциатусов и заразив юную душу обаянием этой птицы.

ЧАНДЫР

...Кто ты такой и что привело тебя в столь отдаленные края, куда испокон веков не ступала нога чужестранца?

(Хорасанская сказка)

«16 мая.

Дорогая Клара!

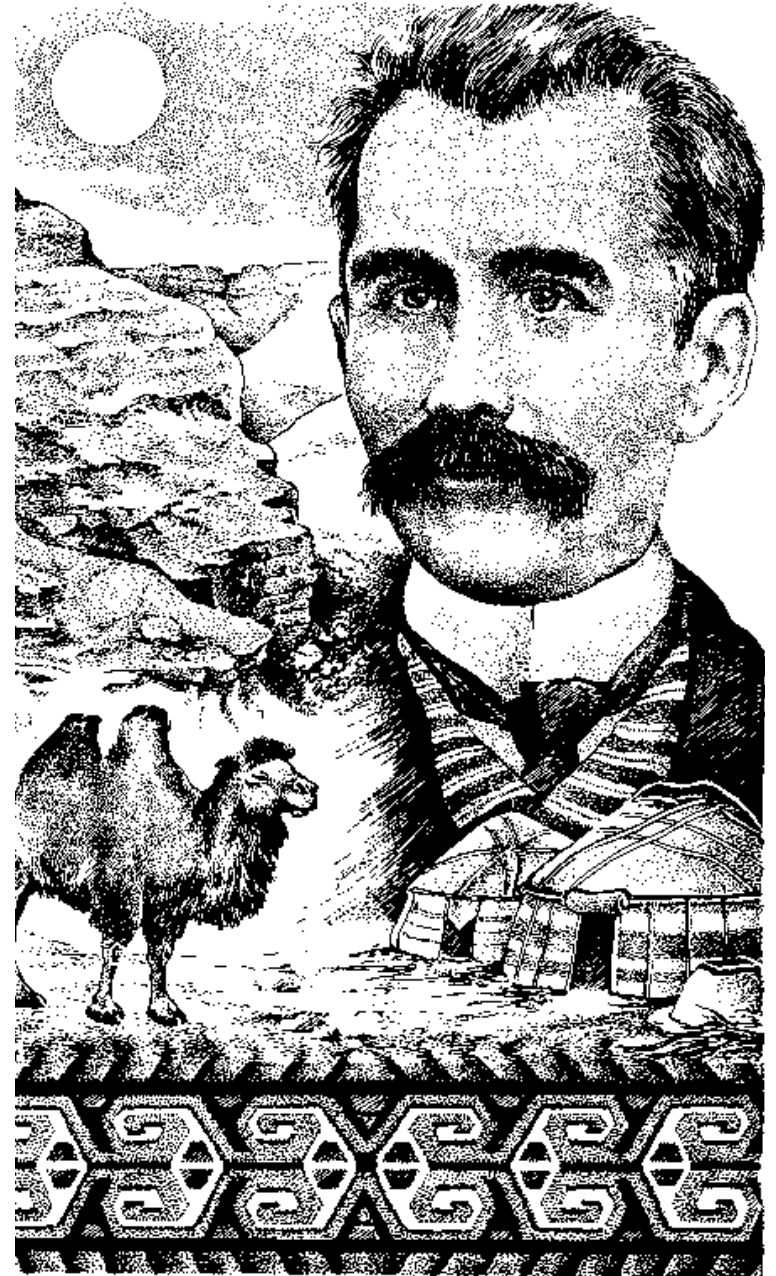
Сегодня, сейчас, пишу тебе в прекрасной обстановке. Сажу на спальнике в очень особом для себя месте — в паре километров от иранской границы, у подножия скалы со звучным названием Казан-Гау. Уже десять часов вечера, и пришлось включить фонарь. Пасмурно, с Ирана натягивает облачность. Сажу в футболке и в куртке: прохладно, дневные перегревы почти забыты (впрочем, сегодня и не было особенно жарко).

Надо все же найти побольше про Н. А. Зарудного, написавшего в 1896 году «Орнитологическую фауну Закаспийского края». Потрясающая личность. Он в одиночку прошел весь Копетдаг, исследовал, путешествуя с караванами верблюдов, значительную часть всей нашей Средней Азии; закаспийские провинции Ирана, Сеистан, Белуджистан; посвятил орнитологии и своим экспедициям всю жизнь. Собрал по птицам такое, что и при нынешних возможностях не всякий сделает. Уникальный человек, великолепный зоолог, особая судьба, умер загадочно.

Официально он ведь вообще ученым не был. Окончил учительскую семинарию (иду по его стопам), большую часть жизни работал преподавателем кадетского корпуса (здесь несовпадение: я преподаю скорее в институте для благородных девиц), еле сводя концы с концами (точная, можно сказать, аналогия), маясь казенной обстановкой (у меня, к счастью, совсем не так) и вырываясь в свои экспедиции лишь в свободное время и без какой-либо финансовой поддержки.

(Прошу не рассматривать самосравнения себя с ним как манию величия; просто у меня с этим историческим лицом все время что-то вроде внутреннего диалога с разрывом в столет: свои реплики мысленно произношу, а его возможную реакцию домысливаю.)

Лишь позже, прославившись своими изысканиями и многочисленными публикациями, он был поддержан Русским географическим обществом; А. П. Семенов-Тянь-Шанский им откровенно восхищался.

Но сейчас я думаю о том, сколько ночей Зарудный провел вот так, сидя у костра в жаре и в холоде. И без вот такого фонаря... Как писал о нем уже упомянутый знаменитый Семенов-Тянь-Шанский: «...не забуду и тех душных ночей, когда он, пренебрегая дневной усталостью, до утренней зари при свете убогого фонаря-коптилки препарировал добытых днем птиц, успевая в то же время ловить и прилетающих на свет огня насекомых, и деятельных только в эти часы гекконов и других ночных гадов и млекопитающих...»

Уму непостижимо. Для такого не просто увлеченным и двужильным надо быть, для такого надо иметь особо ядреное конджо. Ну, ладно.

На этот раз я в поле с Романом Игневым — новым молодым сотрудником заповедника. Он только что после университета, мечтает заниматься млекопитающими; буквально роет землю, приобщаясь к природе Копетдага.

Выезжали сегодня на Чандыр, как всегда в Туркмении: договорились с Рахманом на семь утра — выехали в десять. И то хлеб. Уж пора привыкнуть, но никак не могу; взял Рахмана за жабры:

— Во сколько мы договорились встречаться?

— В семь.

— А ты во сколько встал?

— В восемь. — Он смотрит на меня с обезоруживающим чистосердечным простодушием.

— Ну, ладно, встал в восемь, а почему приехал в десять?!

— А бэнзын?

— Что бензин?! Ты вчера заправиться не мог?

— Но ведь мы же сыгднэ едэм, а не вчыра... — Видя, что все у меня внутри кипит, он решает меня успокоить, заодно подведя итог несерьезному, на его взгляд, разговору: — Да не волнуйся ты, Сыргэй, доедем куда нада!

Мне становится смешно, потому что сердиться на Рахмана всерьез я не могу: у него тринадцать дочерей, а он с прежним упорством хочет сына. У меня (как ты знаешь) есть (от тебя) сын (Вася), поэтому Рахман безоговорочно и с нескрываемой завистью признает во мне старшего.

Когда мы впервые встретились несколько лет назад, меня поразило, что у такого молодого мужика, почти парня, было трое детей. Через пару сезонов их было уже шестеро. Дивясь такому делу, я спросил его тогда, мол, какие перспективы? Он

ответил: «Пака не будэт сына!» Так я год за годом и езжу в Кара-Калу, вновь и вновь встречая там неунывающего Рахмана, ошарашивающего меня своими достижениями на поприще демографии...

Всю дорогу я скакал из кабины (в которой ехал «как начальник») в кузов («как джентльмен»), когда нам по дороге голосовали молодые женщины-туркменки с детьми или почтенные ханумки с монистами, национальными бляхами на груди, подбиравшие многочисленные подола, вскарабкиваясь на высокую ступеньку кабины.

На Чандыре заехали показаться пограницам на заставу, недалеко от которой как раз и расположена заветная для меня Казан-Гау. Командир, молодой капитан, встретил нас очень доброжелательно, просмотрел документы; на мой прощальный вопрос — можно ли ткнуться к ним в случае чего, ответил, что — «Не положено, конечно, но какие разговоры...» — так что на всякий пожарный прикрытие есть.

Доехали до места, где стояли с Переваловым и Котом в прошлом году; воды в Чандыре полно (а следы спавшей воды — вдвое выше): дожди идут не переставая по всей округе, все дивятся этой необычно мокрой весне.

Сгрузились, отлили бензина для своей кухни (паяльной лампы) в надтреснутую трехлитровую банку; распрощались с Рахманом. Сняли штаны, надели рюкзаки и полезли вброд через Чандыр. В три часа свалили все барахло у того гнезда, которое в прошлом году было здесь новым, а сейчас совсем старое, неподновленное, расплзлось от дождей.

Сели поесть; попили гражданской еще (привезенной с собой) водички из моей фляжки. В последующем предстоит пить бурлящий в Чандыре «кофе с молоком». Слава Богу, жары нет; градусов двадцать восемь.

Роман отправился к Чандыру посмотреть следы на глине, за водой и расспросить про местных зверей сторожа, у которого навес на ячменном поле; я остался смотреть на небо и на свою гору. И что же ты думаешь? В 16-02 они прилетели!

Опять пара, подлетели, показались, но ничего особо обнадеживающего не продемонстрировали. Гнезда нет, явного гнездового поведения тоже не видно. Просто летают себе и летают. Видел их до вечера четыре раза. И так же, как и в прошлом году, дважды набирали над горой высоту в полкилометра и планировали оттуда в Иран...

Пока я их высиживал, Роман вернулся, причем не с чандырской стороны, а по ущелью, и с ним сторож-туркмен на лошади. Он и рассказал, что с противоположной стороны Казан-Гау есть родник. Постоянный! От наших сваленных в кучу вещей до него оказалось всего ничего, правда, по очень крутым склонам. Перспектива прозрачного питья явилась таким стимулом, что мы подхватили свои рюкзаки и поскакали туда, как архары. Окупилось сполна. Вечером великолепно: сложили из кусков плоского сланца очаг, приспособили паяльную лампу.

Сейчас у меня не вызывает ни малейшего сомнения, что волшебная лампа Аладдина была паяльной лампой. Ревет как реактивный двигатель; трехлитровый чайник закипает по часам за семь минут. Заварили зеленого чая; едим кильку в томатном соусе, которую я никогда в жизни нигде не покупал (а она очень даже ничего) и свиной «лаччен-мит».

Вечер облачный, легли утеплившись, так я уже в час вылез изо всего и дальше спал просто на спальнике. В два часа полнеба разъяснило, вылезла полная лунища (причем с гало) — все видно вокруг.

Все, ложусь; завтра допишу».

«17 мая. ...Встали еще в темноте, но видно, что пасмурно. Убоявшись возможного дождя (это в мае-то! Здесь?! Дожили...), поставили палатку. Натянули ее, как на колья, на трубчатые стебли ферулы — это огромные однолетние растения (трава, проще говоря), которые цветут сейчас повсеместно двухметровыми желтыми свечками.

Вообще цветов этой весной везде тьма. Говорят, что по обилию так бывало, но вот по разнообразию одновременного цветения этот год выдающийся. Может быть, из-за поздней весны цветение разных видов не растянуто во времени, все сжалось по срокам, уплотнилось. Любые цветы и любые цвета сплошным ковром.

Сложили все в палатку, позавтракали, отправились по делам вокруг Казан-Гау и почти сразу наткнулись на двух архаров, которые

унесли от нас по крутому склону с такой легкостью, словно это ровная дорожка. Гнезд нет; никаких сюрпризов или неожиданностей нет. Разошлись с Романом в разные стороны.

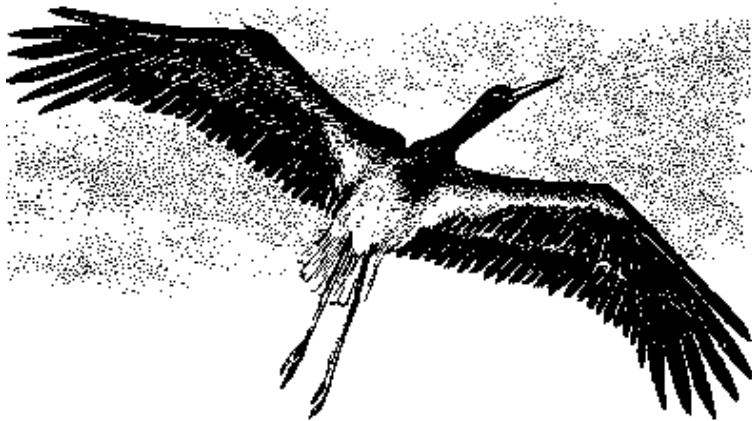

Потом я добрался до вершины, но погода для хищников плохая, пасмурно, придется долго ждать, пока начнут летать: нет конвекции. На самом вершине наткнулся на самку кеклика, которая не убежала и не улетела, а начала меня активно отводить, имитируя раненую птицу. Зрелище ужасно трогательное, по-настоящему волнует меня каждый раз. Когда вижу такое, вся обычная куриная бестолковость этой птицы мгновенно отходит на второй план: настолько вдохновенно и самоотверженно она отводит опасность от гнезда и старается убедить меня в том, что сама она — легкая добыча.

Я не ломаюсь, поддаюсь на обман, делаю вслед за ней несколько быстрых шагов. Добившись своего, кеклик из дергающегося, умирающего комка перьев вновь превращается в изящного летуна и, застыв на долю секунды с торжествующим видом элегантно умной птицы, обманувшей лоха-орнитолога, со свистом срывается вниз по склону, закладывая широкую дугу, чтобы вновь вернуться поближе к невидимым мне птенцам. Эх, родители, родители...

Ниже по склону певчая славка подлетает с кормом в клюве к истошно орущему на кусте держидерева слетку, подсаживается рядом с попрошайкой, жалобно трясушим крыльями, кормит его, а потом нагибается, подхватывает у отпрыска из-под хвоста белую капсулу помета в слизистом мешочке и относит ее, бросая метрах в десяти. Это еще зачем? Ведь птенец то уже не в гнезде. Силы, что ли, родительские девать некуда? Видно, только что вылетел молодой, не перестроились еще рефлекс у родителя.

Севернее от вершины Казан-Гау, на большой высоте к востоку загадочно летят два черных аиста. Ну и птица! Встречи наперечет, на всю Туркмению три гнезда. В Западном Копетдаге я первое гнездо лишь в восьмидесят втором году нашел (когда привез с Митяя к найденному годом раньше во время твоего приезда гнезду бородача, а в нем сидит эта меланхо-

лично-изысканная дылда); вижу его и сразу чувствую ореол загадочности.

А как летят! Один помашет крыльями, потом расправляет их горизонтально и планирует несколько метров, потом опять машущий полет. А вторая птица повторяет все то же самое, но с отставанием на секунду. Выглядит завораживающе. Знать бы еще, откуда и куда они летят...

Сижу три часа, жую ашхабадскую жевачку «Ак». Невкусно. Появились одиночные сип, гриф, бородач, стервятник; полетали, покружили надо мной, но фасциатусов — увы и ах... Так ничего и не прилетело.

Утренняя дымка постепенно перешла в обложную облачность, потом закапало, а потом и вообще попрохладнело (во дела!). В пять вечера я снялся со своего места, пробежался по отрогу с вершины к нашей палатке; как раз в это время и Роман подошел. Моросит вовсю. Мы с ним залезли в палатку и отрубилась оба, что очень странно; ты же знаешь, я днем не сплю. Встали через час, в семь вечера.

Чай, суп-концентрат, на нашей чудо-лампе все мгновенно. А сейчас уже сидим на спальниках, хотя на улице еще светло и можно было бы понаблюдать. Но ведь не поверишь: идет дождь! Так-то вот. Все вверх ногами. У вас там, в Москве, случайно не плюс сорок? А палатку-то я у Перевалова в последний момент прихватил: подумал, что под спальники нечего будет подстелить.

Роман лежит и читает Джека Лондона, а я смотрю из палатки и упиваюсь окружающей географией: вселенная рас-

ширяется; солнечная система несется по галактике; Земля летит вокруг Солнца, вращаясь в придачу неунывающим волчком вокруг своей оси; облака плывут от Каспия; дождь идет из этих облаков, подпитывая потихоньку многострадальный Чандыр; редкие травинки подрагивают иногда от падающих на них капель; я сам сижу рядом с этими травинками и думаю о том, что, если Чандыр завтра разбухнет еще больше, может и не перейдем. А значит, нам придется пилить с вещами вдоль русла километров шесть...

Бестолково: приехать сюда и оказаться не у дел из-за дождя...

«18 мая. ...Легли вчера рано, поэтому спал я не очень крепко. Всю ночь лило. В два часа через сетчатое окошко стало брызгать прямо в морду, я вылез отвязать подвязанную вечером для вентиляции шторку. Тепло, но льет монотонный ровный дождичек.

Утром встали не торопясь, погруженные в непривычный для нас сибаритский разврат: все равно работы нет. Позавтракали под дождем. Категорически не пошел у нас паштет «Зимний». Это я купил перед отъездом. Не смог устоять в знойной Кара-Кале против такого названия. Кошмар: соя с каким-то, э-э... в общем, соя с чем-то. А ведь Наташа меня предупреждала («Игорь со Стасом жрать не стали»).

Собрались, поднялись, двинулись. Дошли до Чандыра по траве мокрые до пояса насквозь, так что в воду полезли не разуваясь. К счастью, ночью моросило, ливня не было, вода впиталась, уровень поднялся ненамного; перешли нормально. Потом по дороге — на заставу. Здесь опять полило проливнем, низкие тучи, темнота.

На заставе у ворот даже часового нет: он с автоматом за спиной растапливает баню; дым от зажженной газеты у него в руке стелется вдоль земли под теплыми тяжелыми каплями.

Постояли скромно под навесиком, поджидая, пока на нас обратят внимание. На заставе идиллическая тишина; кошка медленно ходит прямо под дождем; в свинятнике временами что-то хрюкает. Потом появились два поросенка-сеголетка и четыре совсем маленьких пяточка. Роман хрюкнул им хрюком опасности (он сечет в этом, родом откуда-то из сельских мест), они взвизгнули и тикать назад.

Дождались уже знакомого нам командира — капитана. Пришел в шикарном камуфлированном ватнике нового образца с карманами на репьях и с амбарной книгой под мышкой. Стоим все вместе под навесом, про ястребиного орла разговариваем и про разное другое зверье, которое здесь через систему лазает, сигнализацию рвет.

Капитан сам потом признался, что им новые люди и отвлеченные непограничные разговоры — как праздник. Но службу при этом блюдут строго. И у него, и у подошедших солдатиков я пытался дуриком выпросить невинные мелочи, которые могут невинно интересовать невинного орнитолога (сколько километров от системы до настоящей границы и проч.), — не ловятся. Посмеиваются и молчат. Понимая, что Рахман не сунется за нами по высокой воде, попросили подбросить нас до брода, так капитан, разрешив, сам с нами поехал (второго солдата отправлять с нами смешно, а одного водителя не отпустил с двумя незнакомыми). В кузове лежал мешок с каким-то служебным железом, так он предварительно велел шоферу переложить его в кабину.

Стали грузиться, повернулись к вещам — моего рюкзака нет. Валяется на боку в пяти метрах, а у него в потрохах, засунув туда голову целиком, ковыряется здоровый свин. Кинулись на него с воплями. А боров этот учуял, подлый вепрь, и расковырял пакет с карамелью. Гнусное животное!.. Но как довольно он в этом рюкзаке хрюкал! Как последняя свинья. Словно бурча от удовольствия себе под нос: «Во клёво-то... ну, повезло... во клёво...»

Дорога совсем дрянь, правильно мы опасались. Подвезли нас до сухого места. Я капитана сфотографировал на память, говорю, мол, фотографию пришлю, так он адрес назвал с запинкой («Знаете, я писем не пишу и не получаю...»).

Вышли мы на дорогу в час, договоренность с Рахманом у нас на три. Сейчас восемь вечера. Так и ждем. Восток... Поэтому и философия должна быть восточная: еда есть, бензин для лампы есть, на работу тоже не опаздываем...

Курганник над полем трепещет, зависая над одним местом, как пустельга. Птица большая, тяжелая, крыльями при этом машет с трудом; никакого пустельжиного соколиного изящества в этом маневре даже не угадывается; того и гляди, рухнет на землю. Что необычно — зависает очень часто, почти специализируясь на этом приеме; один раз провисел

так, трепыхаясь, сорок шесть секунд! Во дает, я такого еще не видел.

Вдоль Чандыра, плотной оформленной группой, выстроившись в правильную линию, пролетели к западу восемь белошеких крачек. Птица здесь заметная, их не очень много; жмутся к воде, следуют долинам рек. Но эти пролетели уж очень особо: миновали меня, а метров через пятьдесят вдруг качнулись все в полете совершенно синхронно с крыла на крыло и так же синхронно издали все разом короткий хрипловатый (совсем не такой, как свой обычный пронзительный), слегка приглушенный крик. Вот и думай теперь: что это такое?

Услышал вдалеке крик турача, ушам своим не поверил. Ты, Роза, столичная женщина, не понимаешь ничего, а ведь это первая регистрация турача на Чандыре с 1925 года! (Тогда Лаптев наблюдал.) Этот вид отсюда, как и из долины Сумбара, бесследно исчез к тридцатым годам. И уж до 1971 года, когда Оганесян сюда приезжал, турача еще в Копетдаге точно не было. Так-то вот.

С Романом обсудили это, когда вернулся к рюкзакам; он заинтересовался (сидя у костра, тоже крики слышал), а потом начал меня расспрашивать, как у меня складывалось в жизни со всеми моими птичьими делами. Это и понятно: он сам в возбужденном предчувствии собственных важных перемен.

В результате на ночлег мы устроились очень поздно, т. к. проговорили с ним два с половиной часа. Вдохновение, с которым он слушал, пробудило у меня ответное вдохновение поделиться с ним самым главным, а во многом — и, по большому счету, сокровенным, пардон уж за высокие слова. В общем, я не взвешивал особо, что рассказывать, а что не рассказывать, расслабился и говорил искренне.

Наблюдая его, почему-то вспомнил, как сам в свое время, раздобыв неведомыми путями телефон нашего главного специалиста по зоопсихологии (странную немецко-французскую фамилию которого давно знал по предисловиям ко всем завораживающим меня переводным книжкам по поведению животных), позвонил ему (из автомата около автобусной остановки) и говорю, мол, так и так, я — восьмиклассник из Балашихи, хочу приобщиться к вашей науке, возьмите меня к себе в лабораторию помогать. Курт тогда хмыкнул, посопел в

трубку, а потом засмеялся и говорит: «Ну что же, приезжайте, молодой человек, познакомимся». И как я потом, когда он меня взял, два года после школы ездил туда (два часа в один конец) и даже сам проводил опыты по импринтингу у птенцов. Курт был человек. Но не пошло у меня лабораторное направление, уж больно тянуло в поле.

Уже в темноте отправились на Чандыр за водой, наполнили имеющиеся емкости, но попытка профильтровать это кофе-какао оказалась бесполезной: простое переливание жидкой глины из банки А в банку В. Поставили на ночь отстаиваться, а сами по-спартански: две трети моей кружечки (остатки из фляги) на двоих. Ох, и вспомнили свой родничок с прозрачной водичкой, где в первый вечер, в чем мать родила, поливались перед сном после трудовых будней. Вот уж картина бы открылась стороннему наблюдателю! Беспредельные просторы дикой туркменской природы, и в идилической долинке — фавны у ручья...

Перед сном я плясал вокруг паяльной лампы как папуас: сушил насквозь мокрые штаны. Улеглись, со своими разговорами за жизнь, совсем поздно.

Поразительно. Ночевки в здешних горах раз за разом действуют на меня совершенно феноменальным образом: ежедневно я вижу сон, нет, разные сны, но явно поставленные одним и тем же режиссером в единой концептуальной канве. И самое главное во всем этом то, что в происходящем участвуют сразу все люди, которых я люблю и которые мне симпатичны.

Калейдоскоп лиц и событий (в цвете, естественно) фееричен и невоспроизводим. Контрастом воспринимается интенсивность происходящего во сне действия и то, что я при таком сне отдыхаю, как в нирване. А уж фантазмагория смешения мест, лиц, событий и дат приводит меня в полный восторг: это какое-то неземное вдохновение, придумать такое невозможно».

«19 мая. ...Утром встали — солнце. У меня первая мысль: «Ядрена пень, День пионерии! Больше дела, меньше слов! Будь готов! Всегда готов!» А у Чачи — день рождения. Еще годик — и будет нам по тридцать лет. А в восемнадцать казалось, что такого возраста в реальной жизни и не бывает... А если и бывает, то уж нам-то такое точно не грозит...

Встали, собрались и пошли по дороге на восток. И что же ты думаешь? Едет грузовик-развалюха. И куда? В Кара-Калу! Проголосовали, он нас посадил. Водильник оказался ценным кадром: бывший браконьер («...лет шесть уже не охочусь: ноги не те...»); места знает досконально. Через день у него опять рейс в эти края, в точку в двадцати километрах от Казан-Гау; сам предложил подвезти туда, если будет сухо (дожили! «Если будет сухо» — в пустыне!..).

Уже в долине Сумбара он съехал с дороги и заехал в небольшое ущелье «с особенно хорошей травой» (коровам). Таких цветов я, пожалуй, и не видывал: сплошное разноцветное панно.

Роман сразу забрал у мужика косу; видно, что руки у него чешутся; косит профессионально. Плюс, будучи на государственной службе (сотрудник заповедника), не хочет быть обязанным местному за подвоз, «отрабатывает» услугу, и правильно.

Я же, как ретивый горожанин на уборке сена в подшефном колхозе, кидаю вилами накошенную Романом траву по копенке в кузов. А наш водила, Овез его зовут, сидит по-азиатски, орлом, на корточках, смотрит на нас и покуривает.

Когда ехали сегодня с этим Овезом, опять поймал себя на том, что масштаб восприятия окружающего скачет у меня от вселенского до микроскопического в одно мгновение. Еду, смотрю на небо, на солнце, на горизонт, на горы вдаль, на холмы поблизости. Непроизвольно ощущаю светило с планетами вокруг; всю Землю целиком — как одну из этих планет; Евразию на Земле; Копетдаг в масштабе континента; горные хребты, долины между ними; Чандыр и другие реки, текущие по этим долинам...

Потом взгляд сам цепляется за хилый мак у дороги: тонкая ножка, алый венчик с черной серединкой. Смотрю на него из кабины одну секунду, он — как центр Вселенной. А вокруг — сотни тысяч таких же маков.

Рядом камень торчит из лёссового обрыва. Таких обрывов вижу десятки с одной точки, сотни за пять минут, значит, похожих камней вижу тысячи, но ведь этот камень — особый камень! С железистыми подтеками, с неровным отбитым краем.

Ишак бредет по дороге; топор у него привязан на седле; серая лохматая веревка тянется от уздечки, белесый развод от

высохшего пота на рубашке у туркмена, идущего рядом с ишаком и держащего эту веревку в руке.

И словно внутри всего этого, в каждой детали (вне зависимости от ее размера): в каждой горе, в каждом камне, в каждом цветке, в узле на затертой веревке, в летящей пчеле, в невидимой пылинке на дороге — словно хранится внутри всего этого некое *Важное Обо Всем*, — все, что мы уже знаем и чего еще не знаем про весь этот мир, про все другие миры, про будущее, про прошлое и про все вообще...

И словно все эти Части соединяются между собой в некое единое Целое почти воочию видимыми мне сейчас бесчисленными связями: хитросплетением чувств, мыслей, слов, химических реакций, молитв, снов, физических и божественных законов...

То же самое, когда траву косили: невозможно передать, как сияет на ярком солнце загорелая, идеально выбритая яйцевидная голова абсолютно туркменского Овеза, который сидит орлом на корточках среди немыслимых цветов и правит напильником косу. И не поймешь, что это такое: сон или явь, фотография из «Нэшэнл Джэографик» или японская гравюра, ажурная, как галлюцинация...

Извиняй за столь откровенную демонстрацию сентиментальных излишеств, но уж больно все это захватывает.

Привет там всем остальным моим женам; особенно — Клаве и Зине. И Васю поцелуй».

ЯК-ИСТРЕБИТЕЛЬ

— ...Не подумай, что мы готовы прирезать любого... чтобы заполучить его мясо. У нас бытует обычай убивать лишь больных.

— Зверский обычай! — возмутился Хатем. — Ведь многие из ваших жертв могли бы и выздороветь...

(Хорасанская сказка)

«25 мая. ...В ущелье охотятся сразу три тювика. Летают в типичной своей ястребиной манере, высоко и открыто. Один подобрался, залетел со стороны солнца, резко спикировал к кустам у кромки обрыва, цапнул на лету с ветки ка-

менного воробья и полетел пировать к ближайшим высоким деревьям.

Каменный воробей подох мгновенно и безболезненно. Стиснулась железной хваткой безжалостная лапа, когтями-кинжалами пронзившая ранимую воробьиную плоть. Поставлена запятая еще в одном экологическом предложении.

Были миллионы лет эволюции. Были поколения предков. Было отложенное яйцо, высиживающая мать, выкармливание в гнезде, растущие перья, первый полет, потом кто там знает что еще, а потом — цап! Мелькнул силуэт, невидимый против солнца, сомкнулись ястребиные когти, екнуло последний раз воробьиное сердце, и «кутарды»: начался переход биомассы и энергии с одного трофического уровня на другой...

Два других тювика мотаются в воздухе, как прежде, но через две минуты один из них пошел в атаку точно по той же траектории, что и первый, тоже пикируя со стороны солнца. Притормозил у выступающей скалы, мгновенно подвергся жесточайшей крикливой атаке скалистой ласточки, ускорил полет и в завершающем броске нырнул в кусты. Чем кончилось — не видел.

Круто. Вот и думай теперь: залет на жертву от солнца — это охотничий опыт или наследственность?»

ЧТО-ТО С ФОНАРЯМИ

Много странного еще довелось увидеть визирям...
(Хорасанская сказка)

«26 мая. ...Роман прислал письмо с рисунком и описанием птицы, заинтриговавшей всех сотрудников, одновременно наблюдавших ее во время общего выезда в поле. Среднего размера хищник, у которого на кистевых сгибах прямо как светятся яркие белые «фонари». Никто из присутствовавших никогда такого не видел. Мнения разделились вплоть до гипотез, уж не метки ли это какие.

Отличное сравнение: «фонари»; точно такое же впечатление было и у меня, когда впервые увидел. Это орел-карлик с его белыми кроющими на кромках крыльев».

ОДА ШЛЯПЕ

С большой осторожностью он заматал ожерелье в свою чалму, и тотчас расцвел весь край, и земля его снова стала благодатной и плодоносной...

(Хорасанская сказка)

«29 мая.

Здорово, Маркыч!

...Начиная очкариком-юннатом в средней полосе, я всегда предпочитал в поле бейсбольные или иностранные военные кепки: длинный козырек защищает очки от дождя. Но южное солнце постепенно привило мне уважение к шляпе. Когда-то и представить себе не мог, что надену шляпу.

Началось все с пограничной панамы, которой пришлось заменить кепку. Козырек кепки закрывает глаза от солнца, но не спасает обгорающие до костей уши — они сначала покрываются пузырями, становясь, по определению Лешки Калмыкова, «как жабы лапки», а потом облезают линяющими хлопьями.

Бедуинская повязка под кепку защищает от солнца шею и уши, но ограничивает боковой обзор, плюс пощипет на ветру (да и выглядит это в Туркмении уж больно вызывающе-эксцентрично). Панама оказывается удобнее. Так что, переключившись позже на полевые шляпы, я по достоинству оценил преимущества этого величайшего достижения человеческого гения, родившегося еще на заре цивилизации.)

Шляпа спасает тебя от палящего солнца, проливного дождя или липкого снега, падающего тяжелыми хлопьями на очки и за шиворот. На нее гораздо удобнее надевать накомарник, отгораживающий угрожающе гудящие полчища крылатых кровопийц от твоего лица. Шляпой можно зачерпнуть воды; накрыть от солнца положенный рядом на камни фотоаппарат или бинокль; ею можно поймать в траве затаившегося пестрого птенца жаворонка или прыгучего кузнечика. Кемаря в аэропорту, ее можно надвинуть на глаза; в нее как раз помещается и сразу засыпает пузатый толстолапый щенок, до

этого безостановочно ползавший под ногами в самых неудобных местах. Когда продираешься через колючие кусты, надвинутая на глаза шляпа защищает лицо от хлещущих по нему веток и липкой паутины. Шляпой удобно раздуть уже подернутые пепельной сединой остывающие угли в костре; в нее можно набрать ежевики по пути, чтобы угостить спутников; ее можно, войдя в дом к друзьям, привычно повесить на знакомый гвоздь; на нее, совсем уж в крайнем случае, можно сесть, подложив под зад поверх льда или острой, как стекло, пузырячатой лавы. Ее можно уверенно запустить в воздух, выигрывая пари на то, что горластый спорщик и хвостун не попадет в цель с одного выстрела; ее можно галантно приподнять, приветствуя неожиданно встреченную на тропе в пустыне или в горах прекрасную незнакомку...

Студенты поочередно фотографируются в моей шляпе на память, а я сам себе в шляпе по-прежнему смотрюсь смешно и глупо. Мне так и кажется, что первый же встречный, посмотрев на меня с прищуром, скажет (как я сам мысленно говорю своему отражению в воде или в машинном стекле): «Эй, очкастый!.. Шляпу сними!..»

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК

Сидя у фонаря, я набираю ружейные патроны на завтрашний день, потом заносу в записную книжку дневные наблюдения и одновременно ловлю насекомых, прилетающих на свет огня...

(Н. А. Зарудный, 1901)

«2 июня.

Привет, Чача!

...Я тебе еще раз повторяю, что полевая работа — это не просто особый вид деятельности, это особый образ жизни. Потому что, чем бы ты ни занимался, где бы ни находился, ты какой-то частью своего сознания всегда начеку. И всегда должен быть во всеоружии (было время, когда я даже в сортир за домом ходил через огород с биноклем на шее, потому что в окрестных кустах вертелись помеченные мною дрозды с цветными крылометками).

Ты всегда смотришь по сторонам, всегда готов среагировать на новое, не упустив, возможно, самое ценное свое на-

блюдение. Всегда подспудно продумываешь, чего ожидать за следующим поворотом дороги или реки, или на опушке леса, или за склоном следующего холма. В поле не бывает нормированного рабочего дня или перерыва на обед. Даже глотая первый кус долгожданного бутерброда, ты нередко откладываешь этот бутерброд в сторону, поднося бинокль к глазам. Потому что, работая в поле, ты обязан постоянно наблюдать и испытываешь потребность это делать.

Лишь одна вещь в полевой работе еще важнее, чем само наблюдение: это правильно записать увиденное. Сделать это совсем не просто. Попроси неподготовленного человека описать простейшее наблюдавшееся им событие, и ты сам увидишь, что в этом описании кое-что окажется перепутано, будут упущены многие детали, с легкостью будет перемешано действительно наблюдавшееся и домысленное наблюдателем «по логике» происходящего. Потому что правильно записывать наблюдаемое еще труднее, чем наблюдать, а учиться этому приходится еще упорнее, чем учиться проводить наблюдение. Немаловажно и то, что писанина в экспедиции занимает порой не меньше времени, чем сами полевые маршруты.

Все это заставляет человека, работающего в поле, придумывать десятки маленьких уловок и приспособлений, облегчающих работу и способствующих полноте наблюдения и его описания.

Ты скажешь, мол, делов-то. Достаточно взять видеокамеру, и все в порядке! Ни фиги. Видео может помочь во многом, но не во всем. Для целого ряда работ использование видео практически бесполезно по многим причинам. Не говоря о том, что не у каждого эта камера есть. А вот что у каждого полевики есть, так это свой набор особенно удобных в поле инструментов и приемов их использования, маленьких хитростей, без которых он и не представляет себе своей полевой жизни.

Любимая одежда для поля, когда каждый карман на видавших виды штанах или куртке используется для строго определенных вещей. Любимый бинокль, фотик, нож, подсумок на пояс, кофр для аппаратуры и т. д. Все это подбирается с тщательностью и вниманием к незаметным на первый взгляд деталям, доделывается и переделывается, проверяется на практике и, когда выбор сделан, нередко используется потом годами, а то и десятилетиями.

Почему, ты думаешь, я свой старинный «акушерский» сак-воляж таскаю по горам на автоматном ремне? Потому что это уникальная конструкция, позволяющая за секунду получить доступ ко всем камерам и объективам. Самые шикарные современные кофры прославленных фотофирм такого не позволяют. А уж чего мне только не пришлось послушаться из-за своей привязанности к этому странному предмету: и ветеринаром человеческими душами меня дразнили, и доводили бравыми армейскими выкриками типа: «Доктор, доктор! Нашей корове надо сделать аборт!..»

Когда я смотрю на полевое оборудование, доступное для работы сегодня, я не верю своим глазам. Не так давно, возвращаясь со Стасом из маршрута, глядя на пролетающую стаю птиц и пытаюсь угадать, откуда и куда они летят, мы начали фантазировать, как о чем-то несбыточном на нашем веку, что вот изобрести бы компьютер, позволяющий определить, что это за вид, сколько птице лет, где она родилась и проч. Сегодня это есть. Достаточно мгновенным движением, как уколом шприца, вживить птице под кожу микрочип (как те, что используются для мечения кошек и собак), а потом провести над этим местом сканером, и ты мгновенно получишь всю имеющуюся информацию об этом организме, которая была доступна на момент мечения.

Но даже не касаясь экзотических (на сегодня...) технологических новшеств, возьмем просто рутинный процесс записи наблюдений, т. е. то, с чем сталкивается каждый работающий в поле зоолог. Сейчас ты уже можешь надиктовать увиденное на карманный магнитофон, потом вечером, в палатке, подключить его к портативному компьютеру, и специальная программа сама напечатает текст с надиктованного.

А потом ты можешь через сотовый телефон отправить этот файл по электронной почте в любое место, куда тебе требуется: нажал на клавишу — и собранная за день информация за несколько секунд, включившись в немыслимое переплетение электронных сетей, окутывающих весь наш (оказавшийся, как и подозревали, таким маленьким) мир, появится на компьютере у тебя в кабинете в центре большого шумного города или на столе у твоего соавтора на другом континенте.

О таком никто и не мечтал еще за пять лет до конца столетия; о таком просто не думалось. Двадцатью же годами раньше, начиная работать в Туркмении, я располагал очень хоро-

шим двенадцатикратным биноклем, фотоаппаратом «Зенит» и записной книжкой, лишь мечтая о портативном кассетном магнитофоне, которого нигде не мог купить. При этом, однако, я постоянно старался совершенствовать технологию сбора материала — проведения самих наблюдений и последующей записи увиденного.

Во время маршрутной работы записывать что-то порой требуется каждую минуту. Когда шестьсот раз за день достанешь из кармана одной рукой записную книжку, другой — карандаш, а потом так же уберешь все это назад, понимаешь, что экономия этих движений — не мелочь. Я изобрел для себя, казалось бы, незаметные, но крайне полезные нововведения: сначала перехватил блокнот аптечной резинкой и стал подпихивать под нее карандаш, а потом еще и подвесил саму записную книжку на веревочной петле на запястье руки. Отпала необходимость каждый раз класть ее в карман и доставать обратно. Подобная, казалось бы, ерунда сэкономила массу сил, придавая работе очень важное удобство. Я придумывал особые карманы и под сумки, совершенствуя снаряжение сезон за сезоном.

Потом я раздобыл-таки, ценой невероятных усилий, сначала подержанный отечественный кассетный магнитофон (размером с полноформатный кирпич), потом — карманный японский и в последующем уже никуда не выходил без него. Я часами надиктовывал в поле наблюдения за поведением птиц, а потом тоже часами проигрывал эти записи дома, раз за разом перематывая кассеты взад-вперед и переписывая с них надиктованное в толстые тетрадки (иногда исписывая стандартную общую тетрадь за два дня). Рабочий день удвоился по продолжительности, но в работу пришло новое качество: стало возможным фиксировать детали, ранее недоступные описанию. Я совершенствовал свои дневники, изобретая множество хитростей, облегчающих их чтение, тематические и видовые указатели, оглавления и пр. Все это сейчас вызывает лишь улыбку, потому что при наличии даже самого простенького компьютера это не требует уже каких-либо специальных хлопот.

Игорь дразнил меня тем, что, приехав в экспедицию, я отсиживаю зад за столом, шурша бумагами, а я упивался этой полевой канцелярщиной, сам удивляясь, что мне доставляет такое удовлетворение быть бумажной крысой: описание на бумаге чего-либо уникального, увиденного в природе, приобретало для меня самодостаточную ценность. Только благода-

ря этому двадцать лет спустя я имею шанс использовать свои старые полевые дневники для работы, восстанавливая в памяти не только наблюдавшиеся факты, но и буквально зрительно воспроизводя события, места, сцены и эпизоды.

Когда я сегодня пытаюсь угадать, какими возможностями будут располагать полевые зоологи в ближайшем будущем, я понимаю, что предугадать это невозможно. Технология развивается столь стремительно, что каждые полгода в эту сферу вновь и вновь привносится новое качество.

Уже не надо с дрожью в руках, рискуя упустить свой так долго вынашиваемый единственный шанс, наводить неподъемный объектив на летящую птицу: фотоаппарат с мгновенным автофокусом снимет тебе восемь кадров в секунду, позволив выбрать из них потом единственный — лучший.

Карманный цифровой диктофон уже не требует кассеты с пленкой, записывая все на компакт-диск или на чип-карту, прямо на которых ты расставляешь нужные тебе пометки-закладки, чтобы потом мгновенно найти записанное, переставить записи местами, сгруппировать их по нужному принципу, отредактировать, выкинув ненужное.

Цифровые видеокамеры, по качеству не уступающие телевизионным стандартам, не требуют больше двух ассистентов и ящиков дополнительного оборудования, а легко помещаются за пазуху.

Заблудившись в пустыне, в тундре или в джунглях на тропическом острове, ты достаешь из кармана купленный в обычном магазине ДжиПиЭс размером с калькулятор и через спутник узнаешь с точностью до двадцати метров свои координаты, а стрелка на дисплее показывает тебе, куда надо двигаться в соответствии с исходно заложенным маршрутом.

Сидя на камне бог знает где и подсознательно наслаждаясь (наивный...) удаленностью от суеты цивилизации, ты вздрагиваешь, потому что забыл выключить сотовый телефон, и он вдруг звонит у тебя в рюкзаке... Чертыхнувшись, ты достаешь его, чтобы выключить, но, взяв в руки, вдруг решаешь, что все-таки надо проверить электронную почту, нажимаешь кнопку, выходишь через этот телефон на Интернет и читаешь там пришедшие тебе записки... А большинство из них настолько не вписывается в тот мир, где ты сейчас находишься, сидя на прокаленном солнцем камне, что они даже и не воспринимаются, так что, не дочитав их до конца, ты вы-

ключаешь изящный аппарат и засовываешь его куда подальше, удивляясь сам себе, что поддался этому импульсу...

И еще я думаю о том, что через год все эти новшества уже выглядят как экспонаты из лавки древностей и что какие бы технические диковинки мы ни использовали в прошлом, настоящем или будущем, все наши технические приамбасы — полная фигня! Они всегда были, есть и будут, по большому счету, вторичны. И ничего не стоят по сравнению с главным — с увлеченностью человека, находящегося в природе, с его наблюдательностью и трудолюбием.

Лучшие на сегодняшний день классические полевые работы написаны людьми, у которых не было ничего, кроме потертой записной книжки в кармане, тщательно оберегаемого полевого журнала, завернутого в промасленную бумагу, в рюкзаке и простого карандаша. Но была бесконечная любовь ко всему, что они наблюдали, была настоящая внутренняя культура, не позволяющая допускать неточности, и фанатичное трудолюбие.

Когда думаешь о том, как Зарудный, Пржевальский, Лингстон или Льюис и Кларк записывали свои наблюдения после долгого дня около экспедиционного костра; когда понимаешь, что, не имея фотоаппаратов, они находили время делать зарисовки растений и животных, горных хребтов и речных каньонов, которые описывали впервые, отчетливо осознаешь, что немислимые доселе преимущества нашего современного, пронизанного электроникой мира, — это всего лишь удобный инструмент, который может помочь тому, кто стремится стать мастером, но который сам по себе не заменяет мастерство...

Взять, например, Зарудного. Еще пацаном, живя у тетки в оренбургском поместье вдалеке от родителей, никогда не уделявших ему никакого внимания, он проникся обаянием природы и почувствовал волю, проводя свои дни в степи и в перелесках по берегам рек. Отправленный в кадетский корпус, он сбежал оттуда, был водворен обратно, снова сбежал. И потом уже всю жизнь терпеть не мог канцелярских обязанностей и страдал на службе от казенных порядков, задыхался от служебных инструкций «казенного заведения», рвался на волю — в свои путешествия. Но в странствиях этих, лишь только доходило до записи наблюдений и научных сборов, не было человека более дотошного, педантичного, более беспощадного к самому себе и более аккуратного, чем Зарудный. Он вел свои дневники с фанатичной обязательностью и аккуратностью. Если по-

сле тяжелейшего дня в пустыне, после препарирования ночью, при свете фонаря, добытых за день птиц, еще не был написан дневник, усталости для него не существовало. Он писал и писал часами, заноса своим скачущим, как мелкие волны, почерком на бумагу все увиденное. Когда я сегодня читаю его книги, часть которых представляет собой хронологические дневниковые записи путешествий по Иранскому нагорью и прочим, далеко не самым гостеприимным местам, я не могу понять, как он фиксировал в поле весь этот материал (ведь невозможно же на ходу, без диктофона, в записной книжке описывать каждый поворот реки, каждую куртину деревьев и каждое ущелье!).

И еще одно. Это уже чистые эмоции. Каждый раз, распечатывая сейчас на принтере на свежих белоснежных листах нынешние свои полевые дневниковые записи и сознавая незаменимое удобство этого, я с теплой грустью в душе перелистываю страницы своих былых полевых дневников. Со случайно раздавленными между ними комарами. С вложенным когда-то и оставшимся там на десятилетия листиком или цветком растения, которое я тогда определял. Или с подсунутым под обертку найденным на тропе птичьим пером. С пометками и дополнениями, многократно вносившимися уже годами позже. С записями, сделанными во время совместных экспедиций моими бывшими соратниками — студентами и коллегами. Вот старательный округлый девчачий почерк сменяется почти детскими скачущими мальчишескими каракулями, потом размеренным полупечатным шрифтом уже другой, уверенной руки, потом почти нечитаемыми иероглифами, требующими специальной расшифровки, а потом — страницей, на которой вообще все написано вверх ногами... Калейдоскоп характеров, череда знакомых лиц, переплетение разных судеб, произвольное сравнение нас всех тогдашних с нами нынешними... Рукописные записи, такие разные и так много говорящие о каждом из тех, кто их оставил.

Не случайно, наверное, в сегодняшней, все более компьютерной жизни я все больше ценю полученное письмо, если оно написано от руки... Так что тебе за твое послание, написанное за два раза разными ручками, — особое спасибо (хорошо, что ты рыбу в него не заворачивал...).

Так что для меня страницы старых полевых дневников — это не отражение и описание жизни, это сама жизнь. Сегодня я жертвую этим ради целесообразности затрачиваемых уси-

лий, понимая, что не имею права рисковать собранными наблюдениями, случайно утерев потом их единственный экземпляр. Но мне очень не хватает тех клетчатых затертых страниц из обычных общих тетрадей, которые являлись свидетелями и участниками всего со мной происходившего...

А иногда и того больше. Хочется бросить на фиг все эти нынешние технические излишества и уйти наблюдать просто с биноклем, записной книжкой и авторучкой в кармане... Честно говоря, я иногда (очень редко) так и делаю. А потом, когда все же перепечатаваю эти записи на компьютер, думаю сам про себя: «Во дурак-то, делать, что ли, нечего?..»

19

Он полюбил ее всей душой и только вознамерился было ей об этом сказать, как вдруг очутился в пустыне Хувайда...

(Хорасанская сказка)

В ту весну, продолжая поиски, я много мотался по всему региону и посмотрел массу интересного. Это был редкий по самобытности сезон, принесший много нового материала по разным видам, по новым местам и по новым проблемам. А вот по фасциатусу ничего принципиально нового в этот год у меня не прибавилось.

ЗМЕИ

...Наконец сжалился над ним Аллах, и он достиг черной земли, обиталища черных змей. Как только на землю спустились сумерки, Хатема со всех сторон окружили черные змеи, готовые броситься на него...

(Хорасанская сказка)

«10 мая.

Всем привет!

Для человека, приезжающего из северных столиц, экзотика Туркмении неизменно подчеркивается обитанием здесь ядовитых змей. Включая самых серьезных для этой части кон-

тинента: гюрзы, эфы и кобры. Только не беспокойтесь там, пожалуйста, что жизнь моя здесь висит из-за этого на волоске. Чтобы змея тебя укусила, надо очень и очень этого захотеть. Бывает, конечно, что гюрза или эфа, по своей гадючьей натуре, цапнет, даже предварительно не зашипев, но такое — исключительная редкость, когда совсем уж лопухнешься: наступишь или сядешь на змею. Обычно же они уползают задолго до того, как ты сам их замечаешь. А кобра, так и вообще до того деликатная змея, что заставить ее кусаться может лишь совсем уж хамское обращение.

Кобра — это моя любовь. Во-первых, она потрясающе красива. Если гюрза и эфа выглядят серыми и матовыми, как бы запыленными, то кобра сверкает гладкой коричневой чешуей, как полированный шоколад. Во-вторых, у нее очень привлекательная круглая морда. Когда на меня своими щелевидными зрачками смотрит гюрза, я безо всякого энтузиазма сознаю, что дела мои плохи. Когда же я вижу закругленную мордочку кобры с выразительными, целиком черными глазами, мне приходится сдерживать себя, чтобы не протянуть руку и ее не погладить.

Кобра — самая скрытная (самая выдержанная и интеллигентная) из здешних ядовитых змей. Проглотив добычу (мелкого грызуна, или жабу весной, или пойманную на кустах во время осеннего пролета птичку), кобра не укладывается на солнце свернутым шлангом, как гюрза, а скрывается где-нибудь в укромном уголке, выставляя на солнце лишь тот участок тела, где находится проглоченная жертва. По мере того как обед продвигается по телу, змея меняет положение, подставляя солнцу другую свою часть.

Если вы увидели торчащую из-под камня петлю кобриного тела в блестящей чешуе и, подцепив змею змееловным крючком, вытащили ее на открытое место, она мгновенно пытается спастись бегством, стремительно уползая к ближайшему укрытию. Если вы упорствуете и не даете ей уйти, она встает в капюшон, качаясь и отчаянно шипя, — картина, ко-

торую представляет себе каждый по выступлениям факиров, фильмам и картинкам; выглядит устрашающе. Это знак того, что сама змея очень испугана и готовится защищаться.

У Зарудного (про другой вид кобры): «Случилось мне выстрелить по чекану... подстреленная птица улетает и скрывается в узкой горизонтальной щели под нависающим слоем конгломерата... я лезу плашмя в щель и... холодею от ужаса: не далее фута от своего лица вижу голову крупной очковой змеи, которая бросает схваченную ею птицу и, оставив на меня свои неподвижные стальные глаза, громко шипит и раздувает шею, как это она обыкновенно проделывает, когда находится в раздраженном состоянии; тихо и осторожно я пячусь назад, а вслед за мною, держа свою поднятую голову в том же футе расстояния от моего лица, подвигается змея; достигнув отверстия щели, я вскакиваю на ноги, вздыхаю наконец свободно, хватаю ружье, оставленное около, и убиваю своего врага».

Во дела; «убиваю своего врага» — каково, а? «Врага!» Поэтика чувствуется безошибочно, но ведь ни стыда, ни совести. Видать, сильно переволновался Н. А., сильно...

Вот она, природа *большого белого человека*: чуть что не по нам, за ружье хватаемся, мстим (!) безмозглым тварям (!), как равные равным (!), когда и опасности уже нет (!)... А потом еще и рассказываем с придыханием о своих приключениях и отваге... (Это я уже не о Зарудном, а вообще; большинство полевикув этим грешит, а уж не полевики — и подавно.)

Из капюшона кобра почти никогда не кусает. Она раскачивается и делает выпады, отпугивая агрессора, сама при этом нервничает, но, даже если вы не оставляете ее в покое, кобра в этой ситуации еще не использует яд. Она несколько раз ударит носом приближающуюся палку, будет выбрасывать на противника голову, широко разевая розовую пасть (этот по-кошачьи розовый цвет ощеренного рта, неестественно контрастирующий с окраской их тела — единственное, что мне неприятно и страшновато в змеях), но не укусит. И лишь после этого, если ни одно из продемонстрированных предупреждений на вас не подействовало, змея свернет капюшон, опять попытается ускользнуть, а при продолжении преследования укусит.

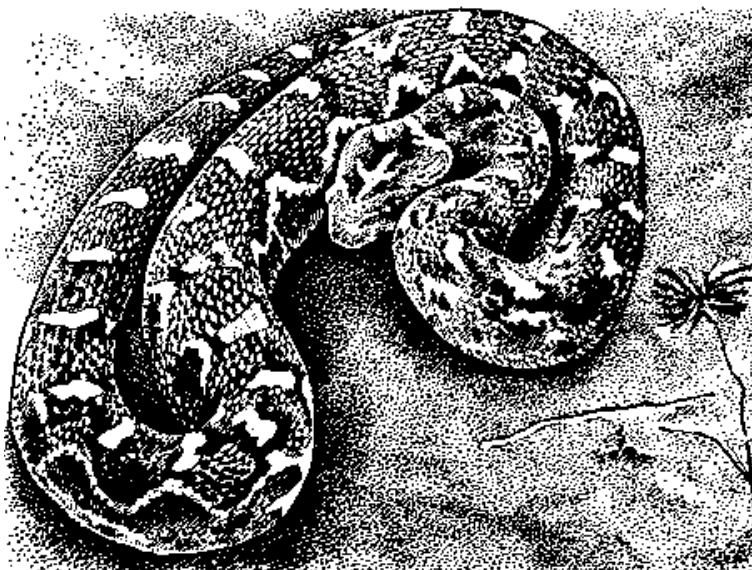
Гюрза намного опаснее. Она гораздо быстрее и, если разогрета на солнце, совершает броски с быстротой, недоступной не только человеческому, но и звериному глазу. Так что ника-

кому Рики-Тики-Тави с гюрзой не справиться: за ее выпадами мангусту не уследить.

Я сам, впервые попробовав поймать гюрзу, наткнулся на здоровенную змеюку, посматривавшую на меня со скептическим холодком, как бы не принимая меня всерьез. Потянувшись к ней крючком, я ничего не заметил, кроме метнувшейся серой тени — крючок вылетел из моих неопытных рук от сильного удара, а змея продолжала лежать на том же самом месте, шипя, как компрессор, и перетекая на месте петлями длинного тела. Я несolidно скакал вокруг нее, пытаясь выбрать удобную позицию, а когда сунулся совсем уж вплотную, она со свирепым шипением рванулась мимо меня вдоль скалы, держа переднюю треть тела на весу (признак крайнего раздражения) и двигаясь со скоростью, которой просто не ожидаешь от безногой твари.

Эфа не менее ядовита, чем кобра или гюрза, но она намного меньше, выглядит не так эффектно: гадюка и гадюка, разве что песочно-серая, с крестом на голове, да лежит еще всегда свернувшись особой лепешкой (так называемой «тарелочкой»). Но, зная ее смертоносность, я лично вижу в этой неброской внешности особый шарм.

Наблюдая змей в естественной среде, я не перестаю удивляться причудам и мастерству эволюции. Вот ведь как: лишить-

ся ног, но приобрести столь потрясающие способности передвижения по любому мыслимому субстрату: по песку, между камней, по ветвям деревьев и кустов; распластываясь в блин на жидкой грязи или сжимаясь в вертикальную пластинку, проти-скиваясь в скальную расщелину. Однажды я видел гюрзу, стремительно уползавшую от меня по скале, оказавшейся, когда подошел ближе, почти вертикальной гладкой стенкой! И уж конечно, каждый раз поражаюсь тому, в каких укромных и уютных местах всегда видишь змей: у камня, под кустом, на пенке, в канавке между корнями дерева. Каждая встреча — иллюстрация удивительной приспособленности и избирательности по отношению к месту, его мельчайшим особенностям, к окраске и фактуре субстрата, точно соответствующего окраске тела. А ведь это не только укрытие, спасающее от безжалостных когтей змеяда, но еще и охотничьи угодья, где надо уметь под-сторожить добычу. Потрясающая гармония мозаики жизни. И что самое изумительное — если только присмотришься повнимательнее, — точно так же и с каждой прочей живой тварью, с каждой козявкой и с каждой травинкой... Клёво».

БАМАР

Схватив змею за шею, он стал изо всех сил душить ее...

(Хорасанская сказка)

«11 мая. ...Змеи здесь — большой бизнес. Яд настолько ценен для фармакологии и настолько дорог, что это может являться источником серьезного дохода. Теоретически. Потому как соотнести теорию с практикой в наших плановых условиях сложно. По крайней мере, все это стимулирует необычную для социализма деловую активность.

Заправляет змеиным бизнесом в округе очень колоритная личность — Володя Бамар. Черноглазый грек, приехавший то ли с Украины, то ли из Молдавии, ловивший змей на Кавказе и осевший в Туркмении именно из-за змеиных дел. Здоровенный мужик с мощной шеей, широченными плечищами и совершенно не вяжущимися со всем этим длинными черными ресницами (которым могла бы позавидовать любая столичная красавица) над столь же черными смеющимися глазами.

Иногда он заглядывает к Муравским («Чашечку кофэ, и вся любоф...») и мы треплемся о змеях и прочих местных делах.

Он основал в предгорьях Сьунт-Хасардагской гряды серпентарий — змеиную ферму. Все делает там сам: и директор, и строитель, и сторож, и сезонный рабочий (по отлову змей). Ревниво оберегает свое хозяйство и рассматривает каждого интересующегося как потенциального конкурента («А зачем тебе это?»).

В серпентарии все лето содержит отлавливаемых весной по окрестным горам змей, доит их, собирая яд, а потом выпускает назад на волю (за счет этого он и получил разрешение на отлов видов, занесенных в Красную книгу).

Звучит экологически шадяще, но не все так просто. В большинстве серпентариев по всему миру считается более оправданным долгосрочное содержание змей в неволе и получение от них яда год за годом без выпуска в природу. Сами посудите: поймать змею — стресс; жизнь в неволе — стресс (даже если питание полноценное, что само по себе — проблема). Каждая дойка — запредельный стресс, а нередко и травма — челюстные кости у змей очень нежные (без этого невозможно очень особое змеиное питание, потом расскажу), повредить их очень легко. Бамар со своим опытом, видимо, редко травмирует змей, но все равно.

Содержание в неволе в течение всего лета и периодическая дойка не дают змее возможность нагулять к зиме необходимое количество жира, без которого не перезимовать. И ведь все это — бизнес, который целиком строится на змеях и зависит от их благополучия. Хотя бы теоретически Бамар заинтересован в том, чтобы не подорвать популяции этих видов. А ведь есть еще проблема разрушения естественных местообитаний в целом. Так что я не удивляюсь тому, что вижу змей во время своих странствий все реже и реже».

ТВАРИ ЛЕТУЧИЕ, ТВАРИ ПОЛЗУЧИЕ

...он... по прошествии некоторого времени достиг пустыни, кишмя кишевшей отвратительными тварями, каждая из которых была размером с...

(Хорасанская сказка)

«11 мая. ...Интересно то, что наблюдения за птицами и наблюдения за змеями требуют совершенно разного подхода и разной организации внимания. Когда я не сижу часами на одном

месте на специальных жавороночьих наблюдениях, а иду с общим маршрутом по тому или иному ландшафту и вижу за день три змеи, то это означает, что, начав целенаправленно искать змей, я в этом же месте увижу десять, а то и больше. Птички наверху, змеи внизу. И не только это. Змеи настолько великолепно приспособлены к окружающим условиям, что увидеть неподвижно лежащую змею очень трудно даже с нескольких метров.

Когда ищешь змей специально, приходится обшаривать взглядом широкое пространство вокруг себя: зырь-зырь метров на пятнадцать — двадцать. Одновременно с этим надо просматривать досконально поверхность в трех — пяти шагах от себя, внимательно изучая мельчайшие детали поверхности земли, камни, скалы, куртинки травы, ветви кустов. И весь твой взгляд и сознание нацелено на плавный изгиб изящного тела, так гармонично лежащего или скользящего в естественном для него окружении. Именно это является ключевым высматриваемым признаком — плавность линий змеиного изгиба.

Я убедился, что обожаю змей. Не так, конечно, как лягушек и жаб, но явно больше, чем, скажем, млекопитающих. Для меня змеи символизируют конечное проявление элегантности и гармоничности со средой, венец эволюции. Столь изумительное сочетание поразительных адаптаций трудно найти в какой-либо другой группе животных».

ДОЙКА

Визирь тут же подошел к сундуку и поднял крышку того сундука и, заглянув внутрь, застыл в великом изумлении: все золото, серебро и драгоценности у него на глазах превратились в змей... и прочих гадов.

(Хорасанская сказка)

«12 мая. ...На днях отправился к Бамару снимать, как он берет яд. В серпентарии три больших вольеры: для гюрз, для кобр и для эф (эта завалена сейчас всяким барахлом, эф нет). Вольера представляет собой четырехугольник размером с волейбольную площадку, огороженный метровым бетонным бортиком, уходящим на метр в землю (иначе песчанки подкопают норы и все змеи уйдут), и возвышающимся над ним мелкосетчатым забором.

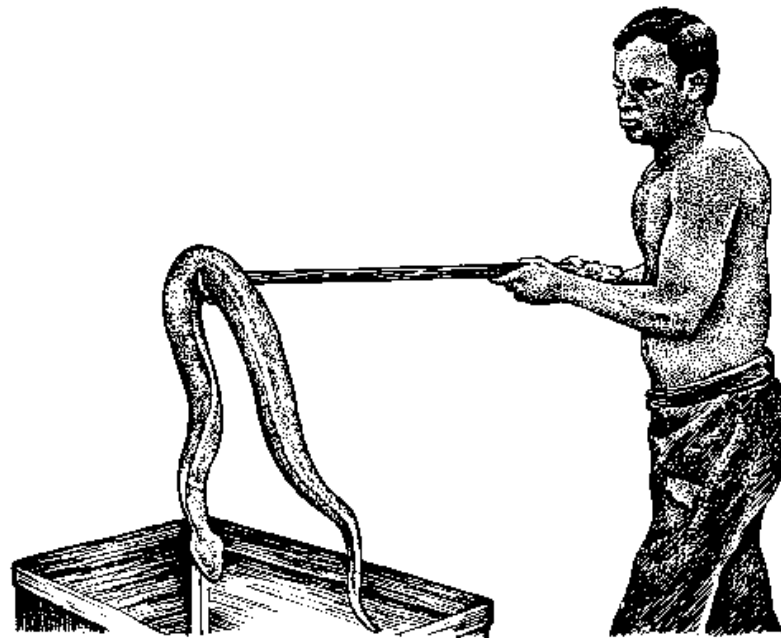
Я наблюдал в свое время, как рабочие-туркмены строили эти вольеры, преодолеваемые священным ужасом уже от одного сознания того, что строят это для змей. Явно сознавая свою избранность и особую миссию, они во время перекуров обсуждали местные легенды о том, что «в горах живет такой змей, да? у которого ядовитое жало на хвосте, да? и который, когда видит человека, понимаешь, да?.. берет свой хвост в пасть, катится за человеком колесом, догоняет, да?.. и бьет своим жалом на хвосте вот так вот, в основание шеи, под затылок...»

В тот день Бамар доил гюрз. Ранним утром, пока еще прохладно и змеи малоподвижны, бригада змееловов принимается за дело. Подняв с земли плетеный тростниковый мат, вы обнаруживаете под ним сплошной клубок из тридцати — сорока гюрз. Они лежат неподвижно, и в этот момент прекрасно видны индивидуальные различия их окраски: есть змеи светло-серые, почти белесые, а есть темно-стального или даже грязно-угольного цвета.

Следующий этап — сортировка. Крючками на полутора-метровых рукоятках мужики раскладывают гюрз по огромным фанерным ящикам — по десять штук в каждый. Это, как и все при работе со змеями, требует полного внимания, опыта и физической силы.

После этого начинается собственно дойка, и проводит ее только хозяин: лишь Володя достаточно опытен для этого.

Бамар подхватывает из ящика одну из змей и выкладывает ее на стоящий здесь же, в вольере под открытым не-

бом, стол, покрытый гладким оргстеклом. На такой поверхности еще холодная змея не может двигаться быстро, проскользывает, изгибает тело, крутясь на одном месте. Только если ей удастся зацепиться хвостом за край стола, она получает точку опоры и может совершить резкое и сильное движение.

Бамар перекладывает крючок в руке и его рукояткой прижимает голову змеи к столу. Вслед за этим наступает ключевой момент: другой рукой он мгновенно перехватывает змеиную голову, фиксируя ее на столе так, что большой и средний пальцы удерживают голову по бокам, а указательный придерживает сверху. Прижав голову к столу, он

этим дает змее опору, и ее сильное тело начинает сильно и упруго хлестать из стороны в сторону. Бамар второй рукой прижимает змеиный хвост под мышкой, одновременно подтаскивая голову к укрепленной на краю стола чашке петри».

КАК ГЛОТАТЬ

...змея насторожилась и, потихоньку подкравшись, проглотила и его жену, и его детей...

(Хорасанская сказка)

«12 мая. Работа с гюрзой руками — смертельный трюк: ослабил хватку — змея вырвется, успев цапнуть тебя по пути; сожмешь слишком сильно — повредишь нежные кости и связки челюстей, змея перестанет есть и скоро погибнет.

Змеи ведь не жуют добычу, они проглатывают ее целиком. Маленький уж может проглотить лягушку, гюрза — песчанку или суслика, средний питон — кролика или кошку, крупный удав — антилопу. Во всех случаях толщина тела жертвы намного превосходит диаметр тела змеи. Чтобы проглотить такой кусок, надо не просто неимоверно разинуть рот, он должен растянуться в несколько раз. Такое возможно потому, что кости в челюстях не срастаются, а крепятся друг к другу эластичными связками; суставы тоже подвижнее обычного.

...Надо видеть, как ведет себя гюрза перед началом заглатывания жертвы. Сначала змея выслеживает добычу, разыскивая ее по запаху (змеиное « жало » — раздвоенный язык — это орган обоняния, которым змея прихватывает с земли или из воздуха молекулы разных веществ и, помещая кончик языка в специальные ямки во рту, проводит их химический анализ — определяет запах, то есть нюхает). В темных подземных норах помимо обоняния срабатывают термолокаторы: змея может обнаружить теплокровную жертву по исходящему от нее теплу.

Добравшись до обреченной песчанки, пищухи или суслика, змея мгновенно кусает жертву, вводя яд, и сразу отодвигается назад, чтобы дергающиеся в конвульсиях лапы с когтями случайно ее не ранили.

Наблюдая, как затихают движения умирающего зверька, змея начинает готовиться к трапезе, совершая своего рода зарядку для челюстей, разогревая связки ротового аппарата. Это выглядит со стороны ужасающими дьявольскими гримасами: змея начинает широко разевать пасть, показывая ее нежно-розовое нутро, двигать челюстями из стороны в сторону, вытягивать их в неестественные положения. Через минуту таких упражнений змея приближается к уже мертвому зверь-

ку и, заинтересованно обнюхав его еще раз со всех сторон прикосновениями тонкого языка, с меланхоличным змеиным возбуждением начинает заглатывать добычу, натягиваясь на нее и проталкивая жертву головой вперед все глубже и глубже в пасть.

Закончив трапезу, змея уползает в укромное место, где она будет переваривать добычу несколько дней (меньше или больше в зависимости от температуры и от степени активности). Змеи — холоднокровные животные: не погреешься на солнышке — ферменты работать не будут (добыча просто загниет в желудке); перегреешься — смерть от теплового удара. Вот они и поддерживают оптимальную температуру тела, ползая туда-сюда: греясь на солнце или прячась от него в тень, под землю, или забираясь на ветви кустарников».

ШРАМЫ НА РУКАХ

Хатем понял, что змея хочет его ужалить, взял в рот ожерелье пери и устремился навстречу той змее...

(Хорасанская сказка)

«12 мая. ...Подведя голову змеи к плоской стеклянной чашке петри, Бамар сжимает змеиные челюсти с боков двумя пальцами, открывая ей рот. Одновременно с этим огромные ядовитые зубы сами выносятся вперед (они устроены так, что это происходит автоматически). Оперев основания зубов на бортик чашки, Бамар плавными движениями надавливает ими на стекло, слегка покачивая голову змеи из стороны в сторону.

Профессиональная четкость и видимая легкость, с которой он все это делает, не должна обманывать: работа эта — на грани смертельного риска каждую секунду. Наглядная иллюстрация тому — руки Бамара, удерживающие сейчас змею: безымянный палец не гнется и весь исполосован огромными шрамами — это следствие одного из укусов. Шрамы эти не от зубов, а от ножа. По мнению профессионалов, при укусе спасти может лишь немедленное кровопускание — удаление уже зараженной крови: случись такое, они безжалостно полоусуют себя по месту укуса специально носимым для этого на поясе острым ножом.

Змеиный яд смертельно опасен, но погибает от укуса не каждый. Во-первых, это зависит от размеров тела человека: для огромного мужика укус менее опасен, чем для ребенка, — меньше яда приходится на единицу массы. Важна также индивидуальная реакция организма: у кого-то и аллергия на кошачью шерсть или на клубнику может вызвать смертельное удушье, змеиный же яд — одно из наиболее активных биологических веществ, известных в природе. Это неузнаваемо изменившаяся в процессе эволюции слюна. Яд кобры — нервно-паралитический (нейротоксин), парализует дыхательные центры, а затем и прочие участки нервной системы. У гюрзы и эфы (как у всех гадюк) яд гемолитический — разрушает кровь и другие ткани. И тот и другой облегчают потом змею переваривание добычи...

«22 мая. ...По пути зашел к Бамару в серпентарий. Он с рукой на перевязи: на пальце черное пятно сантиметром в диаметре; кисть отекая и желтая: восьмой укус («Кобру рассердил»). Поговорили с ним о разных разностях.

Бамара кусали много раз. И кобры, и гюрзы. Про последние укусы он с некоторой бравадой рассказывает как о чем-то не очень существенном (уже выработался иммунитет): «Так не вовремя она меня тогда цапнула, зараза. Работы по горло, людей нет, времени нет, жара. А мне пришлось часа три под деревом сидеть, оклеиваться, чайком отпаиваться...»

Это все, может, и так, но принимать подобные рассказы за чистую монету не стоит. Не так все просто. Родной брат Бамара, начавший с ним ловить змей, погиб мгновенно и ужасно от первого укуса. Другой мой знакомый герпетолог, которого кусали, выжил, но уже не может после этого иметь детей. Еще я слышал рассказы о том, какое впечатление производит пролежавший всего пару часов на солнце абсолютно черный и непомерно раздувшийся труп погибшего от укуса гюрзы... Хотя и кусают змеи в основном тех, кто связан с ними по роду своей деятельности, я лично предпочитаю помнить, что змеиный яд — это всегда серьезно, даже если укус и не заканчивается смертью.

Экзотичность работы змеелова никого не оставляет равнодушным. Уж больно трепетно относимся мы, обыватели, к самим змеям. Что это? Теплится, не истребленный аж за миллионы лет, страх наших предков перед последними динозавра-

ми? Сомнительно. Гораздо вероятнее — просто запечатлеваем с детства ужас и неприязнь людей, которых наблюдаем. Ребенка ведь специально учить не надо: увидит он один раз, как его мамочку передернуло при виде змеи, этого вполне и достаточно. А уж разговоры про то, что змеи противные, «скользкие и холодные», и вовсе несостоятельны. Сколько вы видели людей, впадающих в ступорозный или истерический ужас от прикосновения к крану в ванной?»

ВЫПЕЙ ЯДУ

Мало-помалу змея ослабла... Хатем свернул ее в клубок, спрятал в золотой сосуд и зарыл в углу...

(Хорасанская сказка)

«12 мая. ...Бамар отбрасывает подоенную змею на кучу скомканного брезента около стола, а сам показывает мне на дне чашки петри два маленьких потека (по паре больших капель каждый). Это вязкий и желтый, как мед, яд.

— Ну что, Сережа? Царапин нет во рту? Зубы целы? Можешь лизнуть, — Бамар касается пальцем капли на дне чашки петри, пробует ее на вкус, задумчиво глядя на утренние облака, и буднично сплевывает на землю, — если в кровь не попадет — не опасно. А вот если змеиный череп найдешь в горах, в руках не верти: оцарапаешься даже старым зубом — хана.

Эх, не могу простить себе, что не попробовал яд на вкус, когда он предлагал. В первый момент не решился, а потом потянулся, но тут уж Бамар передумал:

— Вообще-то ну тебя от греха, еще случится что-нибудь, а мне отвечать. Отвали, работать надо, а то вон сейчас солнце выйдет, потеплеет, начнут они у меня ползать...

Брошенная на брезент после дойки змея некоторое время лежит без движения, явно очухиваясь, потом медленно сползает с него и уходит в свое обычное укрытие — под камышовый мат. Пока я наблюдаю за ней, Бамар уже доит следующую. Работа пошла.

Я смотрю на все это, подсознательно радуясь повторяемости до секунд и до мельчайшего движения одинаковых операций: могу снять этот уникальный процесс на всех его стадиях.

Стою неподвижно. Одна из змей, уползая после дойки, проползает по моему кирзовому сапогу. Я давно знаю, что, если не дергаться, змея тебя просто не заметит и никакой опасности нет. Да и без лишнего хвастовства скажу, что страха перед змеями у меня нет. Есть уважение.

Следующая змея оказывается на столе, голова прижата, перехвачена рукой, открытая пасть на чашке, массаж, готово. Бамар работает на этом смертоносном конвейере, не только зарабатывая себе на хлеб, но и добывая всем другим бесценное сырье: змеиный яд входит компонентом во множество лекарств (а не только в популярную змеиную мазь от радикулита). По этой причине и в силу дефицитности грамм яда некоторых змей стоит в десятки раз дороже грамма золота. Вот что значит человек — обязательно все с ценой соотносить надо...»

«ТИХО, ДЕВКИ...»

...девушка погрузилась в раздумье... ее начала трясти лихорадка, и она упала на ковер. И тотчас на середину зала выползла огромная черная змея и бросилась на...

(Хорасанская сказка)

«12 мая. ...Из домика на крыльцо выходит Василий — друг Бамара (росли вместе), приехавший сюда вместе с ним заниматься змеями, и зовет меня помочь ему покормить кобр.

Вася — под стать Бамару: такой же мощный мускулистый мужик, головастый, с шевелюрой курчавых волос и огромными ручищами. Бизон. Приехал из Донбасса, двенадцать лет в забое. Когда мы встретились, я начал уточнять, из Макеевки он или из Горловки (мы студентами были там на практике по экономгеографии и даже спускались в шахту), это сильно ускорило наше знакомство. Много лет каждый отпуск он проводил с Бамаром на шабашке — ловил на Кавказе змей. Теперь он у Володи основной помощник и компаньон.

Мы берем из ящика у крыльца пяток зеленых жаб и входим в дом. Там на стеллажах несколько небольших ящиков с лампами для обогрева (как в зоопарке, но без сеток или стекол, просто глухие фанерные стенки, одна из которых закрывается, как калитка, деревянной вертушкой. В ящиках — кобры,

какие поодиночке, какие — по две, по три. Понятное дело, интеллигентная змея, ей, как этим гадюкам, в клубках тусоваться не пристало.

Когда кобр надо перевозить с места на место, мужикам приходится упаковывать каждую змею отдельно. Но как! Они укладывают их в алюминиевые коробки из-под киноплёнки! Держа кобру за хвост, Вася приоткрывает у нее перед носом крышку этой плоской круглой коробки, и змея устремляется туда как в укрытие. После чего Вася лишь похлопывает рукой по уползающему хвосту («кыш-кыш-кыш»), чтобы змея и его убрала.

Вася открывает дверцу ящика, смотрит внутрь, а там на него встают капюшонами три кобры и начинают делать выпад, отчаянно шипя. На что Вася озабоченно говорит: «Э-э, да у вас вода кончилась».

Он отодвигает проволочным крючком ближайшую змею в сторону, вынимает из ящика поилку, слезает с подставленного стула и идет к ведру с водой. Ящик настезь, кобры качаются и шипят, я стою рядом и думаю о том, насколько же все в мире относительно.

Вася возвращается, начинает медленно ставить ванночку с водой назад в ящик, при этом неосторожно ставит ее на хвост одной из кобр. Она злится, кидается на соседнюю змею с открытой пастью: непонятно, кусает или просто пугает. В любом случае на это стоит посмотреть. Потому что одно дело, когда «злая» кобра кусает «бедную» мышку. Но совсем другое, когда две кобры, стоя напротив друг друга в капюшонах, шипят и кидаются одна на другую; это уже какой-то ужас в квадрате.

Короче, змеи разнервничались, расшипелись еще пуще и начали всю кидаться на Васины руки. Честное слово, я непроизвольно отступил на шаг подальше, а он только: «Тихо, девки, тихо. Не психуйте. Ну, чего разорались? Кыш...» При чем никакой рисовки. А сам двигает ванночку медленно-медленно, а вода в ней колышется. И две повздоровшие кобры зло кусают эту двигающуюся воду, прямо мордами в нее.

Потом он открыл ящик с гюрзой, передвинул ее крючком («У-у, корова...»). Потом полез менять перегоревшую лампочку эфам («Мерзнут они...»). С таким участием сказал. Эфы мелкие, с гадюку, их в этом ящике целый клубок, а Вася влез в этот ящик обеими руками, отвинтил лампочку,

ввинтил другую, а сам все время: «Тихо, тихо, тихо. Тихо, девочки».

Потом мы разложили принесенных жаб по нужным ящикам и пошли на солнышко разговаривать. Бамар заканчивал последний на это утро ящик: становилось уже слишком тепло, змеи разогрелись, управляться с такими сложно, вероятность ошибки возрастает, а при такой работе ошибок желательнее избегать. Вася прихватил из домика спичечный коробок с ядовитыми зубами: змеи недавно перелиняли, а зубы тоже меняются во время линьки. Он выкинул все в помойку, так что я вам в письме этот южный сувенир не присылаю...»

20

— Со мной приключилось целых три истории, — отвечал странник...

(Хорасанская сказка)

После поездки с Романом на Чандыр той же весной я нашел в долине Сумбара гнезда не отмечавшегося ранее в Западном Копетдаге малоизученного пустынного снегирия и второе для региона гнездо черного аиста — редкого и повсеместно очень скрытного вида, а также оказался причиной пограничного переполоха во всей округе.

ПУСТЫННЫЙ СНЕГИРЬ

Так, преодолев много невзгод и трудностей, трое влюбленных обрели наконец счастье...

(Хорасанская сказка)

«20 мая. У меня приятный сюрприз: попутно со своими жаворонками и поисками фасциатуса нашел гнездо пустынного снегирия — точно первое для Западного Копетдага и, похоже (надо просмотреть еще пару статей), вообще для всего Копетдага на нашей территории (Зарудный отмечал в начале века в Копетдаге, но уже вне Туркмении, в Иране). Ох и хороша птица!»

«22 мая. Бежевые (под цвет пустыни), с ярко-розовыми клювами, снегири удивили гнездованием в особенно прокаленных солнцем скалах, обоснованным показанием на полиандрию (два самца при одной самке) и сходством песни с песней своих северных краснопузых собратьев (такой же, как скрип несмазанных качелей, двойной звук).

Их гнездо (небрежная корзиночка, сплетенная из сухих стеблей полыни) было устроено в щели скалы на таком солнцепеке, что к соседним камням невозможно было притронуться рукой, а насиживающая самка не согревала, а охлаждала еще голых птенцов. И положение это было настолько критическое, что, слетев при моем приближении, она почти сразу вернулась на гнездо и потом сидела, пока я фотографировал ее с полутора метров, не улетая, а лишь вздрагивая поначалу от щелчка затвора фотоаппарата.

(Интересное все-таки это дело: живет себе птица, гнездится чудесным образом в немыслимых для жизни условиях. Живет себе человек за тридевять земель в городе Москве. А потом приезжает человек в пустыню, стоит в метре от птичьего гнезда, смотрит по-дружески на птицу, а птица сидит на своем гнезде и боязливо смотрит на человека, и вот они оба рядом, птица и человек...)

Один из самцов, волнуясь, открыто перелетает здесь же, рядом с гнездом, а второй, явно более скромный, взволнованно поскрипывает чуть в отдалении за ближайшими камнями, лишь изредка мельком показываясь мне на глаза.

Когда я отхожу, все быстро успокаиваются, взволнованные позывы затихают. Самка на гнезде, оба самца, попрыгав рядом с ней, буднично разлетелись по делам.

Эх, посидеть бы с этим видом подольше, посмотреть по-внимательнее на эти нетрадиционные семейные отношения... Интересно. Жаль, что не объять необъятное».

Черные аисты, в противоположность пустынным снегирям, проявили запредельную пугливость, в панике срываясь с гнезда даже от звука автомобильного выхлопа на дороге в

паре километров за холмами. Птица эта очень особенная. Так что не обманывайтесь беглостью моего о нем упоминания. Этот вид очень редок. К моменту описываемых событий во всей Туркмении в целом было известно лишь три его гнезда, одно из которых я нашел выше по Сумбару тремя годами раньше.

ЧЕРНЫЙ АИСТ

А птица Симуург тем временем поднималась все выше и выше над облаками и вскоре совсем скрылась из виду...

(Хорасанская сказка)

«23 мая.

Привет, Андрюня!

...После нескольких дней ходовых маршрутов я в наиболее многообещающих местах обязательно устраиваю сидячие стационарные наблюдения, которые дают совсем иной, нежели пешеходная работа, материал. Видишь в том же самом месте уже другое, в новом ракурсе. Как сейчас. Сижу, наблюдаю конкретное место, но попутно обзреваю округу в радиусе многих верст. На небе ни облачка. Жарчеет.

Правда, к концу сидения, особенно если оно связано с такими флегматичными объектами, как черный аист, устаешь сильнее, чем при ходьбе. И день прошел, и записей, казалось бы, меньше, чем при маршруте, но не отвлечешься ни на что — сразу возникает опасение что-то пропустить, да и формально получается дырка в наблюдении. А этот аист или гриф сидит себе, как мумия, без движения час за часом...

Сегодня, правда, было много необычного, так что я трудился на грани фола — поочередно, а когда обстановка позволяла, — и одновременно на двух объектах, буквально разрываясь на две части. Надиктовал втрое больше, чем обычно, и, все равно, нет удовлетворения, нет желаемой законченности в собранных, пусть и весьма основательных, кусках.

Категорически не хватает своих глаз! Просто отчаяние охватывает. Несколько редчайших вещей под руками (что аист, что снегирь), но ведь не раздвоишься! Вот когда самый момент насажать вокруг пяток надежных студентов с подробными инструкциями, но... Ни помощников, ни времени, ни ап-

паратуры, какую хотелось бы иметь, сейчас нет, а жадность на еще не увиденное утихомирить внутри не могу. Семнадцать часов в день точно работаю, но все равно не хватает. Просто невозможно ото всего этого оторваться, хоть и понимаю, что блажь. Мало ли кто чего, может быть, никогда нигде не наблюдал... Всего самому не увидеть и не записать, и уж тем более не понять.

Но я ведь тебе про аиста начал писать.

Так вот, в знойном дружественном Туркестане, как и во всех прочих частях своего некогда обширного ареала (в основном по лесной зоне), этот птиц повсеместно очень скрытен, редок и населяет самые глухие и труднодоступные места.

В Западном Копетдаге его гнезд вообще не находили. Поэтому, наблюдая этих молчаливых элегантных птиц, подолгу без движения стоящих, как в карауле, на скалах над гнездом (один из них провел так, стоя на одной ноге, пять часов (!), — захватывающее своим динамизмом зрелище...), я постоянно ощущаю отрадное чувство приобщенности к нетривиальному орнитологическому явлению и к очень интересному виду.

Птенцы в гнезде только что вылупились, еще и ползать толком не могут, но гнездо расположено так, что хотя бы его часть всегда в тени, даже в полдень; поэтому детки лежат в теничке; все «продумано».

Лежат они там, как три белых пуховых комочка с непропорционально-огромными нелепыми шнобелями (в таком возрасте главное — питание, поэтому клюв, как самый важный и необходимый инструмент, развивается быстрее других органов). Не верится, что через несколько месяцев эти цыплята превратятся в подобных своим родителям огромных экзотических птиц.

Взрослые аисты, кстати, при всей своей броской внешности, изысканностью и утонченностью поведения не блещут. Никак особенно друг с другом не общаются, ограничивая контак-

ты в важные для супругов моменты (смена партнера на гнезде и т. п.) лишь крайне сдержанными, лишенными внешних эмоций ритуальными демонстрациями — малозаметными поклонами. Причем выглядит это не как интеллигентная элегантность, а как равнодушие. Такое чувство, что брак у них не по любви, а по биологическому расчету продолжения своего уникального черного аистиного рода. (Может, они даже по имени друг друга не знают?)

При наблюдении за ними не покидает ощущение, что внешним своеобразием Бог наградил, а вот при распределении мозгов и эмоций явно отвлекся на что-то другое (известно, на что — на воробьиную мелкоту: все мозги и эмоции достались синичкам, поползням, воронам, сорокам, галкам, сойкам и прочим их воробьиным родственникам).

Помимо импозантной и загадочной внешности, контрастирующей с обликом всем знакомых белых аистов, черные аисты поражают меня тем, что, паря в восходящем потоке теплого воздуха без единого взмаха крыльев, набирают прямо над гнездом высоту в полтора километра, а потом планируют из поднебесья куда-то за горизонт.

А когда возвращаются, отпрыгивают в гнездо довольно крупную (с ладонь) рыбу, кормят ею птенцов и сами едят, сидя на гнезде. Одна из птиц принесла в зобе за один раз шестнадцать рыбешек. Ловят где-то далеко на постоянных притоках Сумбара (вода должна быть прозрачная, а в самом Сумбаре она мутная). Видеть эту рыбу в прокаленном солнцем скальном пустынном ландшафте весьма духарно...

Ладно, все. Вольно. Привет там Чаче, Ленке и Эммочке».

21

...однако путь его был недолог: его снова схватили какие-то дивы и отнесли к главному диву...

(Хорасанская сказка)

С пограничным же переполохом дело было так. Уехав утром на попутке из Кара-Калы, я провел тогда замечательный день далеко в горах. Было очень жарко, и в одном месте, когда я остановился, рассматривая что-то в бинокль, хохлатый жаворонок подлетел и подсел, с открытым от жары клювом, почти мне под ноги на жалкий клочок падающей от меня те-

ни: страх перед человеком уступил перед потребностью спрятаться от палящего солнца.

После полудня, присев на одной из вершин перевести дух, я на минуту задремал. Вздвогнув от дикого реактивного воя и свиста рассекаемого воздуха — белобрюхий стриж как снаряд пролетел почти над моим лицом — и открыв глаза, я ошалело и без всяких на то оснований решил, что уже в раю: прямо надо мной и над стоящей рядом ферулой порхали сразу четыре алексанора — крупные, желтые, похожие на махаонов, но чрезвычайно редкие бабочки, экземпляры которых в научных коллекциях наперечет. Для бабочки этот вид не менее редок, чем ястребиный орел среди птиц: в Туркмении встречается лишь в Копетдаге, где его безуспешно разыскивают почти сто лет. Но в Западном Копетдаге он есть, об этом и о его редкости я знаю из вечерних разговоров со знакомыми энтомологами.

Придя в себя и подивившись такому чуду, я начал осматривать округу в бинокль и разглядел на удаленном противоположном склоне разморенного зноем дикобраза, кемарящего так же, как и я.

Орлов я тогда не видел, а ближе к вечеру опять спустился к дороге голосовать назад и был несколько удивлен тем, что проезжавшая машина притормозила около меня, а потом вдруг рванула дальше, так и не остановившись.

Подобрал меня тогда армейский водовоз. Разговорчивый прапорщик на удивление любезно вылез из кабины, пропуская меня внутрь, вместо того чтобы просто подвинуться. Даже оказавшись гостеприимно зажатым на сиденье между ним и шофером-солдатиком, я все же принял за шутку его рассказ о том, что меня весь день ловит погранотряд в полном составе, а две окрестные заставы поставлены в ружье. На мое замечание, что я лично знаком с начальником отряда, он лишь скептически хмыкнул.

ДИКОБРАЗ

— Эй, див, из какого ты племени?..
(Хорасанская сказка)

«4 мая. ...Сегодня в первый раз видел дикобраза днем. Он расслабленно распластался в тени камня у своей норы, раски-

дав лапы и неприлично развалив не защищенное иголками и всегда скрываемое уязвимое лохматое брюхо. Так и казалось, что он изнуренно похрапывает, как бы сетуя, что после ночных хлопот о пропитании даже днем нет покоя от этой жары...

Местные жители дикобразов не любят, поскольку эти грызуны по ночам, шуруя в поисках кореньев и прочего съестного, сильно повреждают своими когтистыми лапами огороды, расковыривая грядки. Туркмены стреляют их при любой возможности, но хоть и считают «нечистым зверем», все же из практических соображений иногда едят. Причем интересно, что если дикобраза сварить, то есть его невозможно, и вонища вокруг от этого варева, а в жареном виде он — деликатес (знаю по рассказам, сам не пробовал).

Следы, помет, порой и иголки нахожу в горах постоянно. Каждый раз, подбирая огромную иглу с ломким, в зловещих зазубринах, кончиком, удивляюсь этому страшному вооружению: воткнувшись в тело и сломавшись, конец иглы будет потом проникать все глубже и глубже с каждым неосторожным движением и сокращением мышц. Бр-р-р... Даже архары погибают из-за ран от втыкающихся в морду иголок (баран он и есть баран: в пылу брачного сезона обезумевшие самцы архаров агрессивно и безрассудно кидаются на все живое). Лишь леопард со своими кошачьими возможностями периодически добывает дикобразов как весьма обычную для себя добычу».

ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Ночевать меня... не пустили, приняв за туркменского лазутчика...

(Н. А. Зарудный, 1900)

«4 мая. Пришлось поверить в происходящее, когда на окраине Кара-Калы наш водовоз поравнялся с усиленным нарядом в полном боевом снаряжении на двух мотоциклах, а прапор, высунувшись из окошка, крикнул: «Снимайтесь, мы его возьмем!»

Ё-моё, думаю, опять морока. Подсумок расстегнул, чтобы диктофон выключить, солдат с прапором напряглись (за руки, впрочем, хватать все же не стали).

В сопровождении мотоциклетного эскорта и заинтересованных взглядов прохожих мы проехали через всю Кара-Калу в погранотряд, где маршировавшие на плацу свежесбрившие

новобранцы сбились с шага, а потом и вовсе остановились, разглядывая первого в своей жизни шпиона.

Думаю, что я их не разочаровал. Я выглядел как чучело: на мне были иностранные (хм?...) кроссовки, армейские камуфлированные штаны от маскхалата, необычный по тем временам полевой жилет со множеством оттопыренных карманов, милицейская рубашка, форменная пограничная панамка с красной звездой (для маскировки?), черные очки, бинокль, портативный диктофон на поясе с приколотым на груди микрофоном и прикрепленным к биноклю дистанционным управлением, кликающий при ходьбе шагомер, а в руках я нес складной рыболовный стульчик и старинный акушерский саквояж. Я уж не говорю о моей обгоревшей, красной, с утра не бритой роже...

Оказалось, что моего старого знакомого сменил на посту начальника отряда новый человек. Наш разговор с ним был вполне доброжелателен, но скорое достижение взаимопонимания несколько осложнилось проигрыванием моей магнитофонной записи, состоявшей наполовину из латинских названий птиц, а наполовину — из цифр и сокращенной абракадабры, которой я пользуюсь для обозначения кормового поведения жаворонков при хронометраже. Я много раз объяснял студентам, как это делать, но лекция, прочитанная в тот вечер под развешанными на стенах портретами членов Политбюро, взиравших на меня с пытливым строгостью заседателей ученого совета, была самой подробной и исчерпывающей из всех. Завершили мы ее в офицерской столовой, лишь немного опоздав к ужину. Там и выяснилось, что утром (когда я голосовал на дороге в сторону Ирана) в отряд поступил сигнал, что «очевидцы» наблюдали, как из низколетящего аэроплана прыгнул парашютист с моими приметам...

ПОД ФОНАРЕМ

Устроившись на новом месте, друзья до утра отдыхали и пировали...

(Хорасанская сказка)

«5 мая. ...Поздним теплым вечером в Кара-Кале под фонарем, привлекающим множество насекомых, охотится козодой. Бесшумно летает, выделявая пируэты и пересекая быст-

рой черной тенью освещенное фонарем пространство, периодически присаживается здесь же на землю, потом опять взлетает.

Ночная птица, прекрасно приспособленная к ловле насекомых в темноте, но не использовать такой халявы (скопления насекомых в пучке света) — грех. (Когда Перевалов в Ай-Дере вывесил вечером лампу, подманивая своих бражников, откуда-то из темноты появилась пара проснувшихся синицек, непривычно молчаливых спросонья, которые не в силах были пропустить бесплатный ужин: вся стена под мощной лампой была залеплена мелкими насекомыми. А ведь синицы — дневной вид.)

Иду дальше... На некотором расстоянии, за мостом, — точно такая же картина: другой козодой выделяет то же самое около другого фонаря. До чего же дикие виды чувствительны не только к отрицательному воздействию человека, но и к предоставляемым порой тем же человеком дополнительным возможностям».

ДРАКОН С ШЕРШАВЫМ ХВОСТОМ

— Эй, рожденный человеком! Как смеешь ты обижать дорогого моего дракона?..

Вдруг ему привиделся вдали родник, и он решил напиться из того родника. Когда же Хатем подошел поближе, то увидел, что никакой это не родник, а лежит там, свернувшись в клубок, огромный...

(Хорасанская сказка)

«21 мая. ...Сегодня впервые увидел в природе серого варана. Достойное зрелище. Заметив его на голом мергелевом склоне в нескольких метрах от ближайшего возможного укрытия, я кинулся к нему бегом и успел схватить за хвост в тот момент, когда он уже почти заскочил в щель под выступающую скалу. Вытащил упирающееся чудище назад на белый свет и начал фотографировать, держа за хвост на вытянутой руке.

Непривычно видеть ящерицу метровой длины. Миниатюрный символ былого величия всамделишных динозавров и ска-

зочных драконов. Шершавая шкура, мощные когти, ухмыляющаяся в молчаливом скептицизме огромная пасть. Когда держу за хвост, висит вниз головой беспомощно, но с достоинством, без суеты, не дергаясь.

Поснимав его вволю, опустил на землю. Варан, поняв, что убежать не получится, повернулся ко мне хвостом и начал, свирепо шипя, раздуваться до невероятных размеров, специально разводя ребра, расширяя себе живот, раздувая горловой мешок и привставая на ногах — всеми средствами производя впечатление огромного устрашающего животного. И это не просто безобидная демонстрация. Лишь только я попробовал потрогать его сапогом, как он резко хлестнул по кирзе сильным жестким хвостом. Потом так же — с другой стороны. Удары были настолько ощутимыми, что не оставляли сомнений: придется они по морде лисе или шакалу, наверняка бы отбили всякую охоту упорствовать в атаке.

Важнейший вид в структуре пустынных экосистем и живой символ нашего человеческого административного идиотизма: включен в Красную книгу, но при этом все еще числится разрешенным объектом добычи для изготовления чучел и учебных пособий для учколлекторов...»

«30 мая. В плоской равнинной пустыне уже к западу от последних предгорий Копетдага с Переваловым и со Стасом пересаживаем самую жару, предпринимая жалкие попытки спрятаться в узкую полоску тени от машины. На ровном, как стол, месте нет никакого укрытия от солнца. Вокруг тихий паллящий зной, поэтому слышно, как под капотом что-то потрескивает в перегретом моторе после того, как мы ездили «купаться». Это значит, что мы гоняли по плоской, как доска, равнине, над которой раскаленный воздух не просто дрожит, но и создает удивительные по правдоподобию миражи — впереди видятся огромные сверкающие озера, отороченные по берегам камышовыми зарослями.

Эффект настолько всамделишный, что, увидев такое утром в первый раз, мы все втроем — и Перевалов, и Стас, и я, умом понимая, что никаких озер здесь быть не должно, все же почти

всерьез решили, что перед нами впереди какое-то водохранилище, о котором мы не знаем, и возбужденно принялись высматривать, что к чему, когда Перевалов поддал газу. Салаги.

Иллюзии развеялись в тот момент, когда, подъехав к бредущему вдалеке по мелкой воде верблюду, мы увидели, что он стоит на более чем сухой суше и смотрит на нас поверх своей длинной верблюжьей морды («Вы что, дураки, что ли? Какая здесь вода?..»). После этого Перевалов уже просто газавал куда глаза глядят на страшной скорости, вертя руль вправо-влево, а мы со Стасом улюлюкали в безнадежно-сухопутном экспазе: «Жми, Козлевич! Купаться! Купаться!..»

От этих шалостей мотор перегрелся, мы остановились, так как ездить уже было нельзя, и вот сидим спинами к машине, безрезультатно вжимаясь во все более сужающуюся полосу тени, безжалостно уползающую вниз, под брюхо нашего многострадального авто.

Смерть от жажды нам не грозит: у нас огромная молочная фляга с теплой, пахнувшей резиновой прокладкой водой. Периодически кто-то из нас встает, щедро зачерпывает теплую воду кружкой с отколотой эмалью и гулко пьет. Потом садится назад, тщательно стараясь угнездиться в приходящийся на него куцый кусочек тени.

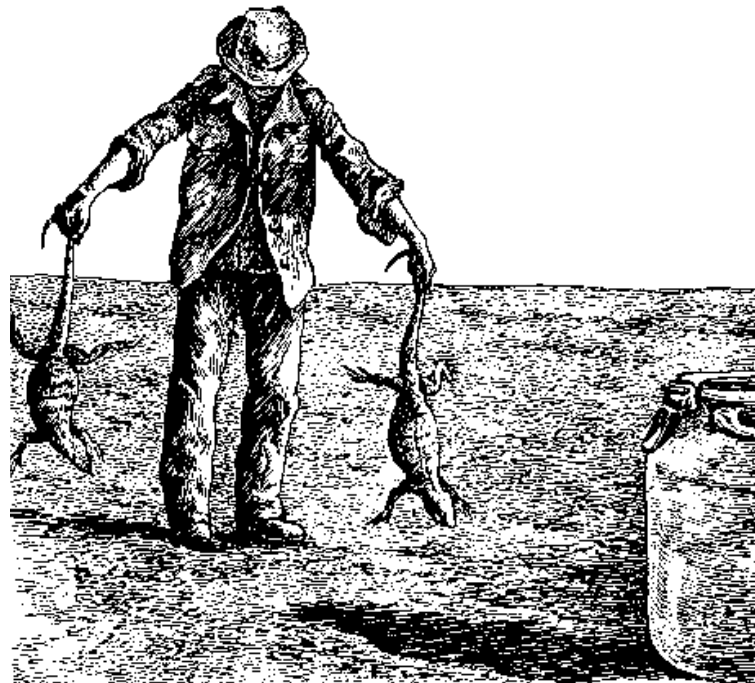
Сидим и, морщась от жара, как в бане, осматриваем прокаленную округу. От бинокля толку мало, потому что уже в трехстах метрах со всех сторон начинаются «озера» — миражи, все дрожит и ничего не разглядеть.

Жарко, поэтому разговаривать лень. Вдруг Перевалов нарушает тишину, выдавливая из себя необычную фразу: «Кто это там рыженький пылит?»

Мы присматриваемся и видим, что недалеко от нас по земле перебегают хохлатый жаворонок, а в тридцати метрах сзади от него, пронюхивая землю раздвоенным языком, энергичным голодным шагом, поднимая за собой когтистыми лапами фонтанчики пыли, двигается варан. Наблюдаемое не лезет ни в какие традиционные экологические ворота: в такую жару все рептилии должны сидеть в норах или на кустах не шевелясь.

Надо отдать должное нашему энтузиазму: мы подсказываем и все вместе несемся к этому варану, а уже на бегу Стас замечает недалеко от него второго и поворачивает по направлению к нему.

Потом мы по очереди фотографировались с двумя этими варанами, беззлобно, но неизбежно уничтожительно держа

их на весу за жесткие хвосты. Пекло, а мужикам пришлось еще и штаны надевать, чтобы не увековечиваться для потомков в плавках и в семейных трусах (я не раздеваюсь — сразу обгораю). Варанов отпустили где поймали; сами просидели на месте до вечера и двинулись дальше лишь ближе к сумеркам».

ОБЪЕКТИВ

...среди живых существ самыми разумными Аллахом сотворил людей. Ведь только человек обладает способностью укрощать пери и дивов...

(Хорасанская сказка)

«3 июня. Здорóво, Маркыч! Как там сам?»

Ты знаешь, каждый день, когда я в поле один и не отвлекаюсь на разговоры со спутниками, обычно уже после работы,

во время пешего перехода по дороге домой, у меня вдруг наступает такой момент, когда внимание смещается от птиц и вообще от наблюдаемого вокруг (хоть и продолжаю по пути наговаривать рутинные наблюдения) на иное, находящееся в другом измерении.

Словно проворачивается кольцо фокусировки какого-то невидимого внутреннего объектива, размывая один пласт восприятия, продолжаящего существовать как бы по инерции, и делая резким другой. Когда центральное место в голове постепенно занимает возникающее ниоткуда труднопередаваемое ощущение мыслей и чувств ни о чем конкретно, но обо всем сразу. И когда в толще этого *всего* без труда находишь резкость на что угодно. Знакомо тебе это?

Вроде и не думаешь, концентрируясь, ни о ком в отдельности, но при этом видишь мысленно сразу все любимые лица...

Не вспоминаешь прошлое, но чувствуешь своими давнишними, еще детскими фибрами былую заботу родителей о себе маленьком, вспоминая их в своем детстве, бывших тогда лишь чуть старше, чем сам сейчас...

Не скучаешь по женщине, но ощущаешь, с мурашками по коже, обволакивающий и удушающий восторг прикосновения тела к телу, проникновения ладони в ладонь...

Не обдумываешь текст, но при этом произвольно перебираешь слова, которые потом напишешь...

Не мучаешься былыми ошибками, но вновь спрашиваешь извинения у тех, кого когда-то обидел, или удивляешься своей былой глупости...

Или вдруг выхватывает память из прошлого какой-то эпизод, что-то, казавшееся раньше незначительным, второстепенным, лишь мелькнувшим незаметно, и превращает его в очень важное, поражающее многоцветием и значимостью...

И все это в ритме шагов («клик-клик» — шагомер); и на фоне яркого солнца сверху; зеленой весенней травы под ногами; привычных позывов хохлатых жаворонков из-за холма; запаха полыни; и произвольно звучащей изнутри, снова и снова, совершенно нестройной мелодии: «...цвет небесный — синий цвет — полюбил я с малых лет... — с детства он мне означал — синеву иных начал... — и теперь — когда достиг — я вершины дней своих — в жертву остальным цветам — голу-бого не отдам...»

...чужестранцев следует встречать добром и лаской, ибо они понесут добрую молву о вас из страны в страну и... прославят ваше благородство и могущество.

(Хорасанская сказка)

Начав работать в Кара-Кале в 1978 году, еще до создания там заповедника и появления многочисленного пришлого экспедиционного люда, я конечно же привлекал внимание пограничников и местного населения. Сами посудите: поблизости от границы сидит в пустыне на раскладном рыболовном стульчике белый человек в черных очках, обвешанный аппаратурой, пялится в бинокль на пустое место (жаворонков никому не видно) и при этом постоянно говорит что-то в микрофон себе под нос... Картина эта, по-видимому, в достаточной мере соответствовала общепринятым представлениям о вражеских происках.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Косясь... на ружья, белуджи вложили в ножи свои кривые сабли, загасили фитили и объяснили, что им отдан Гулям-Рассуль-ханом приказ уничтожить нас, но что они предпочитают оставаться в хороших отношениях с русскими лях-керами...

(Н. А. Зарудный, 1916)

«1 февраля. Андрюня, здравия желаю!

...Бравые молодые туркменские мужики, все поголовно являющиеся добровольными помощниками пограничников, замечая меня из проходящих машин, порой тормозят и выходят со строгими лицами и с монтировками в руках самостоятельно убедиться, что целостности государственных границ ничего не угрожает, и навести порядок, если это требуется.

Подходя ближе и замечая лежащее у моих ног ружье, они останавливаются в десяти шагах, продолжая задавать мне во-

просы с подчеркнутой строгостью, но уже не выставляя напоказ становящиеся неуместными монтировки и разводные ключи; вроде просто так, для себя, в руках их вертят...

Так что ты, Военный, ни в штабе, ни в карауле автомат из рук не выпускай! Воин должен быть с ружьем! Это делу способствует...

Шучу. Чаче, Ленке и Эммочке привет».

23

- Ты кто такой? — спросила она меня.
- Странник, ищущий приюта, — отвечал я.
- Старушка проводила меня в дом и, сказав:
- Располагайся здесь, — удалилась...

(Хорасанская сказка)

Со временем ко мне присмотрелись и попривыкли. Все реже проявлялась настороженность, все чаще звучало уже знакомое, с акцентом «Драствуй!». Когда порой я отправлялся к горам, подъезжая на грузовике с рабочими ВИРа до Иг-деджика — садового питомника у подножия Сьунт-Хасардагской гряды, каждая такая поездка превращалась в интересное наблюдение за веселыми и доброжелательными людьми.

Я не понимал ни слова из того, что порой с тактично сдерживаемыми улыбками говорилось обо мне и о моей необычной одежде, но с какой искренней теплотой звучало от пожилых женщин,двигающихся на скамейке в кузове, чтобы освободить мне тесное местечко: «Садись, сыну».

Залезание ханумок на грузовик всегда оказывалось целым представлением с подборанием многочисленных юбок, кряхтящим сетованием на возраст, собственную неповоротливость и необоснованную высоту кузова, шутивными отбиваниями узелками с едой от мужских подсаживающих рук и не утихающими на протяжении всей дороги шутками, сопровождающимися редким по искренности и доброжелательности смехом.

Подкалывающий товарища остряк, сказав что-нибудь, вызывающее общий смех, подставлял открытую вверх ладонь, по которой подкалываемый, смеясь, дружески хлопал сверху сво-

ей рукой. Такой шлепок открытых ладоней подтверждал дружественность шуток, доверие и незатаивание зла или обид.

Наблюдая все это, я раз за разом поражался тому, как эти люди умеют отрешиться от забот, отдаваясь радости текущего момента, живя им столь насыщено и столь самозабвенно.

Но больше всего в происходящем, как и вообще во всех моих наблюдениях за туркменами, меня поражали лица стариков. И особенно — лица пожилых женщин.

Много слыша о положении женщин на Востоке, я выискивал на них выражение забитости и угнетенности, но никак не находил. На смуглых морщинистых ликах, поражающих сдержанной и элегантной красотой, отчетливо угадывались достоинство, всепрощение и ненавязчивая готовность приютить любого неприкаянного, вне зависимости от его возраста, языка или веры. Может быть, я идеализирую. Но я честно не могу представить, чтобы туркменские женщины, подобно некоторым иным мусульманкам, забивали камнями иноверцев...

Когда я только начал работать в Туркмении, Игорь и Наташа, прожившие в Туркмении много лет, наставляя меня на путь истинный в этой новой для меня мусульманской культуре, среди прочего особо отметили: «Обрати самое пристальное внимание на лица туркменских старух — это что-то потрясающее». Так оно и оказалось. Лица пожилых туркменок буквально завораживали своим изнутри исходящим сиянием. Почему именно туркменские лица в большей степени, чем, например, русские? Не знаю.

Один раз в горах, поблизости от иранской границы, я забрел особенно далеко, уже несколько часов подряд сидел на одном месте, пялясь в бинокль на жаворонков, когда вдруг услышал вокруг фыркanye — поднял от бинокля глаза и увидел, что вплотную со мной — отара овец, которую гнали не чабаны, а всего одна очень пожилая туркменка, идущая вслед за ишаком, нагруженным баулами обычного пастушьего скарба: кошма, закопченный кумган, чтобы вскипятить чай, простая еда. Я поздоровался, она, никак не ответив, прошла дальше, а потом остановила ишака, достала из мешка на его спине чурек, отломил от него солидную горбушку и, вернувшись, молча и безоговорочно вручила ее мне...

Лицо ее при этом оставалось практически безучастным, оно не выражало никаких видимых эмоций, но отчетливо излучало

то особое обаяние, о котором я говорю. Это был один из первых незабываемых уроков того, что я впоследствии научился называть изысканным академическим термином «межкультурное общение». Потом я видел ответ той же ауры на лица стариков во многих других местах в азиатских странах, на лицах индейцев в Америке, полинезийцев на тихоокеанских островах.

Уже понятно, что это не национальное, нет. Это некое видимое проявление не выставляемой напоказ истинной жизненной мудрости, доступной только возрасту, и, видимо, прежде всего — женскому возрасту. Лишь недавно, поездив по центральным российским областям и побывав в таких углах, до которых и на гусеничной технике доберешься не всегда, я нашел-таки подобные лица русских женщин. Но так и не понял пока до конца, почему они попадают реже и производят меньшее впечатление. Может, неевропейские черты для меня как-то по-особому выразительны; может, к лицу человека, говорящего на чужом языке, присматриваешься внимательнее; может, сказывается большая погруженность этих культур в себя и отрешенность от конкретных реалий вокруг; может, в этих лицах просто больше внутреннего достоинства, а может, я еще сам не до конца научился видеть все это... Короче, обратите внимание — поймете, о чем я говорю.

РУССКИЙ ГОСТЬ

Ни человека, ни животное Хатем был не способен обидеть, каждого же чужестранца и бедняка, кой пришелся ему по душе, он приводил в свои покои, потчевал всевозможными яствами и услаждал слух его приятной беседой.

(Хорасанская сказка)

И вот вечером, когда мы уже вошли в дружелюбные сношения с туземцами, мне пришлось прочитать перед обширную аудиторию целую лекцию о моем великом отечестве, о моем великом государе, о русской силе, отваге и справедливости...

(Н. А. Зарудный, 1916)

«16 марта.

Привет, Зимин!

Как ты там на африканском солнышке? Мое здешнее, туркменское, постепенно начинает припекать все сильнее.

А как ты там с местными? Как большой белый слон? Час-то поешь арию заморского гостя?

Я здесь внимательно наблюдаю российских сограждан, когда общаемся с туркменами. Сам себя в Туркестане постоянно ощущаю в гостях, очень благодарен хозяевам за гостеприимство и непроизвольно впитываю в себя все то, что отличает их от нас, а нас от них. Но многие соотечественники ведут себя совершенно иначе. «Белая кость». Причем как некоторые пришлые новички, с которых взять нечего, так и некоторые россияне-старожилы, осевшие в Туркмении давным-давно; просто диву даешься.

Приезжаем в другой город по делам, останавливаемся на ночлег в доме у туркмена, связанного с моими попутчиками по работе. Я ведь, будучи здесь без своего транспорта, использую любую возможность поехать в новое место с любой подвернувшейся оказией. При этом возникает неразрешимый конфликт: едешь увидеть новое, но сам себе не принадлежишь, не можешь произвольно остановиться, чтобы провести наблюдение или разобраться в мелькнувшем за окном машины эпизоде. Как, знаешь ли, Зарудный в 1882 году ездил по оренбургским степям с объездом медицинского инспектора и сетовал потом: «Я видел дремучие леса, горы, горные ущелья, речки с их водопадами и каменистыми руслами, огромные, чистые, неприветливо-холодные озера, обширные болота... и время не позволяло мне заняться исследованием этих заманчивых дебрей...»

Ну, так вот. Вокруг дикое место, пустыня, на весь город (это если верить карте), который на самом деле в лучшем случае — поселок, ни одного деревца; живут полностью на привозной воде (и питьевой и технической), за которую, кроме всего, еще и платить надо.

Короче, рассаживаемся на кошме, хозяин с нами, женщины в платках невидимыми тенями появляются и исчезают, накрывая на стол (при этом украдкой, со скрываемыми смеющимися улыбками, поглядывая иногда на нас — существ «высшего порядка», с индюшиной важностью рассаживающихся на кошме). Старшие дочери хозяина, помогая матери, проявляют к нам настоящее, без какой-либо иронии, почтение. Взоры потуплены, но какие глаза!

А одна из них на секунду взглянула прицельно на меня, лишь стрельнула глазами, внимательно так, с настороженным, но, поверь мне, искренним интересом (не каждый день,

видать, белые мѳлодцы в доме), я чуть не подпрыгнул! Пытался потом своим *внимательным* (хе-хе) взглядом ее глаза поймать — куда там... Чувствует мои глаза боковым зрением и уходит от них, не встречает.

Кстати, в этой же поездке зашли в лабораторию при противочумке, там микробиолог — туркменка лет тридцати; я, как увидел, речи лишился: эмансипе, европейский стиль, лицо и фигура — как у западной модели; держится великолепно: просто, со сдержанным достоинством; полный атас. Как она там оказалась? И главное, как она, такая, там живет?! Отвлекаюсь я...

Уселись, сидим. Приносят несколько закопченных кумганов (знаешь, может, такой высокий азиатский чайник с изогнутым носиком?). Из них хозяин уже сам, ведя с нами разговор, разливает чай в маленькие заварные чайники, стоящие перед каждым из нас.

Но разливает не сразу. Сначала он несколько раз наливает его в пиалу, потом выливает обратно в кумган. Этот простой, но чем-то завораживающий процесс называется красивым словом «кайтарма». Кстати, так же называется и то, когда муж и жена вдалеке друг от друга.

В молодой моей семье одна сплошная кайтарма: сразу после свадьбы я уехал на шесть месяцев сюда, а как вернусь, моя половина — Лиза-Роза-Клава-Клара-Зина (весь мой харам) уплывает на корабле на четыре месяца по Тихому океану... Я — сухопутная крыса, она — морской волк; расклад сил в нашей семейной жизни (пусть даже заочной) понятен. Так что ты, Зимин, жену свою в Африке не продавай, не дари, не меняй и не ешь, а цени и береги.

Я сначала думал, что эти переливания просто чтобы чай перемешать и чайники осадить, а недавно прочитал в солидном труде по чаеведению, что за счет этого происходит много сложных процессов, обеспечивающих правильную заварку и особый вкус: зеленый чай, как и сам Восток, — «дело тонкое»; это вам, синьор, не молоко из кокоса сосать через соломинку на берегу Мозамбикского пролива...

Сидим. Женщины приносят завернутые в сачак (платок для хлеба) еще горячие чуреки; миску с кусковым сахаром (к чаю вприкуску). Свежеиспеченный чурек — это произведение искусства. Он такой мягкий, круглый, золотистый, с такими переливами на поджаренной корочке... Выглядит как маленькое солнце. Будь у меня возможность его в таком виде засушить,

повесил бы на стенку. А уж про вкусноту и не говорю; не передать. Чурек, кстати, нельзя резать, его можно только ломать. И еще его нельзя переворачивать: неуважение — Аллах накажет.

Потом ставят несколько больших мисок с простоквашей из козьего молока, которую все едят расписными деревянными ложками (я молочными продуктами не увлекаюсь, считаю, что уже вышел из сосункового возраста, а вот повсеместная популярность этих ложек духарит меня неизменно: воистину социалистическая интеграция между братскими народами).

Один из русских гостей, видя, что я не ем простоквашу, а налегаю на чурек, поучает меня, что это я зря, потому что «надо запустить пищеварение».

После такой фразы я уже даже подумать о простокваше не могу. После такой фразы, высказанной за праздничным столом, я могу лишь отойти куда-нибудь в сторонку и сдать там, в конвульсивных корчах, желудочный сок или сделать еще что-нибудь столь же физиологическое. А сам разговорчивый гость воодушевленно зачерпывает ложкой, раз за разом с прихлебом запуская себе, видимо никак не запускающееся, пищеварение.

Появляется главное предварительное блюдо — густой суп из баранины с овощами — шурпа. Подают ее в нескольких больших мисках, по одной на двоих или на троих. Я не могу оторваться от потрясающего чурека с хрустящей корочкой, но вид нежной постной баранины в шурпе буквально дурманит, мы все с энтузиазмом беремся за ложки. Пустеющие миски исчезают, убираемые всевидящими незаметными хозяйками, и сразу возвращаются назад, вновь наполненные горячей шурпой.

Веяние нового времени — по случаю нашего приезда раскупоривается водка и разливается по граненым стопкам (слава Богу, потому что это мучение водку из пиалушек пить, особенно в жару).

Вообще-то традиции алкоголь не приветствуют. Молодые ребята-туркмены раньше никогда водку до возвращения из армии не пробовали, а сами аксакалы, усаживаясь по поводу чего-либо юбилейного, нередко разливали коньяк по чайникам и пили его под видом чая (дабы Аллаха не гневить). Сейчас все упрощается.

Прозвучали первые тосты, ложки стучат по мискам уже не с такой частотой, как вначале, народ утолил голод; я так просто наелся. Но вся эта вкуснятина — лишь прелюдия к главному блюду, настоящему гвоздю программы.

Три женщины вносят и ставят в центре кошмы огромный таган. Начало весны, идет окот, забой каракулевых ягнят, нам подают одно из самых удивительных блюд, которые я когда-либо пробовал, — плов из новорожденной парной баранины (не читай этого вслух вегетарианцам и защитникам животных). Мясо нежно белеет среди золотистого риса; каждая рисинка отдельно и словно янтарная, словно светится изнутри... В моем понимании такой плов — это Плов — абсолютный символ явления как такового.

Но такой плов есть сразу нельзя, это неуважение к деликатесу; просто сожрешь с голодухи, и все. Его надо есть, когда голода как такового уже не чувствуешь. Только так ты можешь в полной мере оценить уникальный вкус этого кушанья (но уж и неизбежно обожрешься, как удав). Когда я пробую его, мгновенно становится понятно, что за этим блюдом, процессом его приготовления и всей традицией застолья стоит целая культура, несомненно разбирающаяся в яствах, но и знающая цену каждому куску.

И вот сидим, вкушаем эти обалденные плоды туркменской земли и туркменского гостеприимства, а гости-россияне ведут себя очень по-разному. Немало таких, кто воспринимает все это как должное, а порой еще и нахраписто, с байскими замашками, требует: «Давай, давай!»

Откуда такое? Для меня очевидно, что это глубинные скрытые комплексы проявляются, внутренняя убогость и ущемленность прут наружу. Недополучил этот человек сам уважения, или унижали его самого, или что-то не сложилось, вот он и играет в «большого белого брата».

Смотрю на такого, надо бы пожалеть, но не получается. Ах ты, думаю, дубина, мозгов в твоей русой голове — кот наплакал, характера — никакого, а туда же, косишь под «белую бес-тию». Мало того, что русских дискредитируешь, не понимаешь, что из-за таких, как ты, русакам в Азии глотки резали и будут резать дедовыми ножами. Туркмены уж до чего безобидный и миролюбивый народ, но уж если таких до предела поджать, то уж тогда держись: «бас-халас»... У меня никогда с местными проблем не было. С азербайджанцами было, в Дагестане, сам помнишь, чего натерпелись до того, как я с Мухаммедом-Слоном побратался, а здесь — никогда.

Ладно. Приедешь — возьму тебя с собой в Кара-Калу. Хотя такого плова не обещаю. Такой плов лишь для настоящих

башлыков («Ты понимаешь, да?»). А ты кто? Чегалар, салага. Иностраный специалист.

А потому давай там, в своей Африке, поскромнее, не забывай, что «мы, пацаки, должны цаки носить»... Сей «разумное, доброе, вечное» в духе пролетарского интернационализма и не унижай снисходительным отношением братьев по разуму, а то сделают из тебя ритуальную мумию...

Будь здоров».

РАЗГОВОР

Поведай мне свои печали, авось я сумею тебе помочь!
(Хорасанская сказка)

«20 марта. ...Молодой парень, верхом на ишаке пасущий отару овец, заметил меня, сидящего на голом холме, отъехал от своей отары, приблизился ко мне вплотную и долго стоял в двух метрах от меня, рассматривая и не говоря ни слова.

В этот раз я не стал заводить разговор, предоставив ему инициативу. Минут через пять мне стало совсем уж невозможно, я почти решил дружески начать разговор, но потом приструнил сам себя: «Не суетись! На Востоке ты или не на Востоке?..» Прошло еще минут пять; парень молчал, ишак громко вздыхал и пофыркивал. По прошествии следующих десяти минут парнище, так ничего мне и не сказав, зычно гикнул, поддал ишаку под бока каблуками, пыля спустился вниз по склону, распугав мне всех жаворонков, и поехал назад к своим баранам. Мы общались с ним таким образом двадцать шесть минут (у меня все записано в дневнике при хронометраже наблюдений за птицами)».

«9 апреля. ...Иду по дороге между руслом Сумбара и высокими обрывами его правого берега. Далеко за поворотом слышу громкие раскатистые крики на туркменском языке, в отдельные моменты отражающиеся от скал звонким эхом. Звучат буднично, что странно для столь громкого их выкрикивания («Дети гор, всякое возможно...»).

Сворачиваю вместе с дорогой и вижу, что рядом с руслом реки, на участке с посадками граната, стоит молодой туркмен с лопатой в руках и смотрит куда-то вверх. Там, на кромке

скального обрыва, стоит еле видимая отсюда женщина в ярком национальном платье. И вот они разговаривают.

Между ними, без преувеличения, метров четыреста; будь они на одном уровне — как ни кричи, не услышать; а здесь, за счет того, что ущелье, как-то умудряются. Когда один из них выкрикивает до конца свою фразу, другой пару секунд ждет (это пока звук до него идет), а уже потом кричит в ответ сам. Эта двухсекундная задержка в ответе выглядит до смешного так же, как и в общении собеседников при проведении телемостов Москва — Вашингтон.

И все это с такой приподнятой будничной раскованностью и с удовольствием от разговора, что сразу видно: встретились люди случайно и обсуждают текущие дела; и чувствует-ся: они у себя дома. Заглядение».

ДРУЖБА С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

...моя приязнь к тебе столь велика, что я не хотел бы расставаться с тобой надолго...

(Хорасанская сказка)

«23 марта. Привет, Жиртрест!

...Второй раз за три дня вижу в холмах урочища Джанкатуран туркмена лет сорока с алабаем на веревке. Веревка эта простой петлей завязана намертво на собачьей шее. Сам мужик явно странный, ходит по холмам без видимой цели, таскает собаку за собой, постоянно с ней о чем-то разговаривает: бубнит что-то, глядя под ноги.

Периодически он дергает конец веревки, намотанный на руку, с каким-то внешне не мотивированным, механическим остервенением. Будто идет, думает о своем, но должен выполнять опостылевшую обязанность — дергать веревку, мучая собаку.

Алабай при этом каждый раз затравленно приседает на задние лапы; потом встает и плетется за своим мучителем; оба бредут по холмам куда-то дальше.

Первое приходящее мне на ум объяснение наблюдаемому: он, наверное, держит этого несчастного пса специально для того, чтобы над ним издеваться. Я уже видел такое. Во Владимирской области, в деревне Островищи (название какое, а?),

лето, мне тринадцать лет. Я «дружу» с соседом Виктором (ему лет двадцать пять), который ходит со мной ловить рыбу, поет задушевные блатные песни под гитару (играя их «восьмеркой»), а в сарае без окон уже год держит шенка, которого зовут Пушкин и который ни разу не видел дневного света.

Иногда Пушкин страшно выл взаперти, за что ему доставались жестокие побои хозяина. Плюс к этому, Виктор избивал его каждый раз, когда напивался. В этом, видимо, и была разгадка: ему нужен был объект издевательств после попок. Никакие убеждения на Виктора не действовали. Когда я заговаривал с ним про несчастного пса, его взгляд становился стальным, лицо приобретало наполеоновские черты, и он ледяным голосом отвечал: «Мой кобель. Что хочу, то и делаю!»

Присматриваюсь в бинокль к медленно бредущим в холмах фигурам человека в рваном ватнике и белой собаки внимательнее и вижу, что туркмен этот, продолжая разговаривать с кобелем, иногда нагибается к нему вынуть колючку из шкуры, иногда поправляет поудобнее веревочную петлю на шее (барбос в такие моменты смотрит на него без тени испуга или забитости). А между тем продолжает периодически, явно вне контекста их общения, все так же дергать пеньковую веревку.

А может, он искренне любит этого пса, но просто не знает, что с собакой можно общаться не унижая ее? Похоже, что он и расстаться с алабаем не может, и не мучить его тоже не может...

Чем не модель человеческих отношений для многих случаев?»

«ПОЗОЛОЧЕННОЕ БРЮХО»

Пустынно, тихо, неприветливо и тоскливо вокруг...

(Н. А. Зарудный, 1901)

— Ведь этот несчастный, — сказала она, — по происхождению выше нас: он принадлежит к человеческому роду.

(Хорасанская сказка)

«20 мая. В низовьях Чандыра съезжаем с дороги на обочину. Перевалов тормозит и выключает мотор. Пыль из-под колес по инерции прокатывается клубами немного вперед и на-

чинает медленно оседать, сопротивляясь поднимающемуся вверх от земли прокаленному воздуху. В неподвижной тишине, без обычного при езде перемешивающего все встречного горячего ветра, возникает ощущение, что на фоне просто жары отдельно чувствуется жар из-под капота. Мы выходим из машины в надежде, что в домике у дороги кто-нибудь есть: надо уточнить маршрут на развилке.

Вокруг лишь голые холмы с потравленной скотом полынью, даже около дома нет ни одного дерева; как-то уж очень все не обжито. И, словно дополняя убогость запустения, на пустыре недалеко от дома в терпеливом похоронном ожидании сидят два стервятника: наверное, прилетели на знакомое место, где нередко достаются трупы подошедших овец, но сейчас и этого нет.

Стас, шурясь от солнца и жары, отстает покурить, а мы с Переваловым подходим к открытой двери, занавешенной рваной тюлевой шторой; я стучу костяшкой пальца в дверной косяк.

— Заходи. — Голос с туркменским акцентом раздается из полностью затененной комнаты с занавешенными изнутри окнами.

Входим внутрь, в первый момент ничего не видно, а привыкнув к темноте после яркого солнца, видим молодого туркмена в национальных штанах с широченной мотней и в расстегнутой рубашке с влажными пятнами от пота. Мужчина сидит на затертом ковре рядом со спящим ребенком.

Это мальчик лет четырех, он спит на простынке, постеленной поверх ковра, абсолютно голышом, вытянувшись не просто во весь рост, а сведя руки за головой, словно ныряя из удручающе-жаркой действительности в свой, наверняка сказочно-прохладный, детский сон. Так и кажется, что это для того, чтобы раскрыться совсем полностью, чтобы даже части тела не соприкасались друг с другом в этом пекле. Отец закрывает мальчику наготу, накидывая ему на чресла лежащий рядом выцветший платок. Жара в комнате такая, что находиться там, даже зайдя на минуту, очень трудно.

Место не просто бедное, дальше некуда — неухоженный одинокий домишко на отшибе, сторожка-временка у перекрестка двух дорог рядом с ржавой трансформаторной будкой, питающей насос на артезианской скважине (поить скот). Постоянного жилья нет на многие километры вокруг.

Мужчина занят делом, требующим от него постоянного участия: он сложенной газетой, не останавливаясь, машет над

сыном, отгоняя от него полчища жирных мух и создавая хоть какое-то движение прокаленного воздуха над распластанным под тягостным пеклом детским телом.

Такого я ни разу не видел: темнота, зной, десятки мух вьются над ребенком, нагло облетают машущую газету, садятся мальчику на тело, на лицо, на приоткрытые губы, даже не думая вылетать на свет дверного проема. Им в этой комнате явно лучше, чем на солнцепеке снаружи.

Отец отвечает на наши вопросы, не прекращая обмахивать газетой мальчика, который убежался так, что не просыпается, даже когда мухи залезают ему в рот. Выглядит это ужасно; лишь судорожно поднимающаяся при каждом вдохе раскаленного воздуха детская грудь да капли испарины на остриженной головке выдают в ребенке жизнь. Мужик выполняет свою выглядящую для меня бесполезной работу с негибачимым восточным упорством, не прерывая ни на минуту равномерные движения газетой над спящим ребенком и лишь периодически меняя руку.

Спящий мальчик и мужчина в темной, душной и раскаленной, как духовка, комнате; там же десятки сочных, даже в темноте отливающих драгоценной зеленой позолотой, нагло и медленно-натужно жужжащих мух, каждую из которых я равнодушно ненавижу персонально, но бессильно...

Получив разъяснения, выходим из дома назад на зной и солнцепек, испытывая явное облегчение. Завидев нас, Стас бросает окуроч:

— Ну, чего?

Интересно, появятся когда-нибудь в этих краях кондиционеры, вентиляторы и сетки на окнах? Риторический вопрос «западного» человека... А ведь это только май. Курортный сезон».

«ХОТИТЕ СЕМЕЧЕК?»

...совсем отчаявшись, он облачился в рубище... и, уединившись в мечети, стал молиться...

(Хорасанская сказка)

«20 апреля. ...На автостанции в Кизыл-Арвате взял билет одной стройной туркменке лет двадцати шести (дают два билета в одни руки), она сидела в автобусе рядом со мной и пы-

талась всячески улажить в знак благодарности. Начала с того, что, когда штурмовали при посадке несчастный «пазик», она, протиснувшись внутрь одной из первых, высунулась из окна и заголосила: «Давайте сюда ваш рюкзак!» — рюкзак неподъемный и втрое больше автобусного окна. Когда я влез и сел рядом на занятое ею для меня место, она опять: «Давайте семечек поедим?» Она держит газетный фунтик с семечками тонкими изящными пальцами с красивыми продолговатыми ногтями, маняще светлеющими на фоне смуглой кожи.

Выезжали из Кизыл-Арвата долго, так как шофер-либерал насажал умоляющих безбилетников и вынужден был объезжать пост ГАИ по старой дороге, где ни асфальта, ничего.

На автостанции девочка-туркменка лет семи продавала семечки. Сидит около ведра с семечками, лузгает сама; рядом бумажные фунтики наворачены; в подоле кошелек. Торгует бойко, мелочь считает свободно: рано приобщилась к взрослой жизни. Одаривает совсем уж малолетних пассажиров бесплатными горсточками, словно выделяя представителей своей детской нации, волею судьбы заброшенных на чужбину к чужестранцам-взрослым.

Здесь же семья офицера-пограничника, уезжающая в Ашхабад: сам лейтенант с еще тонкой мальчишеской шеей, такая же молодая жена в больших и слишком модных для всей этой обстановки очках. У них девочка — года два с половиной, совершеннейший ангел: пухлые локти и коленки, белые кудряшки, белые носочки, нарядное платье, чистенькие сандалии. Глазеет на эту туркменку-продавщицу как замороженная. А когда та протянула ей семечек, взяла их ужасно неудобно, в оба кулака сразу, прижала к своему кукольно-игрушечному платьицу и со светящимися от восторга глазами побежала показывать неожиданно свалившееся на нее счастье маме.

Пока я вспоминал и обдумывал все это, моя соседка рассказала мне два двухсерийных фильма: арабский («Неизвестная женщина») и турецкий («Красная косынка»).

— Очень душевные кино; смотрите обязательно; я с самого начала до самого конца все время плакала; это не то, что индийские: любила — убили — другого полюбила;

нет, эти со смыслом; очень переживательные; а Вы какие книги читать любите? Вы книгу «Мартин Иден» читали? Объясните мне, пожалуйста, он что, утопился? а почему? Ведь все же получил, и богатство было, и слава? А ведь правда Руфь вела буржуазный образ жизни? а у меня муж следователь, он приносит каталоги убийств, толстые такие, знаете, как ценники, там все расписано, где как все было, кто дело вел, сколько дали; а вы детективы читать любите? я очень люблю, так интересно; вот у нас пятнадцать лет — высшая мера, при Сталине двадцать пять было, а сейчас расстрел только за госизмену; приходите к нам чай пить; вот я вам расскажу, парень с девушкой гулял, у нее живот растет и растет, к врачу пошла, посмотрели — срок большой, на кресло не стали брать, ее отец парня в коровник заманил и топором, а оказалось, у нее киста; кисту вырезали, девушка за другого вышла, родила ему (отец того, первого, в коровнике припрятал), а через двенадцать лет открылось, девушка та сама и узнала, в газету написала, ее отцу дали пятнадцать лет; я так читать люблю, я десять лет в русской школе училась; только уж очень летом жарко; вы знаете, ну просто невозможно, когда ночью тридцать три, то никак не уснешь, уж что только не делаем: и мокрые простыни на окна вешаем и заворачиваемся в них, а все без толку; я и читала все подряд, но только Пушкина и Крылова не люблю: у Пушкина одни сказки, а у Крылова — басни...

Я ведь почему еще читаю... Мне в этой жизни — не судьба... У меня детей нет и не может быть... Сама не понимаю, как муж со мной живет... Хотите семечек?»

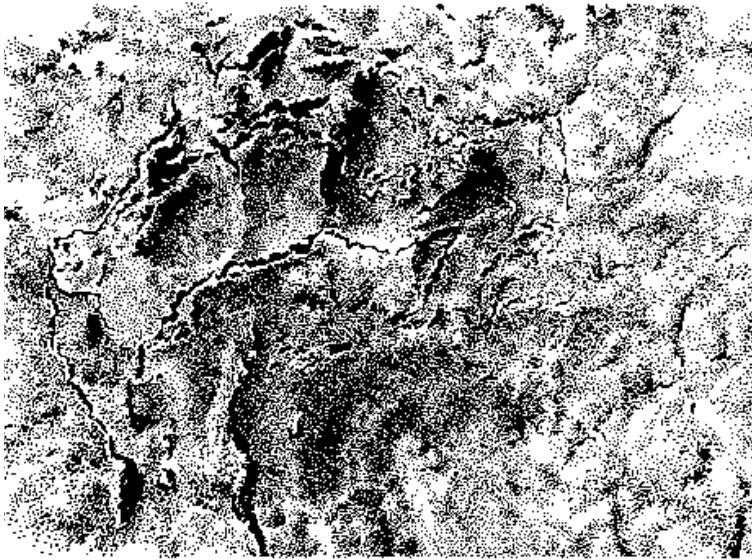
24

...Шах немало подивился рассказанному и возжаждал увидеть все своими глазами.

(Хорасанская сказка)

Годом позже мы приехали на Сумбар зимой с Лешкой Калмыковым — моим близким коллегой, московским орнитологом, занимающимся хищными птицами. Более благодарного спутника трудно себе представить: Алексей Борисович как никто способен оценить всю прелесть и смысл наблюдаемого

в природе и до сих пор радуется каждому интересному наблюдению, как юннат. Следы леопарда в четырех километрах от Кара-Калы с ее телевизорами и холодильниками вызывали у него откровенный восторг. Это неоценимое качество для преподавателя, работающего со студентами. Плюс, в свою очередь, это доставляло неизмеримое удовольствие мне: для меня увидеть самому, но не показать увиденное другим — хуже, чем не увидеть вообще.

А. Б. КАЛМЫКОВ И ПУСТЫННАЯ КУРОПАТКА

— Я узнал тебя, дружище, по великодушью и милосердию, коими наделил тебя Аллах, — отвечал волк...

(Хорасанская сказка)

«25 января. ...Внешне Калмыков часто напоминает мне лемура: медленные повороты головы, плавные движения тонких рук... Каждый раз, оказываясь рядом с ним, я непроизвольно сбавляю обороты, перестаю дергаться и внутренне отдыхаю. Даже комары рядом с ним летают медленнее.

Сидит Калмыков, курит, видит около лица надоедливое насекомое, медленно вытягивает руку и неспешно берет его в воздухе в кулак. Потом раскрывает ладонь, рассматривает, что от этого комара осталось; ну, думаю, точно, — тонкий лори; сейчас съест. Ан нет, стряхнув мертвого кровопийцу щелчком тонких пальцев, Лешка вновь поднимает на меня глаза и, улыбаясь, говорит:

— Ты чего, П-в, на меня так смотришь? — Кино.

Но вообще-то Лешина внешность, в совокупности с привычкой носить в поле военное обмундирование старого образца, почти фотографически совпадает с узнаваемым образом Ф. Э. Дзержинского. Учитывая интеллигентную молчаливость Калмыкова, предпочитающего не говорить, а слушать, а также изящную манеру курить старомодные папиросы, не приходится удивляться, что его присутствие раз за разом приводило в трепет самых разных встречаемых здесь нами людей, посматривавших на него кто с попыткой припомнить что-то давно знакомое по школьному учебнику истории, а кто — и с почти панической настороженностью...

Сегодня, разделившись со студентами на две группы, мы разошлись в холмах, когда от Лешкиной группы прибежал голец: «Сергей Александрович! Алексей Борисович просит вас подойти к нам туда, если можно...»

Я со своей командой отправляюсь в указанном направлении, где застаю Калмыкова, все так же, с мистической молчаливостью лемура, покуривающего около какой-то дырки в лессовом обрыве:

— Взгляни-ка, П-в. Я думаю, тебе понравится.

Я заглядываю в полуметровую нишу почти на уровне своего лица и еще раз убеждаюсь в том, что воистину «неожиданное рядом». Под толстым слоем черных сухих остатков хитина многочисленных насекомых на дне ниши видна целая куча мелких беловатых яиц. Это гнездо и яйца пустынной куропатки. Все это уже полежало здесь, спрессовалось и заветрилось. И никто этого не съел? Впрочем, ниша для шакалов и лис недоступна; плюс здесь жил сычик: хитин и кости грызунов, вне сомнений, из его погадок, накопившихся за долгое время; а сычик хоть и маленький, но хищник.

Описав и сфотографировав, как все выглядит до моего прикосновения, я запускаю в нишу руку и начинаю вытаскивать из нее холодные, как камни, яички: пять, десять... Я раз-

гребаю пальцами хитин, перемешанный с мелкими косточками мышевидных грызунов, и нащупываю все новые и новые яйца в толще этого кладбища насекомых. Пятнадцать... Вот это да! Максимально известное количество яиц в гнезде этого вида, описанное опять-таки Зарудным в 1896 году, составляет шестнадцать штук...

Мы извлекли из этого гнезда двадцать яиц! Факт недостаточно крепок для внесения в энциклопедию (гнездо старое, кто знает, как эти яйца были отложены? Может, не за один раз?), но тем не менее это находка нерядовая. Ай да Калмыков, ай да Феликс. Не дремлет ЧК».

И еще Калмыков произвольно преподал мне важный урок. Мы шли по Кара-Кале, и он вдруг спросил: «А почему мы не записываем кольчатую горлицу?»

Лешка своим свежим взглядом вновь приехавшего человека сразил меня наповал. У меня от его вопроса на лбу выступил холодный пот: я понял, что раздающееся из туи воркование («че-кууш-куу, че-кууш-куу») — это воркование кольчатой горлицы, которую я до этого в Кара-Кале не отмечал.

Не было никакой уверенности, что эта птица встречалась здесь раньше (тем более с географическими причудами этого вида, расселяющегося за пределами первоначального ареала с непредсказуемой скоростью в непредсказуемых направлениях), но мгновенно закралось подозрение, что я этот вид эле-

ментарно пропустил по небрежности и невнимательности, не сосредоточившись на ее голосе на фоне повсеместного воркования бесчисленных малых и обыкновенных горлиц.

Наши совместные изыскания с Калмыковым ничего нового по орлу в ту зиму не дали. Но зато мы видели в сухих субтропиках снег; здесь это всегда событие.

ГРИБНОЙ СНЕГ

...и, когда огляделся по сторонам, вдруг увидел огромного семицветного скорпиона, быстро ползущего в сторону пустыни... Скорпион обернулся большим черным змеем... змей обернулся львом... Немного погодя лев обернулся луноликой юной девушкой. Девушка... обернулась лазутчиком... лазутчик обернулся глубоким старцем...

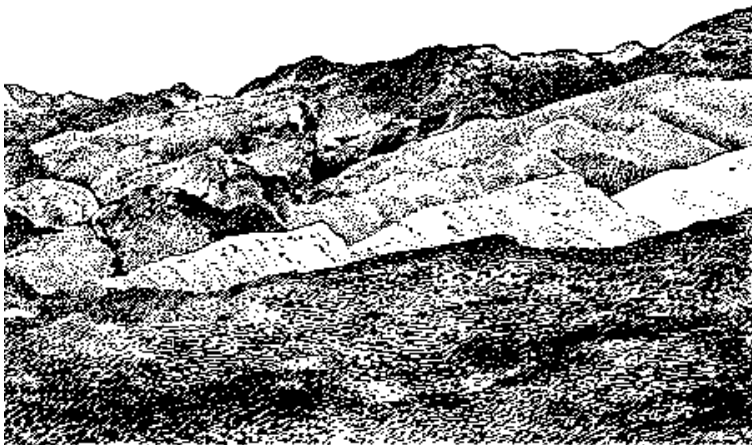
(Хорасанская сказка)

«2 февраля. ...Сегодня — настоящий зимний день. Холод собачий, что для Кара-Калы — редкость. Утром сыпались редкие отдельные снежинки, которые как бы медлительно раздумывали, что им делать: объединяться им все же в снег или нет? Их явно было маловато, да и падали они как-то очень обособленно, чтобы можно было сказать: «Идет снег».

Вдалеке от дороги и домов тихо так, что шипит в ушах. Горы белесые, покрыты, как белой прозрачной вуалью, тонким, просвечивающим слоем несплошного снега. Деревья и кусты в инее. После пасмурного утра днем выглянуло солнце, сразу потеплело, а вокруг все мгновенно изменилось.

Облачность стала подниматься, утаскивая за собой вверх по склонам эту снежную вуаль, словно невидимая рука поднимала прозрачную занавесь: прямо на глазах склоны гор снизу вверх начали темнеть, терять белесую припорошенность, вновь принимая свои необычные, становящиеся ярче, чем всегда, цвета — красноватые, желтые, зеленые, коричневые, серые, лиловые. Посвежели, как шкура змеи после линьки. Очередное таинство превращения и обновления.

Потом опять пасмурно. Потом пошел снег. Да такой, какого еще надо поискать: снежинки с пятак, огромные тяжелые

хлопья, мгновенно исчезающие при соприкосновении с уже теплой и мокрой землей. Пришлось бросить наблюдения: невозможно, очки и бинокль залепляет мгновенно.

Час брел домой, просто глаза по сторонам. Когда спустился ниже в долину, там все оказалось по-другому, снега не было, и тоже все быстро изменилось: натянуло плотную тучу, из которой сплошной стеной посыпалась крупа, шумно, как бисер на фанеру, падающая на комковатую и сухую здесь землю. А в это время солнце пробилось в разрыв облаков и подсвечивает все это сбоку. Грибной снег..

А как вышел на Обрыв Фалко — аж в зобу сперло: вид до горизонта на всю долину Сумбара к юго-востоку, а на фоне необычно темного неба и силуэтов хребтов — огромная радуга! Они вообще здесь редко бывают, а уж такой яркой и подавно никогда не видел.

Над головой темень, туча, вверх не помотришь — за шиворот сыплется, вдалеке — многоцветные склоны с двумя белоснежными вершинами Сюнта и Хасара, освещенными ярким прямым солнцем. А в противоположную сторону — на темно-синем фоне многоплановых иранских гор — новорожденная радуга.

Словно вращаешь, как в детстве, волшебную трубку калейдоскопа, в которой одно превращается в другое. И все это красиво какой-то неестественной праздничной красотой. Словно вокруг не реальность, а огромные, фантастически правдоподобные декорации...»

КВАКАНЬЕ В СУГРОБАХ

— Мы едем издалека и во время своего долгого пути видели много странного и удивительного...

(Хорасанская сказка)

«26 января. ...Артезианская скважина в ВИРе, из которой в арык тугой струей безостановочно течет чистая вода с постоянной температурой восемнадцать градусов, в летнюю жару является центром вселенной для всего живого. Сейчас, в середине зимы, в день редкого, почти настоящего снегопада, покрывшего землю на несколько часов тяжелым липким снегом (по здешним критериям — «сугробами»), из скважины раздается не к сезону энергичное кваканье лягушек, категорически не вяжущееся со снежным пейзажем. Надрываются прямо словно хвастаясь: вокруг снег, а нам — хоть бы хны, квакаем себе!

Стаи воробьиной мелочи, отжатые снегом из холмов, толкуются на раскатанных проезжих дорогах. Просянки, обыкновенные овсянки, вьюрки, зяблики, хохлатые жаворонки — все вперемешку на пятнах мокрого асфальта среди снега.

На трассе Ашхабад — Кизыл-Арват в такой день десятки тысяч жаворонков из заснеженной пустыни собираются на полотне дороги. Из-за бампера машины на остановке каждый раз вынимаем сразу по несколько птиц (серые, полевые и хохлатые жаворонки). Лисы жируют вдоль трассы откровенно, даже не убегая от проходящих машин, а лишь отскакивая на обочину, продолжая аппетитно хрустеть дармовыми тушками, повсеместно валяющимися на дороге».

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

Не успел он это сказать, как появилась огромная толпа, в окружении которой...

(Хорасанская сказка)

«25 января. ...На одном пяточке в едином скоплении совместно кормятся двести десять степных жаворонков, четырнадцать двупятнистых, восемьдесят пять хохлатых, тридцать

два малых, сорок шесть рогатых, триста вьюрков, девяносто каменных воробьев и восемнадцать коноплянок.

При кажущемся хаосе распределения кормящихся птиц каждый вид занимает в этом общем пространстве свое определенное место, свою нишу. Продолжает жить своей жизнью, хоть неизбежно и связан паутиной невидимых связей со всеми соседями. Причем не с соседями, лишь вежливо здороваемися, перед тем как закрыть за собой глухую дверь на общей лестничной площадке, а с соседями, разделяющими и общую кухню, и общую ванну, и даже общую спальню; с соседями по очень-очень коммунальной квартире...

Степные жаворонки щиплют траву и крушат кустики полыни своими мощными клювами на самых плоских участках пологих склонов.

Рогатые жаворонки тоже пощипывают травку, но более мелкую и тонкую; да и кормятся чаще на более крутых склонах; клювы у них намного слабее.

Хохлатые жаворонки кормятся долблением, как отбойные молотки, или переворачивая кусочки навоза и комки глины, собирая из-под них притаившееся или завалившееся там съестное; у этих клюв — как долото.

Каменные воробьи в этой толкотне вообще перестают кормиться на земле и усаживаются на стебли редких растений, неудобно сидя на них, удерживая равновесие трепетом крыльев и поклевывая что-то с ветвей.

Коноплянки и вьюрки подбирают мелкие съедобные частички вокруг кустиков полыни и солянок или остающиеся от брошенных степными жаворонками веточек.

Я упрощаю. Потому что на самом деле даже отдельные птицы, кормясь рядом, могут использовать очень разные приемы кормления, выковыривая корм из почвы, склевывая что-то с земли, с растений или подпрыгивая за добычей в воздух...

Происходит разделение труда на ниве поедания всего съедобного. Потому что конкуренция за хлеб насущный правит бал. Чтобы ее избежать, каждый вид выработал свой стиль, свою специальность; занимает свое уникальное, лишь ему одному свойственное, место под солнцем (это и есть его ниша).

Разные виды или едят разное в одном месте; или едят одно и то же в разных местах; или едят одно и то же в одном месте, но по-разному, в результате потребляя ресурсы разной доступности. И ведь все это гибко, подвижно и может перестра-

иваться в зависимости от условий. Немыслимая сложность и динамика мозаики жизни, на которой все и держится.

«Что за этим? — спросит пытливый мичуринец. — Статистика проб и ошибок, вероятностные процессы эволюции или гармония высшего творения?»

А вдруг и то и другое вместе: динамичная эволюция сотворенного. И никакого конфликта в этом нет? А истерики в стиле «или — или» — это для тех, кто науку от религии отличить не может или не хочет, смешивает все в одну кучу, пытаясь играть в одну игру по правилам другой, никогда не удосуживаясь с этими самыми правилами ознакомиться, а лишь целясь в глотку оппоненту.

Ой, что-то я резковато выступаю... Как юный пионер. Как ортодокс... Резковато, но справедливо. Потому как традиционные ортодоксы с обеих сторон, что с научной, что с церковной, укачали уже до дурноты... «Эй, ребя-ата-а! Подье-ом! Двадцать первый век на дворе!..» А мы все волнуемся: «Да как можно?! Да как не стыдно!..»

В Библии-то, кстати, не только ни одного противоречия эволюции нет, в ней даже многие эволюционные элементы как обязательные атрибуты сотворенного мира описаны. Да иначе и быть не может. Неужели Бог с неизменным миром стал бы связываться? «Шкурка выделки не стоит».

«НЕ БЫВАЕТ НАЛЫСА»

Ствол этого дерева был сплошь покрыт струйками крови, стекающими в озеро, а ветви увешаны человеческими головами. Стал Хатем разглядывать эти головы, и ему померещилось, будто те ответили ему улыбкой...

(Хорасанская сказка)

«27 января. Здорово, Маркыч! Как оно?»

...Почувствовав, что созрел для радикальных перемен, прихожу в кара-калинскую парикмахерскую, сажусь. Парикмахер-туркмен, в воодушевлении от необычного клиента, отодвигает в сторону уже многократно использованную простынку, виртуозно набрасывает мне на шею чистую, извлеченную по такому случаю из тумбочки, и мастерски поигры-

вает ножницами, предвкушая клиента, несомненно способного оценить его мастерство:

— Я Вас слушаю. Как нада?

— Налысо.

Он в первое мгновение не может понять, не ослышался ли.

— Но ведь *Вы* же рыжий?..

— Ну и что?

Убедившись, что не ослышался, он не скрывает разочарования.

— Нэт, ничего, канэшна... Только, знаэш, зра ты эта... Ты-та вэдъ нэ туркмэн.

— Ну и что?

— Да ничего... Мне-то ничего... Эта ты будешь лысай хадьть... Ну так как, что ты решил?

— Налысо!

Он вздыхает, уже безо всякого вдохновения опустив руки и скрестив их на животе.

— Как налыса? Не бывает налыса! Бывает нагола или под машинку! Как нада?..

Я оказался не готов. Подумав секунду и поняв, что не доверяю опасной бритве в руках этого разочарованного черноокого брадобрея, я сделал выбор:

— Под машинку!

С каким же разочарованием и раздражением парикмахер стряхивал потом со зря испорченной свежей простыни мои рыжие патлы!

За полное и неузнаваемое обновление своей внешности, повлекшее за собой удивительный по стойкости эффект глубинного духовного обновления, я заплатил тогда двенадцать копеек...

Поэтому сейчас я скажу тебе так: не складывается жизнь, или, наоборот, обуяла гордыня, или просто хочется встряхнуться — побрейся наголо или хотя бы постригись под машинку. Поможет при любом раскладе».

ЗИМНЯЯ НОЧЕВКА ЧЕРНОЙ АМЕБЫ

...со стороны Найзара (огромное камышовое болото) несутся сливающиеся голоса лягушек и козодоев и неясный, неумолчный шум, производимый птичьим населением его громадных камышей...

(Н. А. Зарудный, 1901)

...Вскоре раздался грохот, собравшиеся на площади, обратив взоры в сторону пустыни, увидели страшного змея. Он двигался, задрал голову до небес, хвоста же его не было видно...

(Хорасанская сказка)

«2 февраля. ...Пархай, теплый сероводородный источник в южных предгорьях Сюнт-Хасардагской гряды, оказывается оазисом, переполненным жизнью в зимнюю холодную погоду.

По берегам текущего от него ручейка расположены густые заросли тростника. В этом тростнике, на участке всего сто на двадцать метров, сидит несколько тысяч буланных вьюрков. Писк просто оглушительный. Вдруг все это взлетает и садится вновь. Постоянно подлетают все новые и новые стаи; подсаживаются в заросли поверх уже сидящих птиц. А следующие стаи уже тянутся из-за гор. Интересно, что днем в самой долине Сумбара такой концентрации буланных вьюрков нет; встречаются лишь редкие небольшие стайки; откуда прилетают на ночевку — непонятно, надо выяснять.

Позже появляются скворцы. Когда летит стая скворцов хотя бы в две тысячи штук, но настолько плотная, что птицы

впритирку друг к другу, то она совсем не воспринимается как стая птиц. Она выглядит как черная живая летающая амeba. Или даже что-то еще более фантастическое. Понятно становится, откуда могли взяться легенды о летающих драконах.

Стая эта летит шаром, потом р-р-раз — стала овальной, потом поменяла цвет — птицы повернулись к заходящему солнцу другим боком, потом разделилась на две части, которые почти сразу вновь сблизились, прошли, не смешиваясь, друг сквозь друга (одна из них отсвечивает стальным, вторая — угольно-черная), снова слились, и опять летит единая гигантская черная капля.

Вдруг из нее камнем падают вниз две, три, пять, десять птиц, садятся в тростнике; остальная масса летает кругами, снижается, снижается, снижается, потом опять с шелестом тысяч крыльев взмывает свечкой вверх; потом опять вниз, и, наконец, все это сыплется сотнями и сотнями птиц вниз; садится, с шумом сильного ливня, в тростник, поверх уже, кажется, вплотную сидящих там вьюрков. И сразу все заросли черные, и гомон стоит такой, что его уже и не перекричать, а на магнитофонной записи сплошной гвалт, шум и треск».

ГАСТРОНОМ-АРХИТЕКТОР

...И вот каменщики во главе с Мамуром построили просторный и удобный караван-сарай...

(Хорасанская сказка)

«23 ноября. Под козырьком скалы нашел гнездо большого скалистого поползня с двумя отверстиями-входами вместо одного. Очень необычно. И чего ради? Что могло сподвигнуть на столь экстравагантное строительство?»

«21 января. Опять большой скалистый поползень привлек внимание. Духарная все же птица. Правильно Зарудный подмечает его особенность: «...Поползень — очень крикливая птица: он точно считает обязанностью подавать голос при всяком удобном случае. В компании мелких птичек,

обыкновенно собирающихся около найденной кем-либо из них змеи, поползень занимает первенствующее место: он то рассматривает гадину с самой серьезной миной и несколько свесивши свою большую голову, то ободряет зрителей особыми звуками, то издает крики предостережения, то вдруг вскочит на ближайший камень и во всю глотку оповещает о волнующем его маленькое сердце событии...» — конечно антропоморфизм, но как хорошо. И как похоже, как узнаваемо!

И понятно, что «...чем короче становилось наше знакомство, тем все более и более нравились мне эти веселые птички с их звонкими голосами, архитектурными наклонностями, забавными движениями и оригинальным образом жизни». И не только это. У поползня ведь даже форма тела необычная для большинства птиц — веретено веретеном; не поймешь, где хвост, где нос.

Вхожу в холмы левого берега Сумбара по Дороге Помоек и первое, что вижу, — поползня с огромным жуком в клюве. Сидит на камне и свистит на всю округу с едой во рту. Странно. Я приготовился посмотреть, как он этого жука съест или спрячет, но увидел совсем другое.

Соскочив с присады, поползень юркнул к груде крупных камней и уселся вниз головой на оказавшееся там гнездо. Постройка классической правильной формы — усеченный конус с отверстием на срезанной вершине; маленький и уютный бетонный бункер.

Сидя на стенке гнезда, поползень вдруг начал изо всех сил колотить по ней зажатым в клюве жуком. Причем совсем не так, как птицы это делают, убивая добычу. Он так усердствовал, будто хотел измочалить жука в лохмотья, а когда ему это удалось, вдруг начал размазывать разбитое жучиное тело по стенке гнезда, буквально втирая плоть и соки усопшего насекомого в поверхность своего жилища.

Разделавшись со столь странным занятием и окончательно размазав всего жука по стенкам гнезда, поползень поползал еще несколько секунд здесь же, вертя головой и явно рассматривая результаты своего труда, удовлетворенно вытер клюв о стенку гнезда, посмотрел вокруг, перелетел на верхушку ближайшего камня, лихо и победно просвистел своим бандитским свистом и отлетел прочь.

Я подошел к гнезду вплотную и первым делом на всякий случай решил заглянуть внутрь. Рановато для размножения, но мало ли что. Для этого пришлось достать из саквояжа карманное зеркальце, навести зайчик в узкую дырку входа в гнездо и посветить там в разные стороны. Пусто. То есть шерсти полно (явно таскает для выстилки погадки хищных птиц с шерстью песчанок — не пропадать же добру), волос каких-то, но яиц нет.

Рассматривая же потом эту уникальную конструкцию снаружи, я обнаружил в ее стенках остатки множества насекомых — преимущественно жучиные лапы и надкрылья, а на стенках везде виднелись засохшие желтоватые потеки от раздавленных жуков, как на ветровом стекле машины летом после долгой дневной езды.

Ничего подобного я раньше не видел, но догадка возникла мгновенно: по-видимому, органические вещества из тканей насекомых укрепляют всю конструкцию, склеивают стенки, построенные из глины, пропитанной птичьей слюной.

Не случайно ведь глину для самых крепких в истории России кирпичей, изготовлявшихся века назад для стен церквей и монастырей, замешивали на яичных белках (или на желтках?... не важно). Так, может, вот она где, самая древняя прикладная орнитология? Ведь не сами же мастера, строившие церкви, из ничего придумали такое? Добавили случайно в кирпичный замес белки или желтки и убедились потом, что кирпич получился крепче? Может, увидели что-то подобное в

природе и правомерно заключили, что раз птички так делают, то и нам самим так же надо попробовать?

Думал про это по пути домой. А вернувшись потом в Москву, прочитал в библиотеке зоомузея в старинной книжке Зарудного исчерпывающее описание того, как и где поползнии строят свои гнезда. Что в стенках, помимо остатков насекомых, часто оказываются куски навоза, шерсть грызунов из погадок хищных птиц, тряпочки, веточки, смола арчи, камедь дикой вишни и миндаля; что на гнездо иногда идет более тридцати килограммов глины; а также нашел у него и многое другое уникальное. Например, что за выдающиеся строительные способности «курдские хакиды (знахари)... приписывают... необыкновенную силу поползнию, ради чего пользуют своих расслабленных пациентов его мясом». Или что «между поползнями попадают особенные любители украшать свои гнезда» (переливчатыми надкрыльями жуков). Или что птенцы его, начиная летать, иногда выпрашивают корм не только у родителей, но и у чужих птиц других видов, у моих жаворонков, например. Даже, дураки, увидев крупное пролетающее рядом насекомое, поворачиваются к нему, нетерпеливо разевают рты и орут благим матом: мол, давай, лети сюда, голодные мы... Прикол.

А вывод простой: тщательнее надо готовиться к полю — «Век живи — век учись...»

БЕЛОЕ УХО

— Послушай, лиса, теперь ты спрячься где-нибудь, а я займусь этим делом сам.

Лиса тотчас схоронилась поблизости в ушеле и стала ждать...

(Хорасанская сказка)

«21 февраля. Привет, Зуб! Сегодня вспоминал тебя, охотника.

...Короче, лезу вверх по склону, птиц смотрю. Не работа, а так, экскурсия для общего развития. Ящериц полно. Уносятся от меня вниз головой по вертикальным скалам. Тепло, все оживает. Все пока более-менее на виду, жара еще не подошла,

да и для изощренной скрытности сейчас не сезон. Поют, понимаешь ли, танцуют.

Лезу и думаю: «Копетдаг подо мною... Один в вышине...» — и вдруг вижу, что сбоку, на моем уровне, по склону спускается отара овец... Я, чтобы глаза мои их не видели, сворачиваю в лощинку и лезу дальше по узкой каменной щели. Ее борта — ровные поверхности круто наклоненных известняковых пластов — голый шероховатый камень. Местами — крупный щебень, редкие подушки разных колючек, в щелях кое-где торчат хиленькие деревца по полтора метра высотой. А по трещинам вдоль границы пластов разной твердости, где активнее выветривание и накапливается почва, полно зеленой травки, держидерева, кустов: близко под землей вода. Местами попадает вишня и черемуха, все в цвету.

В этих кустиках по лощине, так же, как и я, сторонясь отары, пряталась лиса. Здесь, где скалы без деревьев, выпугнув зверя, порой долго можно за ним наблюдать. Удастся разглядеть со всеми подробностями. У этой лисы сзади на черном ухе какое-то светлое пятнышко — случайная отметина, а можно было бы использовать как метку, чтобы узнавать ее «в лицо» по этой «серьге». Удобная деталь».

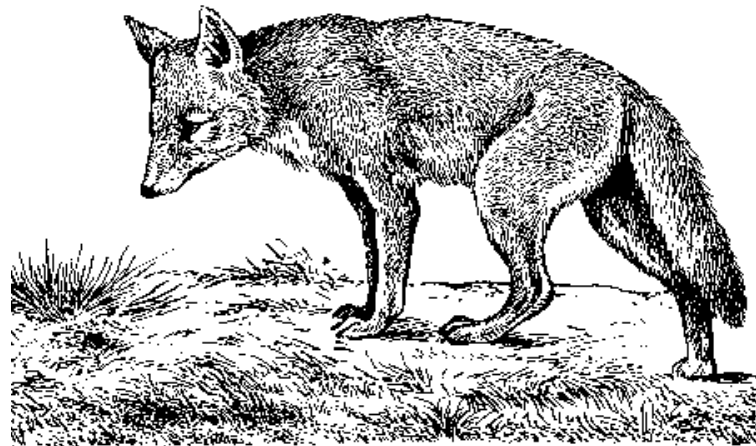
АЛИСА

...Когда пришел он к ущелью, где его поджидала лиса, она выскочила из своего укрытия и принялась плясать от радости...

(Хорасанская сказка)

«28 февраля. ...Иду по низинке, в которой течет еле видимый ручеек, порой вообще превращающийся в цепочку мелких луж. И если такое зимой, то весной и летом здесь полная сушь. Но грунтовые воды близко, так что даже тамарикс кустится местами. Иду себе, вспугиваю время от времени сычиков с борта промоины; их много здесь.

Выхожу за поворот, в кустах стоит лиса. Я сразу плюх на коленки, сию тихо. Она ходит спокойно, вынюхивает, шебуршит чего-то под ветвями. Достал фотоаппарат, навел, сию жду, когда выйдет из кустов. Выходит, я дожидаюсь, пока будет видна вся целиком (ведь сразу потом ускачет); снимаю.

Она останавливается и смотрит на меня. Я еще раз снимаю. Она раздраженно, по-беличьему дергает хвостом, поднимает его по-хозяйски воинственной трубой и стоит. Потом отворачивает от меня голову и не торопясь идет с поднятым хвостом куда шла — к соседнему кусту и начинает там вынюхивать. И снова это пятно на ухе: та же самая лиса с «серьгой», которую видел уже! Пора знакомиться. Назвал, не претендуя на оригинальность, Алисой.

Неужели меня не разглядела? Сию пеньком на коленках, мешковатая штормовка, лицо фотоаппаратом закрыто, не шевелюсь, ветер от нее. Ждал, ждал, диафрагму переставил, а она не реагирует на меня, занимается чем-то своим. Наверное, золотые дукаты вынюхивает. Мне надоело сидеть, я вскочил и как заору: «В глаза-а смотреть!!» Даже жалко стало, так она, бедная, рванула; вдруг, думаю, лисят у нее потом не будет?»

«15 марта. ...Иду рано утром по лощине и вижу, что почти у вершины холма лежит лиса. Свернулась уютным клубком, прикрыв нос пушистым хвостом, и смотрит на меня своим проверяюще-скептическим лисьим взглядом. Повернула голову — все то же пятно на ухе — опять Алиса. Может, думаю, ты ко мне приручишься? Вон у Зарудного жила ручная лисичка-корсак. Впрочем, я для тебя не авторитет. К Зарудному бы ты приручилась...

Так я и ушел. Обернулся потом перед поворотом: лежит, игнорируя меня и не меняя позы, как будто меня не было и нет».

ПОЛ-ЛИСЫ

— О добрый человек, — сказала лиса. — Как же можем мы думать о людях хорошо, когда охотники причиняют нам столько горя?..

— ...Однако для блага твоего... я готов пожертвовать собой.

Скажи только, из какой части тела требуется кровь?

— Из любой, — пробормотала лиса...

(Хорасанская сказка)

«10 марта. ...Шел, шел, смотрю — лиса. Блондинистая, ну очень светлая; не рыжая, а светло-желтая. Ходит по краю поля, язык на плечо, как у меня; вид заморенный от солнцепека. И ветер от нее, не чувствует меня.

Я открыто пошел прямо к ней, не видит, вынюхивает что-то, увлеклась. Поставив саквояж на землю, я поднял камень и швырнул в нее из любопытствующего натуралистического хулиганства, вспомнил, понимаешь ли, юннатское детство. Попасть и не стремился, просто пугнуть. А она — ушки на макушку и, р-р-раз, — прыжком к тому месту, где камень упал, к еще висящему фонтанчику пыли, и давай там шуровать. Тут я прямо вскипел весь.

Вторым камнем промазал в нее на какой-то метр. Она подскочила вертикально, как на пружинах, на всех четырех ногах, и опять вертится, высматривает, ничего не понимает, не замечает меня.

Ну что, я к общению с игнорирующими меня лисами привычный, кинулся на нее, заорав страшным голосом; она ка-а-к дунет. К сожалению, я весьма неизящно споткнулся и упал, ободрав при падении, защищая оптику, обе ладони. Но все равно полминуты следил за ней, смотрел, как чешет по открытым холмам. Взбежала на верхушку склона, нервно присела на секунду над кустиком полыни, навалила на него кучу, шаркнула пару раз лапами и скрылась за гребнем. Эх, собачья натура... Будем считать, что это от стресса и персонально ко мне не относится...

Иду, переживаю это безобразное к себе отношение, стряхиваю грязь и кровь с разодранных ладоней, прошел триста метров — буквально из-под ног выскакивает еще одна лиса, с

темно-темно-рыжими ногами, как в чулках. И пулей от меня в том же направлении, что и первая.

Получается, что почти каждый день вижу лис. Ну не каждый, может быть, пореже, но уж пол-лисы в день вижу точно».

Весной я вновь вернулся в Кара-Калу, продолжая свои маршруты по Копетдагу, но положительных результатов не было; Игнев, работавший в поле круглый год, тоже ничего не находил.

НУ И ДЕЛА...

Вдруг на небе появилось темное облако, из него протянулась какая-то рука и похитила малику...

(Хорасанская сказка)

«5 марта. ...Вышел поутру, все путем. Не успел пройти половины расстояния от Кара-Калы до предгорий, как все в природе изменилось: «потемнело в чистом поле», с запада натянуло низких тяжелых облаков, из которых вдруг повалил мокрый, липкий и какой-то теплый снег. Явление куда как необычное, я обрадовался нетривиальной обстановке для наблюдений, но не тут-то было.

Через тридцать минут этот снег полностью закрыл всю землю, а через час перспектива исчезла, расстояние до предметов перестало существовать, сами предметы растворились в повсеместном белом пространстве; мир потерял свою трехмерность. Такого я не видел никогда и нигде. Возникло впечатление, что в этих бесснежных местах, где природа не приспособлена к снегу, даже сам снег идет неправильно, не так, как всегда, не так, как ему положено, а весь окружающий ландшафт вообще теряется, не знает, что с этим снегом делать.

Я вынужден был повернуть назад, ориентироваться было невозможно, шел наугад, глядя под ноги, просто следуя рельефу и зная, что рано или поздно выйду так к Сумбару. Птиц нет, пустота; лишь один лунь потерянно пролетел низко над землей, транзитом куда-то, что тоже выглядело необычно, как и сама эта погода.

На подходе к Кара-Кале я почти наткнулся лбом на огромный сугроб, вдруг вставший передо мной на длинных мослатых ногах: это был присыпанный полуметровым слоем липкого снега верблюд. Я не мог не вспомнить, как Чача в свое время декламировал: «...В дни холодных встреч мне было худо, как в снегу голодному верблюду...»

У-у, кэмэл, морда горбатая, напугал меня. А ведь у верблюдов и свой особый покровитель есть — святой Султан-Вейси-Гарни; похоронен где-то в Афганистане; Мухаммед его в свое время отправил в странствования по Востоку апостолом... А я в Туркмении в аспирантуре... У каждого свое дело, слава Аллаху...

На следующий день рано утром снег лежал везде серьезным всамделишным слоем, но на небе без единого облачка уже вовсю сияло солнце. Я отправился посмотреть, как в этом снегу отсиживаются по Сумбару турачи, для которых такое дело — труба.

Проходил по снегам часа четыре и обгорел от альбеда так, что к вечеру не мог ни есть, ни пить, ни дышать: рожа была как светящийся изнутри помидор, причем больше всего не нос и лоб, как обычно, а подхарник — подбородок и щеки снизу — сожгло отражением от снега.

Ночь не спал, сидел, в очередной раз перечитывал Стругацких, меняя на пылающей рыхе холодное мокрое полотенце».

25

— Как называется эта земля и кто здесь правит? — спросил султан...

(Хорасанская сказка)

После этого я на полгода уехал в Афганистан, где писал для проекта ЮНЕСКО учебники по экологии и охране природы. Это была совершенно особая страница в жизни, запомнившаяся такими же, как в Туркмении, пейзажами и жарой; белобрсыми мальчишескими лицами наших солдат с обгоревшими на солнце носами; еще не до конца осознаваемой тогда безумной абсурдностью происходящего, но уже все более ясным пониманием того, что победить или подчинить этот народ невозможно; песнями Розенбаума; неудобной, но успокаивающей тяжестью пистолета под мышкой и необходимостью внимательно смотреть по сторонам далеко не на птиц, о которых я, отправляясь в эту поездку, думал не в первую очередь.

Хватало и прочих наблюдений. Я впервые оказался за границей, и хотя внешний антураж окружающих гор благодаря моему туркменскому опыту не поражал чем-то абсолютно неизвестным, специфика *загранки* и особой военной обстановки сказывалась во всем. Например, в том, что даже в Афганистане я увидел и узнал о внешнем мире многое, чего не знал и не видел дома. Или в том, что к автоматам наших солдат всегда были пристегнуты спаренные магазины, смотанные пластырем или изолентой. Я такого раньше никогда не видел ни по телевизору, нигде; не было тогда еще ни Чечни, ни прочих плодов ельцинской демократии... И это был Афганистан — третий из главных регионов легендарного Хорасана...

Парадоксальным образом связь с фасциатусом в Кабуле не только не прервалась, но даже стала крепче. С руководителем проекта, моим коллегой по кафедре, Владимиром Володиным (немаловажно — ведущим специалистом в стране по